

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ЦЕНТР ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На правах рукописи

ТУЗБЕКОВ АЙНУР ИЛЬФАТОВИЧ

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ЭТНИЧНОСТИ БАШКИР ОРЕНБУРГСКОЙ, ЧЕЛЯБИНСКОЙ И
КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор С.Ф. Касимов

Уфа – 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Теоретико-методологические аспекты изучения этнокультурных традиций и функционирования этничности в условиях современности	25
1.1. Система основных категорий.....	25
1.2. Теоретические основания изучения этнокультурных традиций и функционирования этничности в многонациональном сообществе.....	53
Глава II. Некоторые аспекты современных этнокультурных процессов у этнографических групп башкир	77
2.1. Этноязыковые процессы.....	80
2.2. Этнический фактор в образовательной сфере.....	102
2.3. Этноконфессиональная ситуация.....	115
Глава III. Проблема этнического самосознания в контексте функционирования этничности	128
3.1. Этническое самосознание башкир Башкортостана и этнографических групп: сравнительный анализ.....	128
3.2. Этнорегиональная идентичность в контексте взаимодействия Республики Башкортостан с Оренбургской, Челябинской и Курганской областями.....	158
Заключение	179
Список использованных источников и литературы	184
Приложения	211

Введение

Актуальность исследования. Современное состояние человечества характеризуется двумя взаимосвязанными тенденциями в развитии этносов. С одной стороны, это усиливающиеся интеграционные процессы, широкое экономическое, социальное, политическое, культурное сотрудничество и обмен, с другой – стремление народов к возрождению, самосохранению, саморазвитию и самоопределению. Обе тенденции обусловлены объективными потребностями этнического и общественного развития в целом и имеют всеобщий характер.

Указанные направления действовали и в регионах бывшего СССР. Однако в условиях жестко централизованного тоталитарного режима процессы саморазвития наций существенно замедлились и деформировались. Положительные приобретения, накопленные в национально-культурном строительстве в первые годы после Октябрьской революции, оказались в дальнейшем утраченными в результате ошибок в национальной политике. Опираясь на несостоятельную в научном и несправедливую в этическом отношении концепцию о скорейшем слиянии наций, осуществлялась политика искусственного форсирования сближения наций, что вело к стиранию национальных различий, унификации культуры и общественной жизни в целом. Следствием такой политики и практики явился глубоко зашедший процесс деэтнизации народов, в том числе и башкир, что особенно негативно сказалось на развитии их национальной культуры. Уменьшение числа башкир, знающих родной язык, национальную культуру, историю, народные обряды, обычаи и традиции, постепенная утрата частью населения национального и исторического самосознания, преемственности в культуре свидетельствуют о существенных деформациях в национально-культурном развитии башкирской нации.

Начавшийся в конце 80-х годов процесс перестройки и обновления положил начало приостановлению деэтнизации, изменению условий для

развития башкирской культуры. Башкирская нация переживает сегодня один из сложных и ответственных периодов своей этнической истории. Национально-культурное развитие является неотъемлемой составной частью возрождения и развития башкирского этноса, выступает как фактор гармонизации межнациональных отношений, осуществления глубоких преобразований. Идет переоценка многих сложившихся неверных стереотипов об её истории, национальной культуре и других этнических особенностях. Все более осознается необходимость сохранения и развития родного языка как основы национальной культуры, необходимость оптимального сочетания в культуре национального и общечеловеческого. Вместе с тем, процесс этот идет неоднозначно, сложно и противоречиво, не все препятствия преодолены, и не все условия созданы для национально-культурного возрождения и развития. После изменений, произошедших в России к концу XX века, появился целый комплекс назревших вопросов, связанных с удовлетворением национально-культурных потребностей части башкирской нации, проживающей за пределами республики. Одной из важных проблем является уровень сохранения этнокультурных традиций, влияющих на функционирование этничности башкир вне Республики Башкортостан. Этот вопрос актуализирует тему настоящей диссертации в условиях современного развития многонациональной России. Вопросы сохранения этничности и воспроизводства этносов приобретают особую значимость на сегодняшний день в связи с тем, что противодействие агрессивному воздействию внешней социальной среды может принимать различные формы, вплоть до проявлений экстремизма и других негативных явлений. Для этого требуется тщательное изучение форм функционирования этничности при пропорциональной поддержке государственными органами власти всех этнических групп, населяющих регион, рассмотрение основных путей и возможностей дальнейшего воспроизводства этничности в каждом новом поколении. Нахождение и осуществление методов установления межэтнического согласия, возможности выявления методов адаптации,

являющихся наиболее удачными и стабилизирующими, – вот что является важным для башкир в современных многонациональных регионах.

Объектом исследования выступают этнографические группы башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей;

Предметом исследования является изучение этнокультурных традиций и функционирования этничности этнографических групп башкир в современных условиях.

Территориальные рамки. Функционирование национальной культуры, родного языка, обрядов, обычаев, традиций и других элементов материальной и духовной культуры башкирского этноса имеет свои особенности за пределами Башкортостана по сравнению с аналогичными процессами, происходящими в республике. Исследование специфики сохранения этнокультурных традиций и функционирования этничности башкир автор рассматривает на примере тех территорий, которые ранее входили в состав Башреспублики.

В 20-х годах XX века советская власть, занявшись территориальным устройством России, переведя решение вопроса территориального отторжения в плоскость хозрайонирования и частичного исправления административных границ АБССР, задалась целью создать «коридор» между Башкортостаном и Казахстаном для отделения башкир от тюрков-мусульман Средней Азии, были созданы два новых искусственных территориальных образования - Челябинская и Оренбургская области.

Башкирские деревни, расположенные между городами Оренбург и Орск, у Башкортостана были отобраны (практически большая часть башкирских деревень из Усерганского кантона и Ток-Чуранской волости, названные официально «вкраплениями», оказалась в составе Оренбургской области). Вследствие этого южные границы республики были отодвинуты далеко на север.

Если на юге республики политика центральных органов власти была обусловлена необходимостью создания буферной зоны, то на северо-востоке

Башкортостана зигзагообразное изменение границ обуславливалось тем, что центральная власть не хотела иметь сильный в экономическом отношении регион, который проводил бы самостоятельную политику. Башкортостан лишился крупных промышленных городов. Таких как Аша, Златоуст, Сатка, Миасс, Катав-Ивановск и других, которые были расположены на башкирских землях и оказались за пределами республики. На этих примерах четко прослеживается политика «двойных стандартов», что было обычным явлением в политике центра, проводившего административное деление субъектов без учета мнений коренного населения, в угоду собственным интересам.

Данный процесс завершается в начале 1934 года передачей Аргаяшского кантона БАССР Челябинской области, а Яланского кантона – Курганской. Общая численность населения этих районов составляла на тот период более 100 тыс. человек¹.

В настоящее время, по данным Всероссийской переписи населения 2002 года, в Российской Федерации проживают 1673389 башкир, занимающих пятое место среди народов России. В Республике Башкортостан проживает 73%, а за ее пределами 27% всех башкир России. В результате выше обозначенных территориальных изменений на сегодня самая большая диаспора башкир – в Челябинской (166372 человека), Оренбургской (52685 человека) и Курганской областях (15343 человека)². Если в Челябинской области от переписи к переписи происходит рост численности башкир по устойчивой «восходящей линии», в остальных двух регионах наблюдается рост до 1989 года, а затем идет уменьшение. Наибольшее снижение в 2002 году по сравнению с 1989 года произошло в Курганской (-2205 человек), и Оренбургской области (-654 человек).

В этих регионах возрастает роль этнокультурных процессов и межэтнических взаимодействий. Это обусловлено предшествующим

¹Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана, 1926-1928 / секретариат Гос. Собрания – Курултая Республики Башкортостан. – Уфа, 2007. – Т. 8. – С. 58.

²Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс] / Госкомстат РФ. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>.

историческим взаимодействием живущих здесь этносов и наличием на территории народов с традиционным укладом жизни.

Складывающаяся ситуация вовсе не способствует сохранению этнокультурных традиций, самосознания, укреплению межэтнических отношений между башкирами и представителями других национальностей, в том числе и между самими башкирами. Очень важно вовремя выявить и предупредить возможные причины напряженности в межнациональных отношениях.

Всё это обусловило выбор данной темы для диссертационного исследования

Хронологические рамки исследования охватывают начало XXI века, что обусловлено актуальностью изучения современного состояния этнографических групп башкирского населения, проживающего за пределами Республики Башкортостан, в недрах которой под влиянием коренных (структурных, системных) общероссийских преобразований происходят существенные перемены.

Степень научной разработанности темы. Проблема этнокультурных традиций и функционирования этнических общностей в условиях многонациональных регионов носит комплексный, междисциплинарный характер, поэтому научные исследования в этой области в настоящее время ведутся в различных направлениях. Анализ научной литературы показывает, что изучение этнической идентичности башкир необходимо проводить в тесной связи со сложившимися теориями этничности.

В связи с этим значительный интерес представляют работы русских дореволюционных историков, этнографов, краеведов и писателей – М.В. Авдеева, С.Т. Аксакова, И.В. Витевского, Р.Г. Игнатьева, Д.П. Никольского, М.В. Лоссиевского, Н.В. Ремезова, С.Г. Рыбакова, П.И. Рычкова, Г.И. Успенского и других исследователей края, основные работы которых

представлены в первых трех томах шеститомного сборника «Башкирия в русской литературе», а также в отдельных изданиях из серии «Золотые родники»¹. В их работах содержатся интересные наблюдения о хозяйстве, быте, истории, культуре, обычаях, традициях и особенностях психологии башкирского народа.

Существенный вклад в понимание особенностей этнического развития башкир внесли труды башкирских просветителей, ученых и общественных деятелей: М. Акмуллы, М. Уметбаева, М. Бурангулова и А.З. Валидова².

Теоретические подходы к исследованию феномена этничности в отечественной науке были заложены в 1960-1970 гг. в трудах известных советских этнологов Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, В.И. Козлова, П.И. Кушнера, Н.Н. Чебоксарова³. В современной российской науке анализ категорий этничности, этнической идентичности осуществляется такими исследователями, как: С.А. Арутюнов, Ю.В. Арутюнян, А.О. Бороноев, И.В. Власова, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижева, В.Н. Иванов, И.С. Кон, М.В. Крюков, Э.С. Маркарян, В.В. Пименов, Л.С. Рубан, З.В. Сикевич, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.А. Тишков, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, К.В. Чистов, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов и другие⁴.

¹ Башкирия в русской литературе : В 6 т. / сост. и авт. предисл. М. Г. Рахимкулов. – Уфа, 1989–2004 ; Авдеев, М. В. Поездка на кумыс. – Уфа, 1987. – 384 с.

² Валидов, А. З. Воспоминания // Агизел. – 1991. – №№ 1-12 ; 1992. – №№ 1-6 ; Валидов, А. З. История башкир [Текст] // Агизел. – 1993. – № 1-3 ; Уметбаев, М. Башкиры // Истоки. – 1991. – № 14 ; Вильданов, А. Х. Башкирские просветители демократы XIX века / А. Х. Вильданов, Г.С. Кунафин. – М., 1981. – 256 с. ; Кунафин, Г. С. Просветитель и писатель Мухаметсалим Уметбаев. – Уфа, 1990. – 256 с. ; Хусаинов, Г. Б. И историк, и языковед (о А. З. Валидове) // Совет Башкортостаны. – 1990. – №№ 37, 41, 42 ; Шакуров, Р. З. Звезда поэзии. (Мифтахетдин Акмулла. Жизнь. Творчество. Мировоззрение). – Уфа, 1981. – 144 с. ; Шакуров, Р. З. Буранлы Бурангол : (о М. Бурангулове) // Йэшлек. – 1993. – № 88, 89, 91, 92, 94, 95 ; Шафиков, Г. Г. И совесть и жертвы эпохи. – Уфа, 1991. – 224 с. ; Юлдашбаев, А. М. Личность достойная памятников // Агизел. – 1990. – № 12 ; Юлдашбаев, А. М. Историк, вошедший в историю (Политическая и научная деятельность профессора Стамбульского университета Ахметзаки Валиди Туган). – Уфа, 1992. – 324 с.

³ Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – М. 2008. – 440 с. ; Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2007. – 736 с. ; Козлов, В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. – 1974. – № 2. – С. 24–38 ; Кушнер, П. И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения института этнографии им. Миклухо-Маклая. – М., 1949. – Т. 8. – С. 335 ; Чебоксаров, Н. Н. Народы, расы, культуры / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – М., 1985. – 272 с.

⁴ Арутюнов, С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М., 1989. – 246 с. ; Арутюнян, Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов. – М., 1984. – 255 с. ; Бороноев, А. О. Этническая психология / А. О. Бороноев, Н. П. Павленко – СПб., 1994. – 200 с. ; Власова, И. В. Русский Север: этническая история и народная культура, XII–XX века. – М., 2004 – 848 с. ; Губогло, М. Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. – М. : Наука, 2003. – 758 с. ; Дробижева, Л. М. Духовная общность народов

В советский период проявление этничности рассматривалось по трем направлениям (классификация по Л.М. Дробижевой):

- 1) в качестве одного из признаков этнической общности, до 1970-х гг. не всегда рассматриваемого самостоятельно;
- 2) в качестве феномена жестко детерминированного экономическими, политико-культурными факторами, в рамках формационного подхода;
- 3) как явление, изучавшееся главным образом в концепции социально-исторического примордиализма¹.

Достижением этнологии 1970-1980 гг. было утверждение представлений о национальном самосознании как значимом и самостоятельном признаке этноса, что имело большое значение для переписи населения. Выделялось узкое (В.И. Козлов) и широкое понимание национального самосознания (Ю.В. Бромлей, М.В. Крюков, Р.Ш. Джарылгасинова)². Но наиболее существенный прорыв в изучении этнической идентичности был сделан этносоциологами в 1980-х годах.

Существенное влияние оказывали разработки социологами проблем установок и ценностных ориентаций (В.А. Ядов)³.

СССР. – М., 1981. – 261 с. ; Иванов, В. Н. Центр и регионы: единство или дезинтеграция. Россия федеративная: проблемы и перспективы. – М., 2001. – С. 26–46 ; Кон, И. С. Социология личности. – М., 1967. – 383 с. ; Крюков, М. В. Китайский этнос на пороге средних веков / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софронов. – М., 1979. – 327 с. ; Рубан, Л. С. Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия (региональный аспект) // СОЦИС. – 1995. – № 4. – С. 97–103 ; Сикевич, З. В. О соотношении этнического и социального // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – № 2. – С. 47–60.; Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. – 386 с. ; Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. – М., 2003. – 320 с. ; Тишков, В. А. Этнология и политика. – М., 2001. – 240 с. ; Токарев, С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. – 1964. – № 11. – С. 43–53 ; Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция. – СПб., 2005. – 272 с. ; Ядов, В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // СОЦИС. – 1994. – № 1. – С. 35–52 ; Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл [Текст] / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова. – М. : Наука, – 1989. – 360 с.

¹ Дробижева, Л. М. Духовная общность народов СССР : ист.-социол. очерк межнац. отношений. – М., 1981. – С. 16.

² Кушнер, П. И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения института этнографии им. Миклухо-Маклая. – М., 1949. – Т. 8. – С. 335 ; Козлов, В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. – 1974. – № 2. – С. 24–38 ; Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография. – М., 1973. – 283 с. ; Бромлей, Ю. В. Этнические процессы в современном мире. – М., 1987. – 270 с. ; Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова. – М., 1989. – 360 с.

³ Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования (описание, объяснение, понимание социальной реальности). – М., 2001. – 640 с.

Позднее появившиеся возможности доступа и обмена с западными коллегами привели к проникновению в этносоциологию деятельностного подхода и широкому использованию теории социальной идентичности Г. Теджфела, идей гуманистической психологии (А. Маслоу, Дж. Дэвис)¹. Современные подходы к понятию этничности базировались на теоретических изысканиях родоначальников-исследователей этого феномена и с открытием границ и укреплением междисциплинарных связей внесли новое видение и новые разработки в этом направлении, проявившиеся в работах Г.У. Солдатовой, Н.М. Лебедевой, Л.И. Науменко, С.В. Рыжовой². Политологический аспект этнических проявлений в постсоветский период рассматривают Р.Г. Абдулатипов, М.О. Мнацаканян, Э.А. Паин, В.А. Тишков и другие³.

В современных подходах к изучению этнической идентичности доминирует социально-деятельностный подход (Э. Гидденс, А. Шюц, П. Штомпка, В.А. Ядов)⁴. Широкую перспективу открыло распространение в социологии и этнологии (для России, прежде всего, благодаря работам В.А. Тишкова) конструктивистского и инструменталистского подхода. Благодаря этим подходам этническая идентичность практически становится основным

¹ Tajfel, H. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // *Psychology of Intergroup Relations*. – Chicago, 1986, – P. 7–24 ; Davies, J. Ch. Maslow and Theory of Political Development. Getting to Fundamentals // *Political Psychology*. – 1991. – Vol. 12, № 3. – P. 416–417.

² Абдулатипов, Р. Г. Российская Федерация: нации и межнациональные отношения / Р. Г. Абдулатипов, А. С. Авдулов, Э. Р. Барабашина. – Новосибирск, 1993. – 149 с. ; Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций / Н. М. Лебедева, Т. Г. Стефаненко, О. В. Лунева. – М., 1993. – 195 с. ; Науменко, Л. И. Опыт исследования этнической идентичности в системе социальных самопредставлений студентов // *Психологические исследования общественного самосознания*. – М., 1993. – С. 41–47; Соколовский, С. В. Самоопределение и проблема меньшинства // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. – М., 1995. – С. 115–132 ; Рыжова, С. В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации (по материалам эмпирического исследования) // *Суверенитет и этническое самосознание: идеология практик*. – М., 1995. – С. 267–282.

³ Мнацаканян, М. О. Интегрализм и национальная общность как социальная реальность // *СОЦИС*. – 2001. – № 3. – С. 74–76 ; Паин, Э. А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. – М., 2004. – 248 с. ; Тишков, В. А. Этнология и политика. – М., 2001. – 240 с.

⁴ Giddens, A. *Capitalism and modern social theory*. – Cambridge, 1971. – 422 p. ; Schuetz A. *Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action* // *Philosophy and Phenomenological Research* – Vol. 14, № 1. – P. 1–38 ; Штомпка, П. *Социология. Анализ современного общества*. – М., 2008. – 664 с. ; Ядов, В. А. *Стратегия социологического исследования (описание, объяснение, понимание социальной реальности)*. – М., 2001. – 640 с.

аргументом этничности, а состояние этнической идентичности – одной из основных проблем сохранения мира в мультикультурном обществе¹.

Центрами исследования проблем этнической идентичности, в том числе и этничности башкир, в постсоветский период стали: Институт этнологии и антропологии РАН, Институт социологии РАН, Институт социально-политических исследований РАН. В разное время к отмеченной проблематике обращались М.Н. Губогло, В.А. Тишков, Л.М. Дробижева, А.Н. Татарко, А.А. Выскочил, Н.М. Лебедева, О.В.Остроухов, А.В. Кузнецова².

Изучение проблем, связанных с этничностью, традиционно проводится современными учеными РБ в сравнительно-сопоставительном контексте, с использованием материалов по трем крупнейшим этническим группам (башкирам, русским и татарам). Среди исследователей, к которым принадлежат историки, этнологи, социологи, культурологи, этнополитологи, к проблемам этничности обращались: Д.Ж. Валеев, И.М. Габдрафиков, Р.Р. Галлямов, А.М. Гафуров, А.Я. Зарипов, Р.И. Ирнараров, И.Г. Илишев, М.Д. Киекбаев, М.М. Кульшарипов, Р.Г. Кузеев, И.В. Кучумов, М.Г. Муллагулов, М.В. Мурзабулатов, Т.Г. Мухтаров, Ф.Г. Сафин, Г.Б. Фаизов, Ф.С. Файзуллин, Р.З. Шакуров, Г.Р. Шакурова, Б.Х. Юлдашбаев, А.Б. Юнусова и другие³.

¹ Дробижева, Л. М. Этническая идентичность: советское наследие и современные подходы // Население и общество. – 2004. – № 143/144.

² Губогло, М. Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции. – М., 1994. – 28 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 79); Татарко, А. Н. Категориальная структура этнического сознания и межэтническое взаимодействие башкир, русских и татар в Республике Башкортостан // Идентичность и толерантность. – М., 2002. – С. 169–190; Выскочил, А. А. Кросс-культурное исследование этнической идентичности и этнической толерантности в поликультурном регионе (на примере Северного Башкортостана // Прикладная психология. – 2002. – № 2. – С. 33–44; Остроухов, О. В. Социально-политическая ситуация в Башкортостане / О. В. Остроухов, А. В. Кузнецова // Россия: Центр и регионы. – М., 2003. – Вып. 11. – С. 99–135.

³ Валеева, Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. – Уфа, 1993. – 211 с.; Габдрафиков, И. М. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга. – М., 1998. – 124 с.; Ирнараров, Р. И. Проблемы равенства этносов в Республике Башкортостан. – Уфа, 1998. – 148 с.; Галлямов, Р. Р. Эволюция доминирующей роли факторов этнической самоидентификации жителей многонационального российского города (на примере Республики Башкортостан) // Второй международный конгресс этнографов и антропологов: резюме докладов и сообщений. – Уфа, 1997. – С. 324; Валеева, Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. – Уфа, 1993. – С. 77–78; Зарипов, А. Я. Этническое сознание и этническое самосознание / А. Я. Зарипов, Ф. С. Файзуллин. – Уфа, 2001. – С. 162; Бикбулатов, Н. В. Семейный быт башкир в XIX–XX вв. / Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. – М., 1991. – С. 69; Киекбаев, М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. – Уфа, 1998. – 205 с.;

Среди отмеченных работ можно выделить ряд направлений проводимых научных изысканий. Рассматривают историю, этнографию, антропологию, фольклор и язык этнографических групп башкир, проживающих в соседних с Башкортостаном регионах, Д.Ж. Валеев, Г.Н. Чагин, Р.М. Юсупов и другие ученые¹. В последнее время активную роль в проведении исследований занимает Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Также ряд исследователей фокусируют свое внимание на проблемах равенства этносов в республике и за её пределами, на межнациональных аспектах и этноязыковых процессах².

Освещение проблем сохранения и функционирования этничности башкир невозможно без рассмотрения вопросов, связанных с этногенезом.

Вопросы этногенеза башкир вслед за российскими историками, этнологами (С.И. Руденко, П.И. Рычков) разрабатывались и башкирскими учеными³. Исламская составляющая исследуется в работах ряда российских и башкирских исследователей, формирование и существование этнических групп (в основном башкир и татар) нашей республики в исторической

Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – 263 с. ; Мурзабулатов, М. В. Брак и семья в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 89–90 ; Муллагулов, М. Г. Этническое самосознание и этнокультурные ориентации башкир-горожан // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 36–38 ; Файзуллин, Ф. С. Социологические проблемы города. – Саратов, 1981. – 208 с. ; Шакуров, Р. З. XX век и башкиры. – Уфа, 2005. – 120 с. ; Шакурова, Г. Р. Этническая идентичность современных башкир. – М., 2006. – 140 с. ; Юлдашбаев, Ю. Х. Проблемы двуязычия в городе // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 87 ; Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – 352 с.

¹ Валеев, Д. Ж. Судьба аргаяшских башкир: история и современность. – Уфа 2002. – 155 с. ; Чагин, Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв. – Екатеринбург, 2002. – 296 с. ; Юсупов, Р. М. Курганские башкиры [Текст] / Р. М. Юсупов С. Н. Шитова, М. В. Мурзабулатов, З. И. Минибаева. – Уфа, 2002. – 300 с.

² Мурзабулатов, М. В. Города и районы Республики Башкортостан : (опыт характеристики выборки для изучения брачно-семейных отношений) . – Уфа, 1995. – 249 с. ; Юлдашбаев, Ю. Х. Этноязыковые процессы в Башкортостане // Башкиры, татары, русские. – Уфа, 1997. – С. 73–84 ; Габдрафиков, И. М. Республика Башкортостан: Модель этнологического мониторинга. – М., 1998. – 124 с. ; Ахмадеева, А. А. Регион как объект социологического исследования и управления. – Уфа, 1994. – С. 40 ; Ахметова, Г. Ф. Башкирская женщина и современный город: конфликт или гармония? – Уфа, 2001. – С. 67–68.

³ Бикбулатов, Н. В. Башкиры : этногр. очерк. – Уфа, 1995. – 215 с. ; Бикбулатов, Н. В. Башкиры: этническая история и традиционная культура / Н. В. Бикбулатов, Р. М. Юсупов, С. К. Шитова, Ф. Ф. Фатыхова. – Уфа, 2002. – 248 с. ; Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М., 1974. – 571 с. ; Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – 263 с. ; Кузеев, Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала, Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. – 347 с. ; Кузеев, Р. Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. – М., 1999. – 371 с. ; Кульшарипов, М. М. Трагическая демография Башкирского народа. – Уфа, 2002. – 28 с. ; Руденко, С. И. Башкиры : ист.-этногр. очерки. – Уфа, 2006. – 376 с. ; Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа, 1999. – 307 с. ; Юлдашбаев, Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. – Уфа, 1995. – 104 с. ; Юлдашбаев, Б. Х. Новейшая история Башкортостана. – Уфа, 1995. – 139 с.

ретроспективе и политическом дискурсе стали темой ряда работ башкирских историков, этнологов, политологов¹.

Различные аспекты национальной жизни башкир, их духовного наследия, культуры, языка, истории, быта, обрядов, обычаев, традиций освещены в работах И.Г. Акманова, В.Я. Алексеева, К.З. Ахмерова, К.А. Ахмедьянова, Р.Н. Баимова, Бишева А.Г., Вильданова А.Х., С.А. Галина, Т.М. Гарипова, Р.А. Давлетшина, Н.Т. Зарипова, Н.М. Калмантаева, С.Ф. Касимова, Дж.Г. Киекбаева, Л.Н. Киреева, Г.С. Кунафина, М.М. Кульшарипова, Л.И. Лебединского, Н.Х. Максютковой, С.Ф. Миржановой, Н.А. Мажитова, М.Г. Муллагулова, М.В. Мурзабулатова, Ф.Х. Мустафиной, М.Г. Рахимкулова, С.И. Руденко, М.М. Сагитова, С.Г. Сафуанова, А.М. Сулейманова, Р.А. Султангареевой, З.Г. Ураксина, А.М. Усманова, Х.Ф. Усманова, Ф.Ф. Фатыховой, А.И. Харисова, М.Ф. Хисматова, Г.Б. Хусаинова, Г.Н. Чагина, А.В. Черных, Р.З. Шакурова, С.Н. Шитовой, Р.З. Янгузина и других ученых². В большинстве названных работ проблемы национального развития башкир в соседних регионах отдельно не рассматриваются. Вместе с тем в ряде исследований, особенно в тех из них, которые посвящены анализу традиционного хозяйственного уклада и быта

¹ Габдрафиков, И. М. Республика Башкортостан: Модель этнологического мониторинга. – М., 1998. – 124 с. ; Мельков, С. И. Трансформация военной политики России под влиянием исламского фактора // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001. – С. 45–71 ; Сафин, Ф. Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана. – М., 1997. – 280 с. ; Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – 352 с.

² Акманов, И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – 156 с. ; Алексеев, В. Я. Осуществление ленинской идеи фактического равенства народов в автономных республиках Приуралья и среднего Поволжья. – Уфа, 1981. – 96 с. ; Ахмеров, К. З. Из истории башкирской письменности (История алфавита и орфографии башкирского литературного языка). – Уфа, 1972. – 133 с. ; Бишев, А. Г. История башкирского народа и его борьба за свободу : ист. краевед. очерк. – Уфа, 1993. – 352 с. ; Галин С. А. Народной мудрости источник. Башкирский фольклор: толковый словарь. – Уфа, 1993. – 224 с. ; Касимов, С. Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.). – Уфа, 1997. – 231 с. ; Киекбаев, Дж. Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка. – Уфа, 1966. – 275 с. ; Калимуллин, Б. Г. Планировка и застройка башкирских деревень. – Уфа, 1959. – 107 с. ; Киреев, А.Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа, 1970. – 304 с. ; Кульшарипов, М. М. Валидов Ахмет Заки и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920 гг.). – Уфа, 1992. – 157 с. ; Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII-XIV вв. – М., 1997. – 240 с. ; Максюткова, Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. – М., 1976. – 126 с. ; Миржанова, С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: (формирование и современное состояние). – Уфа, 2006. – 295 с. ; Сагитов, М. М. Древние башкирские кубайры. – Уфа, 1987. – 224 с. ; Руденко, С. И. Башкиры : ист.-этногр. очерки. – Уфа, 2006. – 376 с. ; Харисов, А. И. Литературное наследие башкирского народа. – Уфа, 1973. – 416 с. ; Чагин, Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв. – Екатеринбург, 2002. – 296 с. ; Шитова, С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. – М., 1984. – 194 с. ; Янгузин, Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. – Уфа:, 1989. – 191 с.

башкир, обрядов, обычаев, традиций, фольклора и других элементов духовной и материальной культуры башкирского народа, описываются этнографические группы, проживающие в Оренбургской, Челябинской и Курганской областях. Историям отдельных башкирских сел и деревень посвящены работы А.З. Асфандиярова, Б.С. Давлетбаева, Ф.Г. Хисаметдиновой¹.

Значительный интерес представляют работы молодых башкирских исследователей А.М. Гафурова и Г.Р. Шакуровой, посвященные проблемам идентичности (этнической, конфессиональной, гражданской) башкир которые рассматриваются на примере трех этносов (башкир, татар, русских)². В ряде трудов отдельным объектом исследования выступает титульный этнос Республики Башкортостан – башкиры. Так, среди них необходимо упомянуть работы по этнической социализации башкирской молодежи³.

Среди зарубежных исследователей, разрабатывающих проблемы этничности, этнических групп, этнической идентичности, идентификации идентичности, можно назвать Х. Айзекса, Б. Андерсона, Ф. Барта, П. Ван Ден Берге, Э. Геллнера, К. Гирца, Н. Глейзера, Дж. Де Вос, А. Коэна, Дж. Нейджела, С. Олзак, Д. Мак-Кэйа, Д. Мойнихана, Дж. Окамура, Г. Теджфела, Д. Тернера, Э. Хобсбаума, Д. Хоровица, Э. Эриксона и др⁴.

¹ Асфандияров, А. З. История сел и деревень Башкирской ССР. Кн. 1–3. – Уфа, 1990–1993. ; Давлетбаев, Б. С. Большая Ока. История села.. – Уфа, 1992. – 192 с. ; Хисаметдинова, Ф. Г. Башкирская ойкономия XVI–XIX вв.. – Уфа, 1991. – 304 с.

² Гафуров, А. М. Формирование этнической, конфессиональной и гражданской идентичности национальностей Башкортостана в 90-е гг. XX в. – М., 2000. ; Шакурова, Г. Р. Этническая идентичность современных башкир. – М., 2006. – 140 с.

³ Мухтаров, Т. Г. Современный город и башкирская молодежь. – Уфа, 2004. – 159 с. ; Гилязитдинов, Д. М. Некоторые аспекты национальных проблем башкирской молодежи // Ватандаш. – 1999. – № 7. – С. 80 ; Киекбаев, М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. – Уфа, 1998. – С. 59–60 ; Насибуллин, Р. Т. Население Башкортостана: социально-демографический анализ. – Уфа, 1997. – С. 38 ; Файзуллина, Ф. С. Социологические проблемы города. – Саратов, 1981. – С. 57–58.

⁴ Андерсон, Б. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох. – М., 2002. – 416 с. Геллнер, Э. Нации и национализм. – М., 1992 ; Гирц, К. Интерпретация культур. – М., 2004. – 557, [3] с. ; Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб., 1998. – 305 с. ; Anderson, B. Imagined communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. – L. ; N. Y., 1983 ; Barth, F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity / F. Barth, H. Vermeulen, C. Govers // Anthropology of Ethnicity: Beyond Ethnic Groups and Boundaries. – Amsterdam, 1994. – P. 179 ; Erikson, E. Psychosocial Identity. A Way of Looking at Things. – N. Y., 1995. – P. 675–679 ; Horovitz, D. L. Ethnic Identity. – N. Y., 1992. – 229 p. ; Kuhn, M. An Empirical Investigation of Self-attitudes / M. Kuhn, T. Mc Partland // American Sociological Review. – 1954. – № 1, vol. 19 ; Nagel, J. The Political Construction of Ethnicity / J. Nagel, S. Olzak. // Competitive Ethnic Relations. – Orlando, 1986. – P. 93–112 ; Olzak, S. Analysis of Events in the Study of Collective Action // Annual Review of Sociology. – 1989. – № 15. – P. 119–141 ; Okamura, J. Situational Identity // Ethnic and Racial Studies. – 1981. –

Последнее десятилетие характеризуется ростом интереса ряда американских, французских, немецких, норвежских исследователей к башкирам. Так, кроме башкирских ученых, включаются в исследовательское поле зарубежные исследователи, пишущие по современной политической ситуации в Башкортостане: Дж. Александер, Д. Горенбург, Й. Гревингхольт, К. Ле Торривеллек, Г. Хейл, Р. Нойманн, которые изучают в основном вопросы этнической мобилизации и национальных особенностей становления демократии в Республике Башкортостан¹. Таким образом, работы зарубежных авторов фокусируются на исследованиях формирования политической, гражданской идентичностей башкортостанцев в период с 90-х годов по настоящее время. Норвежский исследователь И. Нойманн в своей работе рассматривает, как репрезентации русских и татар выступают для башкирского «Я» в качестве одновременно внешних и внутренних «Других». В различных процессах формирования идентичности доминируют различные виды конструирования «Другого», которые требуют различных интерпретаций².

Несмотря на значительный рост исследовательского интереса к формированию идентичностей в 90-е годы XX века, непосредственно по отношению к феномену функционирования этничности современных башкир, избранной для анализа, до сих пор нет исследований и публикаций по функционированию этничности башкир за пределами Республики Башкортостан. Необходимо отметить, что проблема этнокультурных

P. 452–465 ; Tajfel, H. The Social Identity Theory of Inter group Behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // *Psychology of Intergroup Relations*. – Chicago, 1986, – P. 7–24 ; Turner, J. C. Towards a cognitive redefinition of the social group // *Social Identity and Inter group Relation*. Cambridge. – Paris, 1982. – P. 15–40 ; Berghe, P. L. van den. *The Ethnic Phenomenon*. – N. Y., 1981. – 239 p. ; *Ethnic Identity. Creation, Conflict and Accommodation* / Romanucci-Ross L., De Vos G. Walnut Creek (eds.). – L. ; New Delhi, 1995. – 312 p.

¹ Башкортостан в политическом пространстве России: зарубежная политология о тенденциях современного развития республики. – Уфа, 2004. – С. 28–45 ; Гревингхольт, Й. Обретая себя: проблемы идентичности тюркского населения Урало-Поволжья на страницах зарубежных исследований. – Казань, 2006. – С. 19–27 ; Горенбург, Дм. О механизмах изменения национальной принадлежности у татар и башкир Башкортостана. – Казань, 1999. – С. 107–121 ; Torrivellec, X. le. Entre steppes et steles [Text] : Territoires et identites au Bachkortostan // *Cahiers du Monde russe*. – 2000. – № 41/2-3. – P. 369–400 ; Hale, H. Machine Politics and Institutionalized Electorates: A Comparative Analysis of Six Duma Elections in Bashkortostan // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. – 1999. – Vol. 15, № 4. – P. 70–110 ; Neumann, I. B. Uses of the other. «The East» in European Identity Formation. – Minnesota, 1998. – 281 p.

² Нойманн, И. Б. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М., 2004. – 336 с.

традиций и функционирования этничности современных башкир, проживающих в соседних регионах с Республикой Башкортостан, с рассмотрением их структурных компонентов, предложенных автором в данной работе, изучается впервые.

Цель и задачи исследования

Цель работы – анализ этнокультурных традиций и функционирования этничности в многонациональном сообществе в условиях современных социально-экономических перемен.

Для достижения поставленной цели с учетом степени разработанности отдельных вопросов были поставлены следующие задачи:

1) Обобщить теоретические основания изучения этнокультурных традиций и функционирования этничности оренбургских, челябинских и курганских башкир.

2) Проанализировать семантический смысл этнокультурной динамики, совершающейся в языке, образовании и духовной культуре вышеуказанных башкир, в том числе в семейно-бытовой и производственной сферах.

3) Охарактеризовать содержание этнического самосознания башкир, идентифицировать их ценностные ориентации в реформируемом полиэтничном обществе и выявить основные черты межэтнических взаимодействий с иноэтническим населением региона.

Источниковая база диссертационного исследования носит комплексный характер. Все виды источников можно подразделить на несколько групп. Опубликованные работы исследователей башкирского этноса с начала XVIII и до конца XIX вв. В них содержится огромный информационный пласт по этнографии башкирского народа. В рамках нашей проблемы данная группа источников интересна, прежде всего, с точки зрения представленности в них информации о механизмах культурной трансмиссии в традиционном башкирском обществе. В этой связи привлекли внимание записки исследователей Южного Урала и России: Р.Г. Игнатьева, М.В.

Лоссиевского, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.Г. Георги. После классической «Топографии оренбургской» П.И. Рычкова в «Дневных записках» И.И. Лепехина приводится много ценных фактов, характеризующих современных Лепехину башкир.

В XIX в. в связи с большим интересом к изучению быта населения России и литература, посвященная башкирам, становится более многочисленной и разнообразной. Из наиболее значительных общих описаний башкир к этому времени относятся работы В.М. Флоринского «Башкирия и башкиры», Д.П. Никольского «Башкиры», П.С. Назарова «К этнографии башкир». По богатству и ценности материала из статей о башкирах этого времени следует отметить статьи, написанные самими башкирами, в частности Б.Г. Юлуевым, Т.Г. Баишевым, М.А. Куватовым и др.

Эти работы одни из первых зафиксировали достаточно подробные сведения о жизни и быте башкир. Записанные в XVIII-XIX вв., они в некоторой степени позволили проследить изменения, произошедшие в башкирском обществе на протяжении почти двух веков, то есть с момента их публикации до современности.

В кратком обзоре ранних источников автор попытался в общих чертах проанализировать наиболее значительные, на его взгляд, работы, в которых проблемы этнокультурных традиций и функционирования этничности в традиционном башкирском обществе затронуты относительно широко и поэтому могут рассматриваться в качестве полноценного источника по исследуемой проблеме.

К данной группе источников автор отнес и работы исследователей XX-XXI-го вв. – Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, М.Г. Муллагулова, С.И. Руденко, С.Н. Шитовой, Р.З. Янгузина. Их труды использованы в качестве источников ровно в той мере, в какой они содержат конкретные образцы жанров башкирского фольклора (пословицы, поговорки, сказки, песни, и т.д.), быта, проведения обрядов, празднеств и другие этнографические факты,

позволяющие проанализировать уровень сохранения этнокультурных традиций среди башкирского населения.

Осветить современную межэтническую, этноязыковую ситуацию в башкирском обществе помогли нормативно-правовые акты, договоры, программы Российской Федерации, Оренбургской, Челябинской, Курганской областей и Республики Башкортостан (Конституция Республики Башкортостан, республиканские и областные законы об образовании, о языках, о культуре, договоры о дружбе и сотрудничестве между Республикой Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областями, программы «Возрождение и развитие башкирского народа», «Башкиры Российской Федерации (на 2008–2017 годы)» и т.д.).

В работе используются неопубликованные материалы текущих архивов министерств и ведомств указанных регионов, в том числе и их муниципальных подразделений.

Особый интерес представляют документы общественных организаций – курултаев башкир, действующих на территории районов и городов Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областей.

В отдельную группу объединены статистические данные Всесоюзных переписей населения 1926 года, 1939 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г., 1989 г. и Всероссийской переписи населения 2002 года. Большой интерес представляют материалы проводившихся этносоциологических исследований, мониторингов общественного мнения. Благодаря им получены сведения о демографических и социальных процессах, характерных для башкир вышеназванных регионов, их влиянии на межэтническую обстановку. Кроме того, в данную группу необходимо отнести и результаты социологического исследования, проведенного автором в 2004-2007 годах.

Контент-анализ прессы, основных областных и республиканских печатных изданий газет и журналов на башкирском, русском и английском языках за 2004-2008 годы по этнической идентичности башкир выделены в

самостоятельную группу. Они содержат тексты официальных выступлений представителей органов государственной власти, докладов общественных деятелей, ученых на конференциях и иных научных, общественно-политических форумах, проблематика которых затрагивала вопросы функционирования этничности, межэтнических отношений. Эти источники богаты как фактическим, так и аналитическим материалом, отражают видение этнических вопросов различными слоями общества и позволяют проследить их реакцию на важные события, происходящие в жизни башкирского населения.

В самостоятельную группу источников выделены неопубликованные данные этносоциологических опросов общественного мнения по социально-политической ситуации, этнокультурным традициям и функционированию этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях за 2004-2007 годы, проводимые Центром этнологических исследований УНЦ РАН; в данных исследованиях по выявлению сохранения этнокультурных традиций и функционированию этничности в Оренбургской, Челябинской и Курганской областях принимал участие и автор работы.

Специфика формирования выборочной совокупности заключается в том, что признаком отбора респондентов является, прежде всего, их этническая принадлежность. Поскольку определение этого фактора происходит субъективно, т.е. на основе самоидентификации респондента, то в выборку могут попасть опрашиваемые, которые фактически не принадлежат к исследуемой совокупности, и наоборот. По этим же причинам выборка не может быть сформирована с помощью математических расчетов, поэтому автор использовал метод «фильтра», который в числе других (метод «снежного кома», метод отбора по косвенным признакам) применяют в этносоциологии. Для проведения исследования использование метода «фильтра» оказалось наиболее адекватным. Суть данного метода состоит в том, что по стандартной методике опрашивается более широкий массив

респондентов, чем требуется для решения основной задачи исследования. Однако часть вопросов экспертного интервью задается лишь представителям этноса, выступающего объектом в данном исследовании. В качестве «фильтра» при этом служит вопрос о национальной принадлежности респондента. Окончательно выборка формируется не до, как в классической схеме, а после проведения интервью. При этом общий массив опрошенных распадается на две подвыборки: основную, включающую только представителей «объектного» этноса, и дополнительную, в которую входит вся совокупность данного исследования. Это те лица, которые попали в предварительную выборку, но не относятся к изучаемому этносу.

Общий объем выборки составил 1123 респондента, в том числе 23 – для ремонта выборки. Отбраковано 5% анкет. Принятый и подготовленный к аналитической обработке массив данных составил 1050 анкет (800 анкет относится к основной подвыборке, 250 – к дополнительной).

Опросы проведены автором в 2004-2007 годах по Оренбургской области г. Оренбург, Кувандыкскому (г. Кувандык), Саракташскому (с. Сараташ, д. Карагузино, д. Бурунча), Александровскому (с. Александровка, д. Тукай, д. Юртаево), Тюльганскому (п. Тюльган, д. Биккулово, д. Имангулово) и Красногвардейскому (с. Плешаново, д. Пролетарка, с. Токское, с. Долинск, д. Блявтамак, д. Чураево) районам. В сентябре 2005 года по Челябинской области: г. Челябинск, г. Миасс, г. Магнитогорск, Аргаяшскому (с. Аргаяш, д. Бажикаево, д. Кулуево, д. Дербишево, д. Байрамгулово), Кунашакскому (с. Кунашак, д. Каинкуль, д. Муслюмово), Сосновскому (д. Карагайкуль, д. Кисергач, д. Башакуль) районам; в Курганской области: мае 2006 года по Сафакулевскому (п. Сафакулево, д. Азналино, д. Абултаево, д. Сулюклено), Альменевскому (с. Альменево, д. Танрыкулово, д. Шарипово), Щучанскому (д. Арсланово) районам.

- контент-анализ прессы основных областных и республиканских печатных изданий: газеты и журналы на башкирском, русском, английском языках за 2004-2008 годы. и дискурсивный анализ текстов по этнической

идентичности башкир в областной и республиканской прессе.

Методологическая основа диссертации. В данной работе автором были использованы различные подходы – структурно-функциональный, феноменологический, исторический и междисциплинарный.

Структурно-функциональный подход применен в силу необходимости представления статистических данных для дальнейших феноменологических изысканий в более глубоком исследовании выдвинутой на изучение проблемы. Феноменологический подход дает возможность изучить поставленную проблему с точки зрения действующего индивида, описать реальную целостность социального объекта, выявить латентный уровень (уровень скрытых мотиваций, чувств, ценностей, отношений и восприятий). Стремление к целостному анализу этнической идентичности, учитывающему ее психологические и социальные аспекты, привело к выбору междисциплинарного подхода, сочетающего социологическое, психологическое и историческое знание. В качестве обоснования данного подхода были задействованы теоретические и экспериментальные работы Л.М. Дробижевой («Национальное самосознание, этническая идентичность и регулирование межэтнических конфликтов»), «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой (в соавторстве с С.В. Рыжовой) и тест М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я?». Междисциплинарный подход успешно применяется в российской этносоциологии (Л.М. Дробижева, Ю.В. Арутунян, З.В. Сикевич и др.), где этническая идентичность рассматривается в качестве сложного социально-психологического, культурного феномена, изучение которого требует привлечения к этой работе социологов, психологов, социальных антропологов, политологов, культурологов, историков и других специалистов смежных дисциплин в исторической, социально-психологической и политической ретроспективе его формирования и становления. Исторический подход использован для реконструкции этнической истории башкир с точки зрения проблем сохранения этнокультурных традиций и функционирования этничности.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Доказано, что этническая самоидентификация башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей достаточно устойчива, но имеет отличительные черты в зависимости от территории, носит позитивную направленность; обнаружено превышение доли лиц, отдающих предпочтение этнокультурным и психологическим критериям идентификации над этническими.

2. Выявлена прогрессирующая ассимиляция башкир в русскую и татарскую культуры. В некоторых районах Оренбургской и Челябинской областей национальный язык как отличительный признак башкир утрачивает свою функциональную роль, поскольку вытесняется даже из семейно-бытового общения. Кроме того, уменьшается число лиц, владеющих башкирским языком, особенно среди молодежи.

3. Определены факторы современной этнокультурной ситуации в среде башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей; основные черты межэтнических взаимодействий: сохранение родного языка в качестве разговорного; двуязычие (при втором русском); увеличение общего числа этнически смешанных семей, рост количества браков башкир с русскими или татарами при преобладании этнических (в своей среде или смешанных). Установлены причины межэтнической напряженности в местах проживания башкир: этнокультурные (низкая культура межэтнического общения) и социально-экономические (борьба за рабочие места; вытеснение пришлым населением башкир из традиционных промыслов). Сформулированы группы причин, усиливающих напряженность во взаимоотношениях между башкирами и населением областей.

4. Установлено наличие стабильности межэтнических отношений в Оренбургской, Челябинской и Курганской областях, о чем свидетельствует степень распространенности межэтнических браков в среде башкир указанных регионов.

5. Разработана система мониторинга для диагностики уровня этнического самосознания, этнокультурной, социально-экономической ситуации в местах проживания башкир в Оренбургской, Челябинской и Курганской областях. Автором предложен следующий набор индикаторов этносоциологического мониторинга: удельный вес лиц, гордящихся своей национальной принадлежностью; удельный вес лиц, считающих, что их положение ухудшается (улучшается); уровень (степень) владения родным языком; удельный вес лиц, занятых в традиционном хозяйстве; уровень межнациональной напряженности; отношение к межэтническим бракам; состояние здоровья (уровень потребления традиционной пищи, алкогольных напитков); уровень удовлетворенности элементами социальной инфраструктуры; уровень социального пессимизма; уровень доверия к власти.

При проведении анкетного опроса был использован методический инструментарий, разработанный автором.

Научная значимость работы обусловлена ее новизной и заключается:

- в развитии теоретического уровня современных исследований этнокультурной ситуации; в поиске подхода к исследованию межэтнических взаимодействий и языковых процессов;
- в получении данных, которые могут быть использованы в таких научных направлениях, как региональная этносоциология;
- в сборе эмпирических материалов, которые целесообразно было бы использовать в библиографических, монографических изданиях и справочных картотеках по теме исследования.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности использования материалов при разработке региональных программ этнокультурного и социально-экономического развития башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавании учебного курса по этнографии, спецкурсов по этноконфликтологии, этнополитологии.

Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела этнополитологии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 14 публикациях общим объемом более 3,4 п.л. и апробированы на различных научных конференциях: международной «Шигабутдин Марджани: наследие и современность» (г. Казань, 2008), всероссийских – VI Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Санкт-Петербург, 2005), VII Конгрессе этнографов и антропологов России (г. Саранск, 2007), межрегиональных – «Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан» (г. Уфа, 2004), «Археография Южного Урала: исторический опыт народов Волго-Уральского региона в развитии и укреплении многонационального Российского государства» (г. Уфа, 2007), «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (г. Уфа, 2007), «Россия и Башкортостан: история отношений, состояние, перспективы» (г. Уфа, 2007), Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Б.Х. Юлдашбаева (г. Уфа, 2008), на республиканских конференциях и симпозиумах: «Этносы и культура Башкортостана традиции и современность» (г. Уфа, 2006.), «Этнос, общество, цивилизация» – I Кузеевские чтения (г. Уфа, 2007), «Наука в школе и вузе» (г. Бирск, 2007), «Пропаганда толерантности, предотвращение межэтнических и межрелигиозных конфликтов в молодежной среде, профилактика радикализации верующей молодежи» (г. Уфа, 2007), «Финно-угорские народы Башкортостана» (с. Татышлы, РБ, 2007).

Глава I. Теоретико-методологические аспекты изучения этнокультурных традиций и функционирования этничности в условиях современности

1.1 Система основных категорий

Любое исследование конкретных этносоциальных явлений и процессов современной жизни необходимо начать с изложения общих теоретико-методологических основ по изучаемому явлению. В данной работе такой класс явлений – это этносы (этнокультуры) в современных условиях и процессы их функционирования, взаимодействия и развития.

На протяжении последнего столетия происходит сближение различных этносов, проявляющееся в широком распространении современных форм быта и культуры. В связи с этим представляется важным рассмотрение основных (ключевых) понятий по данному вопросу.

Одним из ключевых понятий в данной работе является – этнос. Термин «этнос» используется в этнологической литературе уже давно, однако до настоящего времени в отечественной и зарубежной литературе не сложилось единого определения сущности и строения этноса. Поэтому в рамках данной работы будет приведен краткий обзор существующих определений и выбрано наиболее подходящее для исследования.

Проблема этноса рассматривается в различных научных концепциях этничности, которые сводятся в основном к трем подходам к пониманию этноса и этничности – примордиалистскому, инструменталистскому и конструктивистскому.

В теориях примордиалистского (объективистского) подхода этнос и этничность представляются как реально существующие феномены, имеющие объективную основу в природе или в обществе.

Признавая исходными эти две объективные основы природы и функционирования этноса, все теории примордиалистского подхода

подразделяются в основном на два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Представители первого направления (американский биохимик и генетик Пьер Ван ден Берг и др.) рассматривают этнос как объективное природное образование, примордиально (т.е. изначально, исконно) присущее человеческому обществу. Они объясняют этнос и этничность с помощью эволюционно-генетических идей, интерпретируя этничность как «расширенную родственную группу» или как «расширенную форму родственного отбора и связи»¹.

Излагая свою точку зрения по данной проблеме, Пьер Ван ден Берг предлагает воспринимать этничность как следствие генетической предрасположенности человека к родственному отбору, как предпочтение родства индивидуализму, называемому в социобиологии «неопотизмом»².

Определяя этничность как «расширенную родственную группу», как «расширенную форму родственного отбора и связи», Ван ден Берг пишет, что «с прогрессивным ростом размера человеческих обществ границы этноса становились шире, связи родства, соответственно, размывались...». По его мнению, «потребность в коллективности более широкой, чем непосредственный круг родственников на основе биологического происхождения, продолжает присутствовать даже в современных массовых индустриальных обществах»³.

Как видим, этничность в социобиологическом понимании трактуется как всеохватывающая форма естественного отбора и родственных связей людей, которые сохраняют свое значение и в развитых обществах. «Родственный отбор», по мнению Ван ден Берга, сыграл решающую роль в формировании этнических групп (семьи, клана, племени и т. д.) и самого феномена этничности⁴.

¹ Berghe, P. L. van den. The Ethnic Phenomenon. – N. Y., 1981. – P. 35.

² Ibid. – P.35.

³ Ibid. – P.37.

⁴ Ibid. – P.49.

Социобиологическое понимание этноса и этничности наиболее четко представлено в отечественной науке оригинальной концепцией пассионарности профессора Л.Н. Гумилева, считавшего этнос биофизической реальностью, облеченной в ту или иную социальную оболочку. Для него этнос, прежде всего, явление географическое, связанное с «кормящим и вмещающим ландшафтом», т. е. месторазвитием¹. Этнос, по словам Гумилева, не может быть социальной группой, так как не связан напрямую с производительными силами, хотя его культура проявляется как социальное явление. В этносе в отличие от общества работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексии².

Л.Н. Гумилев полагал, что «...в основе этносов лежит не похожесть особей, его составляющих, а связи, цементирующие коллектив и простирающиеся на природные особенности населенного данным коллективом ландшафта»³. Он считал, что отличия одного этноса от другого определяются не «способом производства», а «культурой» или «уровнем образования». Этнотипы, с его точки зрения, отличаются друг от друга стереотипами поведения, которые человек как личность усваивает в первые годы жизни от родителей, сверстников, а затем использует в своей дальнейшей жизнедеятельности.

Этногенез, по Гумилеву, есть четырехступенчатый (четырёхфазовый) процесс рождения, подъема, упадка и умирания этноса. Исключительную роль в этом процессе играет биологический потенциал человека. Накапливаясь в человеческих коллективах старых этносов, этот потенциал подталкивает появление избыточной энергии, именуемой им пассионарностью (в переводе с латинского – страсть, здесь в значении – энергия)⁴. В этом заключается, как отмечал Гумилев, «сердцевина новизны пассионарной теории этногенеза». Она тесно связывалась им со

¹ Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2007. – С. 67.

² Там же. – С. 178-179.

³ Там же. – С. 181.

⁴ Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии. – М., 2003. – С. 521.

способностью людей «поглощать биохимическую энергию живого вещества биосферы», открытую академиком В.И. Вернадским.

Для Гумилева этнос – замкнутая система дискретного типа этничности. Это значит, что в момент становления этнос получает единый заряд энергии и, растворив его, либо переходит к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части. Так произошло, к примеру, с Византийским суперэтносом, который состоял из греков, египтян, сирийцев, грузин, армян, славян. Образовавшись под воздействием пассионарного «толчка» он просуществовал до XV века. Достигнув апогея в развитии, сопровождаемого внутренним соперничеством и резней, этногенез его тормозится. Пассионарный заряд в нем сокращается. Наступает фаза надлома и огромного рассеивания энергии. Какое-то время этнос еще живет по инерции, а далее наступает фаза обскурации. Новое развитие может начаться лишь в том случае, если возникнет новая пассионарная популяция. Но это будет иной этнос¹.

Сторонники второго – эволюционно-исторического – направления примордиалистского подхода рассматривают этносы в основном как социальные общности, а не как природные, биологические. Такое представление этноса и этничности доминировало в мировой науке в первой половине XX века, а в советской – в бывшем СССР. Эта тенденция в представлении этноса ярко характеризуется в ряде работ представителя немецкой классической философии Иоганна Готфрида Гердера и прежде всего в его «Исследовании о происхождении языка» (1772). «В каждом языке отпечатлелся рассудок и характер народа. Гений народа более всего открывается в физиогномическом образе его речи», – пишет он в труде «Идеи к философии истории человечества»².

Язык, по мнению Гердера, выступает важнейшим показателем степени развитости культуры этносов, а письменность – «средством увековечивания

¹ Гумилев, Л. Н. Этносфера : история людей и история природы. – М., 2003. – С. 126–128.

² Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 153.

наших мыслей», придания «определенности духу и речи», а также средством культурного взаимодействия народов¹.

Данные идеи продолжает ученый, считающийся основоположником теоретического языкознания, – немецкий мыслитель-гуманист Вильгельм фон Гумбольдт. В своем фундаментальном труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (1830-1835 гг.) он последовательно раскрывает вопросы о роли языка в усвоении определенного, характерного именно для данной языковой традиции способа обращения с предметами, о его воздействии на характер мышления и единство феноменов культуры. Причем Гумбольдт вводит новое понятие «языковое сознание народа»².

О тесной связи языка с историей и культурой писал в своих работах и американский ученый Эдвард Сепир (1884-1939 гг.), опирающийся на опыт полевого исследования индейских языков³.

Характерная для классической гуманитаристики XIX века тенденция языкового детерминизма в определенной мере свойственна и классической филологии, представители которой пытаются измерить языком большинство феноменов духовного развития народов и прежде всего феномены литературного творчества. К примеру, различные типы стихосложения они напрямую выводят из особенностей древних языков. Собственно же культурные факторы при этом нередко недооцениваются.

Развивая данную концепцию, русский этнограф С.М. Широкогоров еще в 1923 году определил этнос как группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других⁴.

Этот подход позднее был разработан в работах С.А.Токарева, который

¹ Гердер, И. Г. Указ. соч. – С. 171.

² Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 104.

³ Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1995. – С. 62.

⁴ Широкогоров, С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. – Шанхай, 1923. – С. 82.

выделил следующие исторические типы этнических общностей:

- этническая общность общинно-родового строя – племя – охватывает всю обитающую в пределах данной территории группу людей (объединяя их прежде всего кровнородственными связями);
- этническая общность рабовладельческого строя – демос – охватывает только свободное население данной страны, не включая рабов – этот основной производящий класс;
- этническая общность раннефеодального строя – народность – охватывает в основном трудящееся население, крестьян и горожан, не включая или необязательно включая господствующий класс феодалов;
- этническая общность позднефеодального и капиталистического строя – нация – охватывает вновь все слои населения данной территории (в большинстве случаев объединенного и политически, и экономически), но уже населения, расколотого на антагонистические классы¹.

В результате проведенного историко-этнографического исследования С.А.Токарев предложил такое определение: «этническая общность есть такая общность людей, которая может быть основана на разных видах социальных связей – общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии. Исторически обусловленное соотношение между этими видами связи порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы»².

Такое представление этноса и этничности в отечественной науке в советский период ее истории развивалось в трудах академика Ю. В. Бромлея, который рассматривал этнос как исторически сложившуюся совокупность людей на определенной территории проживания, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и

¹ Токарев, С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. – 1964. – № 11. – С. 43–50.

² Там же. – С. 50–53.

психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), что фиксируется в самоназвании (этнониме)¹.

Таким образом, в таком понимании этносы, будучи примордиальными группами, носят социальный характер. Этнические связи рассматриваются как существенно зависимые от исторических изменений. Это значит, что этнические свойства формируются лишь в соответствующих условиях – территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых (т. е. зависят от исторических изменений).

Согласно второму – инструменталистскому – подходу к трактовке этноса и этничности, этническая группа представляется как общность, объединяемая групповыми интересами людей, а этничность – как средство для достижений этих интересов, их мобилизации в политической жизни. Подобное толкование этничности, свойственное для западных политологических исследований межэтнических отношений, определилось в науке еще в середине 70-х гг. XX века в рамках политологии, социологии и политической антропологии.

В этом значении этничность как феномен представляется в качестве идеологии, создаваемой политической элитой для мобилизации населения в борьбе за власть. Этничность используется ею в таком качестве как инструмент для достижения своих интересов.

Инструменталистский подход в понимании этноса и этничности по существу, означает социологическое объяснение этнической реальности, которая исследуется в этносоциологии и политологии. Представители инструменталистского подхода (политический психолог Дж. Дэвис и др.) связывают существование этнических групп с потребностями людей в преодолении отчуждения, характерного для современного общества массовой культуры, потребительских ценностей и прагматизма².

¹ Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография. – М., 1973. – С. 47.

² Davies, J. Ch. Maslow and Theory of Political Development. Getting to Fundamentals // Political Psychology. – 1991. – Vol. 12, № 3. – P. 416–417.

Говоря другими словами, данный подход опирается на социально-психологические теории, рассматривающие этничность как эффективное средство для преодоления отчуждения в обществе и достижения этнического равновесия в реальной социальной действительности.

В качестве инструменталистского подхода к этничности может рассматриваться информационная концепция этноса этнографа Н.Н. Чебоксарова и этносоциолога С.А. Арутюнова. Они предлагают описывать механизм функционирования этнических общностей на основе связей, которые могут быть описаны в рамках понятия информации. Эти информационные связи, по их мнению, существуют в виде различных форм коммуникаций. Любые отношения, в которые вступают люди между собой, сопровождаются потоком информации. Информация передается разными путями – языковой коммуникацией, в форме показа и подражания. В понятие «информация» входит и культурная традиция народа, его творческое наследие¹.

Г.У. Солдатова в рамках данного течения определяла этническую идентичность в качестве разделяемых в той или иной степени членами данной этнической группы общих представлений, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами². Данные представления-маркеры образуют этнические границы, отделяющие этносы друг от друга. Понятие этнической культуры сводится к групповым стереотипам, формируемым политической элитой.

В отличие от примордиалистского подхода к трактовке этноса и этничности инструменталистский ориентирован на выявление тех функций, которые выполняют этносы как общности. Все концепции этничности этого подхода воспринимают этносы как реальность, как факт действительности, не занимаясь поиском объективных оснований их существования. Они

¹ Арутюнов, С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М., 1982. – С. 55–61.

² Солдатова, Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. – М., 1988. – С. 117.

исходят из положения, что раз этносы и этничность существуют – значит, они выполняют определенную роль в жизни и выражают интересы людей.

Третий – конструктивистский – подход к трактовке этноса и этничности строится на определении этноса как общности людей, формирующейся на основе культурной самоидентификации (самоопределения) по отношению к другим общностям, с которыми она находится в тесных связях. Этничность в таком представлении означает социальное конструирование воображаемых общностей, основанное на вере в то, что они связаны естественными и даже природными узами, единым типом культуры и идеей (или мифом) об общности происхождения и общей истории.

Теоретики конструктивистской концепции (норвежский этнолог Ф. Барт и др.) определяют этничность как наиболее широкую категорию социальной идентичности, как ситуативный феномен, создаваемый средствами символического различения, подчеркивают договорный характер границ между этническими категориями¹.

Выбор категории социальной идентичности для характеристики этничности как феномена представителями конструктивизма объясняется тем, что этнические границы направляют социальную жизнь в определенное русло, следствием чего становится организация поведения и социальных отношений. По этой причине, с точки зрения конструктивистов, в различных этнических границах наблюдаются и различные культурные явления, демонстрируемые членами той или иной группы (обычаи, традиции, нормы поведения и т.д.).

Одним из видных пропагандистов конструктивизма в России является профессор В.А. Тишков. С позиций конструктивизма он определяет свое понимание этноса как группы людей, члены которой разделяют общее название и элементы культуры группы, имеют общее происхождение и

¹ Barth, F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity / F. Barth, H. Vermeulen, C. Govers // Anthropology of Ethnicity: Beyond Ethnic Groups and Boundaries. – Amsterdam, 1994. – P. 179.

историческую память, обладают чувством солидарности. Все эти признаки, по словам профессора В.А. Тишкова, – «результат особых усилий, особенно процесса нацстроительства»¹.

Считая этнос социальным конструктом, В. А. Тишков, как и другие конструктивисты, вместе с тем признает его значимой реальностью, способной определять действия людей, их мобилизацию для достижения определенных целей.

В настоящее время ряд ученых, в том числе и профессор В.А. Тишков, считают, что при определении этноса и этничности «обстоятельный анализ требует интеграции всех подходов». В этой связи, по их мнению, было бы правильным в подходах к пониманию этой сложной проблемы:

1) признание сторонниками всех подходов решающей роли этнической идентичности для самовыделения группы и для выделения ее другими, равно как и для деятельности людей в этнической сфере;

2) формирование идей инструменталистской концепции, позволяющих сделать социально-психологические подходы к объяснению этничности понятными не только этносоциологам, но и другим обществоведам;

3) обоснование в конструктивистском подходе роли идеологий и идеологов в формировании этнической солидарности².

С.В. Лурье в своей книге «Историческая этнология» дает следующее определение этноса – «это социальная общность, которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание определенного уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социокультурных изменений»³. Она выделяет следующие закономерности, которые присущи этносу и связаны с тем, что этнос обладает внутренними

¹ Тишков, В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Федерализм. – 1997. – № 3. – С. 87.

² Тишков, В. А. Этнология и политика. – М. : Наука, 2001. – С. 58.

³ Лурье, С. В. Историческая этнология. – М. : Аспект Пресс, 1997. – С. 93.

механизмами, обеспечивающими его устойчивость, и выражаются они в особом распределении культурных черт и характеристик между членами этноса:

- определенные поведенческие и коммуникативные модели, которые типичны для всех членов этноса;
- поведенческие, коммуникативные, ценностные, социально-политические модели и культурные элементы, свойственные только определенным группам внутри этноса, но распределение этих моделей внутри этноса не хаотично: в своей совокупности они образуют целостную структуру. Эта структура имеет несколько важнейших функций: она регулирует взаимоотношения между различными группами внутри этноса (даже если эти группы внешне противостоят друг другу), способствует поддержанию стабильности этноса, определяет поведение различных частей этноса в кризисные эпохи и детерминирует процесс, который будем называть «самоструктурированием» этноса: процесс создания этносом новых, иногда глобальных, по видимости как бы принципиально меняющих жизнь этноса, социальных институций, соответствующих изменившимся культурно-политическим условиям существования этноса¹.

С позиции профессора Т.Г. Стефаненко, «этнос – это группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемые как естественные и устойчивые этнодифференцирующие признаки»². Значение и роль этнодифференцирующих признаков в восприятии членов этноса меняются в зависимости от исторической ситуации, от особенностей этнического окружения и многих других факторов³.

Многие российские ученые отстаивали идею панэтничности, т.е. представление о том, что этнос был и остается наиболее универсальной формой социальной жизни людей и что каждый человек принадлежит к тому

¹ Лурье, С. В. *Метаморфозы традиционного сознания (опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала)*. – СПб., 1994. – С. 210.

² Стефаненко, Т. Г. *Этнопсихология*. – М. : Аспект Пресс, 2003. – С. 29.

³ Там же. – С. 30.

или иному этносу. Данная идея входит в основу этнической парадигмы. Это вид ориентации людей в сложной социальной жизни путем создания идеальной, по их мнению, модели иерархии социальных явлений – представления о первостепенной важности этнических форм общности в жизни людей, о необходимости подчинения личных интересов, смысла жизни – интересам своего этноса. Каждый этнос с его языково-культурными и другими особенностями нередко представляется при этом чем-то вроде особого биологического вида, исчезновение которого обедняет биологический генофонд Земли, чем и мотивируется потребность сохранения его всеми возможными средствами, прежде всего – путем предохранения от этнического влияния, ведущего к развитию процессов ассимиляции. Вместе с тем, бытует мнение, что многие люди не чувствуют себя принадлежащими к тому или иному этносу как таковому, что их социальная ориентация определяется принадлежностью к государственной или религиозной общности¹.

Однако не все ученые в настоящее время согласны с общепринятыми определениями этноса. Например, петербургский этнолог Е.М. Колпаков демонстрирует неубедительность распространенного в российской науке определения этноса следующим образом: «Следует сказать, что качество классического определения этноса таково, что даже советский партийно-государственный аппарат подходит под него без особых натяжек. Исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей налицо. Особенности языка – разве аппаратно-канцелярский жаргон не является «новоязом»? Особенности культуры – сферу материальной культуры лучше не обсуждать, а ведь есть еще особые ритуалы, правила поведения и т.п. Самосознание своей общности и единства интересов, а также известное противопоставление «мы» – «они» здесь посильнее, чем у многих народов. Что входит в понятие самоназвание?»

¹ Этнические и этносоциальные категории : свод этнографических понятий и терминов / отв. ред. В. И. Козлов. – М., 1995. – Вып. 6. – С. 77.

«Номенклатура», «лучшие люди», просто «люди», «настоящие коммунисты», «наши»... Кстати, аппарат обладает и таким дополнительным признаком, как эндогамия – предпочтение браков внутри своей группы. Получается, что этнос по определению не отличается от других видов социальных общностей и даже от советского партийно-государственного аппарата. И все-таки ни один из нас не поставит в один ряд нацию и управленческий аппарат, не так ли? В итоге, современное понятие «этнос» в нашей этнографии оказывается недееспособным, оно не позволяет отличать описываемое им явление действительности от других относительно близких явлений»¹.

Подводя некоторые итоги анализа различных подходов к пониманию этноса и этничности, можно констатировать, что этничность – это «групповая идентичность, производная от имманентного человечеству социального инстинкта коллективности и «легитимизируемая» посредством представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры. Этнос выступает как носитель такой идентичности»².

Этнос не может проявляться как феномен без коллективных представлений об общем происхождении и специфичности своей культуры. Этнос – устойчивая общность людей, исторически сложившаяся на определенной территории, обладающая общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), осознающая свое этническое единство и отличие от всех других образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме).

В своем эволюционном развитии этнос как феномен прошел длительный период исторического процесса, началом которого явилась семья как кровнородственная группа людей, связанная общностью происхождения.

Несколько семей, вступавших в союз, образовывали род. Роды объединялись в кланы. Они представляли собой группы кровных родственников, носящих имя предполагаемых предков. Клань сохраняли

¹ Колпаков, Е. М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 14.

² Там же. – С. 15.

общую собственность на землю, кровную месть, круговую поруку. Как пережитки прошлого они сохранились в некоторых районах Шотландии, у индейцев Америки, в Японии и Китае. Несколько кланов, объединившись, составляли племя.

Племя – более высокая форма этнической организации, охватывающая большое число родов и кланов, обладающих собственным языком или диалектом, территорией, формальной организацией (вождь, племенной совет), общими церемониями. Их численность в разных местах доходила иногда до десятков тысяч человек.

В ходе дальнейшего культурного и экономического развития племена преобразовывались в народности, а те – на высших стадиях развития – в нации.

Народность – этническая общность, занимающая на лестнице общественного развития место между племенем и нацией. Народности возникают в эпоху рабовладения (в России – в период феодализма) и представляют собой языковую, территориальную, экономическую и культурную общность. По численности народность превышает племя, кровнородственные связи не охватывают всю народность.

Нация – автономная, не ограниченная территориальными рамками общность, члены которой привержены общим ценностям и институтам. Представители одной нации уже не имеют общего предка и общего происхождения, но объединяющая их национальность сформировалась благодаря общей истории, языку и культуре.

Нация возникает в период преодоления феодальной разобщенности и зарождения капитализма. В этот период складываются достигшие высокой степени интеграции внутренний рынок и единый хозяйственный уклад, собственная литература, искусство. Нации более многочисленны, чем народности, и насчитывают миллионы людей. На почве единых территории, языка и экономики формируются единый национальный характер и психический склад. Возникает у людей сильное чувство солидарности со

своей нацией. Национально-патриотические и национально-освободительные движения, межнациональная рознь, войны и конфликты возникают как признак того, что нация сформировалась и борется за свой суверенитет.

Суть всех научных подходов – это вопрос: существует ли этнос как самостоятельный социальный феномен, либо данное понятие было придумано учеными. Отсюда и различные взгляды на природу этнической культуры: от объективного фактора до мифа, созданного элитой в определенных целях. Однако при любом подходе этническая культура остается основным фактором, характеризующим и отграничивающим этнос от других подобных социальных образований.

Говоря об этнической культуре, необходимо определиться с понятием «культура», определений которой в науке существует множество. С.А. Арутюнов, С.Н. Еремин, С.Г. Ларченко, М.В. Петров и другие по-разному интерпретируют понятие «культура». Так, в основу ценностной концепции заложено понимание культуры как совокупности материальных и духовных ценностей; в рамках деятельностного подхода культура трактуется как внебиологически выработанный и передаваемый способ человеческой деятельности; семиотический подход предполагает изучение культуры как совокупности знаков и знаковых систем (религия, язык, искусство и др.)¹.

При анализе жизнедеятельности социальных систем наиболее приемлем оказался функциональный подход, рассматривающий культуру как специфический способ человеческой деятельности. Представитель данного направления Э.С. Маркарян отмечает, что любая цельная система характеризуется способностью к самосохранению, это в полной мере относится и к социальным системам². Вся деятельность как человеческих сообществ, так и каждого отдельного индивида направлена на самосохранение общности. Согласно этому взгляду, генеральной функцией культуры является адаптация социальных систем, во-первых, к

¹ Ерохина, Е. А. К изучению межэтнических взаимодействий: исследовательские подходы // Этносциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 2000. – Вып. 3. – С. 28.

² Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука : логико-методол. анализ. – М., 1983. – С. 90.

биофизическому окружению путем его соответствующего преобразования (примером подобной адаптации служит материальная культура общности), во-вторых, упорядочение взаимодействий между контактирующими сообществами, и, в-третьих – поддержание самих социальных систем в качестве интегрированных целых путем организации и координации усилий отдельных индивидов в достижении определенных социально значимых ценностей¹. Таким образом, элементы культуры выступают надбиологически выработанными средствами, благодаря которым осуществляется коллективная и индивидуальная жизнь людей, стимулируется, программируется, исполняется, физически обеспечивается, социально воспроизводится их активность, организуются, функционируют и развиваются человеческие коллективы.

Кроме того, одной из важнейших условий самосохранения систем является самовоспроизводство. Для человеческих сообществ надбиологическое воспроизводство осуществляется посредством механизма культурной традиции. Э.С. Маркарян в определении культурной традиции имел в виду «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»².

Следовательно, традиционная культура этноса – это опыт его «выживания», приспособления к различным условиям жизни на всем протяжении этногенеза. Стереотипы поведения, ценностные ориентации, типичные формы психической деятельности – все это проходило отбор в процессе деятельности людей по сохранению этнической общности как системы. В пример можно привести еврейский народ, когда существование в иноэтнической среде сформировало специфическую культуру и, вероятно, лишь придерживание традиций позволило сохраниться еврейскому народу как общности³.

¹ Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука : логико-методол. анализ. – М., 1983. – С. 63–68.

² Там же. – С. 154.

³ Поздеев, И. Л. Проблемы этнической социализации (на примере удмуртского этноса). – Ижевск, 2005. – С. 43.

В процессе этнической социализации происходит воспроизводство этнической культуры в каждом новом поколении. Конкретный индивид, воспринимая культуру этнической общности в качестве своей собственной (внутренней), осознает своё единство с другими подобными носителями культуры, следовательно, и со всей общностью. Данному осознанию индивидами своего этнического единства (этническому самосознанию) в функционировании этноса как системы отводится важная роль, ибо, во-первых, без самосознания нет этнической общности, во-вторых, обладающий этническим самосознанием индивид выступает уже носителем культуры конкретного этноса и начинает сам передавать её, подобным образом участвуя в процессе воспроизводства этноса.

В зависимости от используемого подхода к пониманию культуры авторами формируется содержание процесса межкультурного взаимодействия. Сторонники деятельностного подхода характеризуют межкультурные взаимодействия как преимущественно однонаправленный процесс воздействия наиболее развитой культуры на менее развитую культуру. Так, С.А. Арутюнов выделяет две модели межкультурного взаимодействия – взаимодействие локальных культур с общемировой индустриально-городской культурой и взаимодействие локальных культур друг с другом, частным случаем которого является взаимодействие между этническими культурами. Определяя культуру как систему способов деятельности, он характеризует их взаимодействие как асимметричный процесс, в котором одна из культур выступает донором, а другая – реципиентом¹. С.Г. Ларченко и С.Н. Еремин межэтническое взаимодействие рассматривают как одну из сторон целостного процесса межкультурного взаимодействия.

Сторонники семиотического подхода не дают однозначной оценки направленности межкультурного взаимодействия и более сдержанны в проявлении оптимизма в отношении содержания данных взаимоотношений.

¹ Арутюнов, С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С. 87.

К примеру, Ю.М. Лотман в качестве важного признака в процессе взаимодействия между культурами выделяет поток информации, направленный от передающей культуры к принимающей, который в определенный момент меняет свое направление. Результаты данных наблюдений позволили А.Е. Ерохиной сделать вывод об их чрезвычайной важности в оценке современной ситуации в сфере межэтнических отношений в регионах России вообще и Сибири в частности¹.

В исследовании национальных отношений выделяются различные аспекты межэтнических взаимодействий. В теоретической этнографии и этносоциологии понятие «национальные (межэтнические) отношения» служат для обозначения складывающихся в процессе жизнедеятельности и взаимодействия национальных общностей социальных отношений между народами, нациями, национальными группами, а также отдельными людьми разных национальностей.

Период с конца 60-х до середины 80-х годов характеризуется методологическим единством в исследовании сохранения этничности, основанным на использовании формационного подхода. При этом категория «культура» не играла большой роли в исследовании национальных отношений. Между тем в формационной теории и в деятельностном подходе к изучению культуры в качестве основной выступала идея общественного прогресса. Исследователи, оценивая тенденции развития национальных отношений в социалистическом обществе, фиксировали положительные стороны взаимодействия между национальными группами и характеризовали данные взаимодействия как положительное явление, способствующее расцвету и сближению наций². В отмеченный период факты проявления национализма рассматривались как случайные искажения марксистско-ленинской национальной политики. По мнению С.Г. Климовой, формировалась упрощенная схема развития межэтнических отношений³.

¹ Ерохина, Е. А. Указ. соч. – С. 28.

² Бромлей, Ю. В. Указ. соч. – С. 142.

³ Климова, С. Г. Изменение ценностных оснований идентификации (80-90-е годы) // СОЦИС. – 1995. – № 1. – С. 65.

Со второй половины 80-х годов наблюдается отказ от данного представления. В настоящее время исследователи придерживаются формационного и цивилизационного подходов и теории модернизации. В рамках каждого подхода при изучении межэтнических взаимодействий происходит возрастание роли категории «культура». Наиболее обоснованными, по мнению автора, являются аргументы приверженцев теории модернизации, которые полагают, что обострение противоречий на этнической или национальной почве вызвано стремлением народов к сохранению собственной культурной уникальности, оказавшейся под угрозой вследствие развития НТР и порожденной ею культурной унификации¹.

Таким образом культура межэтнических отношений – это определенная совокупность норм и контактов личностей разных национальностей в процессе их взаимодействия. По существу, это овладение и применение определенных интернационалистических норм поведения, способов и форм дружественных взаимоотношений и взаимодействий между людьми разных национальностей. Создать цивилизованное общество без уважительного отношения к «чужой» культуре невозможно. В связи с этим важно совершенствовать культуру межэтнического общения. Ежедневные контакты проживающих в одном регионе людей разных национальностей формирует у этносов представления друг о друге. На этой основе у людей складывается благожелательное и уважительное отношение к другим людям независимо от их этнической принадлежности, они начинают проявлять терпимость к традициям и культурным обычаям, религиозным верованиям другого народа, даже если все это неприемлемо с точки зрения собственной национальной культуры².

Дальнейшее развитие процессов межкультурного взаимодействия постепенно переходило в категорию ассимиляции. Сам термин в начале века

¹ Ерохина, Е. А. Указ. соч. – С. 30.

² Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 181.

был заимствован из биологии и означал буквально «поглощение» одной группой другой группы. Причины «поглощения» объяснялись изначально неравенством культур, разной степенью их жизнеспособности, и позднее, в связи с изучением следствий культурного контакта в иммигрантских сообществах, направление ассимиляционного процесса стало рассматриваться как результат различий в объемах ресурсов у взаимодействующих групп, неравного их социального положения и т.п. Сейчас указанная теория ассимиляции широко известна как теория плавильного котла по названию пьесы Израеля Зангвилла (Israel Zangwill), появившейся в 1908 году¹.

Таким образом, ассимиляция представляет собой особый вид социальной политики. Она включает те способы, с помощью которых принимающее общество может решить обращаться с индивидами или группами, которые отличаются в культурном, языковом или социальном отношениях. При ассимиляции происходит слияние одного народа с другим с утратой одним из них своего языка, культуры, национального самосознания².

В противоположность ассимиляции Дональд Л. Горовитц (Donald L. Horowitz) в работе «Этническая идентичность» ввел в оборот новое понимание дифференциации (иногда называемой «диссимиляция»). Горовитц рассматривал плавильный котел в значении объединения, а англоконформизм – «инкорпорирования». Под категорией «дифференциация» он подразумевал разделение ($A=B+C$) и «продуцирование» ($A=A+B$ или $A+B=A+B+C$). Эти модели должны были использоваться для понимания этничности таких групп, как «южане» или «мормоны»³.

Выше упоминалось, что этническая культура обеспечивает функционирование этноса в качестве системного целого, выполняя этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции. Так как все

¹ Sollors, W. Foreword: Theories of American Ethnicity // Theories of Ethnicity : a Classical reader. – N. Y., 1996. – P. 95.

² Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М., 1988. – С. 84.

³ Horowitz, D. L. Ethnic Identity. – N. Y., 1992. – P. 126.

компоненты культуры несут определенный внутренний смысл, выступают своего рода маркерами, обозначающими культурную границу этноса, то они обеспечивают взаимное понимание и взаимную информацию среди членов этноса, без чего невозможна была бы их совместная деятельность, а также делают возможным накопление, хранение и передачу из поколения в поколение информации, обеспечивающей культурную преемственность этноса¹. Основными носителями этнических свойств, по мнению Ю.В. Бромлея, являются традиционно-бытовая культура, обиходный язык и обыденное сознание². Именно язык и обыденное сознание (в его состав входят такие компоненты, как религия, ценностные и соционормативные установки) в некоторых случаях выполняют функции основных этнических признаков. В традиционно-бытовой культуре этническая специфика дольше всего удерживается в пище, жилище, одежде, и ребенок в процессе жизни в семье тесно взаимодействует с окружающими его предметами обихода, орудиями труда, которые приобретают социальную сущность и произвольно влияют на формирование этнических символов народа, прививают любовь к его культуре, формируют этническое самосознание.

В отечественной и зарубежной этнологической науке не сложилось однозначного подхода к определению понятия «этническое самосознание». В российской этнологической традиции есть два понятия, стоящие за термином «этническое самосознание». Исследователями описаны явления, обозначаемые как «этническое самосознание в узком смысле» и «этническое самосознание в широком смысле». Между тем в английском языке наряду с термином *ethnic identity* (этническая идентичность) используется близкий к нему по форме термин *ethnic self-identification* (этническая самоидентификация). Подобная ситуация в области терминологического аппарата, когда имеется два похожих по форме термина для обозначения близких явлений в разных языках заслуживает подробного рассмотрения.

¹ Поздеев, И. Л. Указ. соч. – С. 45.

² Бромлей, Ю. В. Указ. соч. – С. 140.

Термин «национальное самосознание» был введен В.В.Мавродиным в 1947 году. Под данным понятием он понимал «сознание единства людей, принадлежащих к данному народу, данной народности или нации, единства их интересов, психического склада»¹. В.И. Кушнер вслед за этим в 1949 году вводит понятие «этническое самосознание», которое рассматривает в качестве одного из важнейших этноопределяющих признаков, сделав вывод, что «...единственно четким этническим определителем является национальное самосознание и язык», а «этническое самосознание (национальное самосознание) меняется у человека или общественной группы лишь как конечный результат уже завершенных перемен в материальной культуре и социальном быте»².

С.А. Токарев выделил социальные маркеры, на которых основывается этническая общность (происхождение, язык, территория, государственная принадлежность, экономические связи, культурный уклад, религия), исторически обусловленное соотношение между которыми порождает этническое самосознание, посредством последнего субъективно определяется этническая принадлежность группы³.

В этнографической науке сложилось два мнения о природе этнического самосознания: Ю.В. Бромлей считает, что «этническое самосознание – это представление людей о собственном этносе, о его свойствах...»⁴, а сторонники широкого толкования этнического самосознания – Л.М. Дробижева, В.П. Левкович, Н.Г. Панкова – включают в него идентификацию индивида с определенной этнической общностью, этнодифференцирующие символы, служащие для выделения членов своей группы, этнические автостереотипы и чувства, осознание морального и психологического

¹ Мавродин, В. В. Формирование русской нации : стенограмма публичной лекции, прочитанной 7 июня 1947 года в Ленинграде. – Л., 1947. – С. 13.

² Кушнер, П. И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения института этнографии им. Миклухо-Маклая. – М., 1949. – Т. 8. – С. 335.

³ Токарев, С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. – 1964. – № 11. – С. 53.

⁴ Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии : очерки теории и истории. – М., 1981. – С. 15.

единства группы, представление о «родной земле», осознание национальных интересов¹.

Заслуга В.И. Козлова состоит в том, что он впервые обратил внимание на связь этнического самосознания и самоназвания, определив в краткой форме национальное самосознание как «чувство принадлежности людей к определенной нации, объединяющее их в социальный коллектив», а этническое – как «сознание принадлежности людей к определенному народу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа»².

Разработка концепции этнического самосознания в широком смысле считается невозможной, поскольку перед исследователями встает невыполнимая задача: необходимо изучать представления людей о своей этнической общности и ее отличиях от других общностей, проживающих по соседству. При этом представления будут разными у членов разных субэтносов, классов, профессиональных групп и т.д. Даже внутри одной семьи люди могут придерживаться разных мнений о том, что отделяет их от соседей другой национальности. Более того, представления человека о своей и других этнических группах изменяются на протяжении его жизни. Часто эти представления зависят от скоротечных политических событий, местных происшествий или просто от настроения человека. В ряде случаев может оказаться, что различий между членами разных этносов меньше, чем различий внутри одного этноса.

Подобная ситуация вызвала необходимость появления сравнительно легко измеряемого признака этнической принадлежности – этнического самосознания в узком смысле. П.И. Кушнер был близок к такому пониманию этнического самосознания, поскольку интересовался определением этнических границ и территорий, что мало связано со всем комплексом представлений людей о своей этнической общности и от чувств, которые они переживают в связи с ней.

¹ Дробижева, Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 5–23.

² Козлов, В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. – 1974. – № 2. – С. 24–27.

Тем не менее, термин «этническое самосознание» закрепился за самосознанием в широком смысле. В целях сохранения своей идеи этнического самосознания в узком смысле В.И. Козлов в научном обиходе пошел на замену термина. В ходе дискуссии по проблемам этнической психологии он отмечал, что национальное самосознание реально проявляется в «этнической самоориентации», т.е. установках типа «я – русский» или, например, «я – узбек», а в монографии об этнорасовых проблемах в Великобритании употребляет заимствованный из английского языка термин «этнорасовая идентификация» и собственный термин «этнорасовое самоопределение» фактически как синонимы этнического самосознания в узком смысле¹.

Ю.В. Арутюнян термин «самосознание» предлагает использовать для той части народа, которая действительно осознает свой выбор, т.е. видит и ощущает объективные основания собственной самоидентификации. В таком случае понятие «самосознание» приобретает дополнительный смысл, обозначающий как бы качественное осмысление своей этнической принадлежности. Это объясняет разницу между теми, кто считает себя, например, русским, но затрудняется указать черты общности со своей нацией, и теми, кто не только ощущает, но и осознает в себе подобные черты².

Западные исследователи подошли к проблематике, связанной с этническим самосознанием, примерно в то же время, что и советские этнографы. Однако на Западе интерес к данной проблеме проявили социологи и психологи, разработавшие соответствующий терминологический аппарат. Это относится к основным понятиям, каковыми в социальных науках на Западе стали идентичность и идентификация. При этом идентичность обычно понимается как идеальное отождествление индивидом себя с той или иной социальной общностью, сопровождающееся

¹ Козлов, В. И. Некоторые проблемы теории нации // Вопросы истории. – 1967. – № 1. – С. 91.

² Арутюнян, Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // СОЦИС. – 1990. – №7. – С. 43.

интериоризацией идентифицирующего поведения. А идентификация является, с одной стороны, механизмом становления идентичности, а с другой – актом ее распознавания.

Представители бристольской школы М. Хогг и Д. Абраме определяют социальную идентичность как «разделяемое/коллективное представление о том, кем является человек и как ему следует себя вести». Социальная идентичность содержит социальные идентификации и самоописания, которые относятся к самоидентификациям. Примеры самоидентификаций – «англичанин», «учитель», «христианин», «негр». Примеры самоописаний, связанных с самоидентификацией «англичанин»: «тепловатое пиво», «паб», «неэмоциональность», «дом-крепость», «собаки», «королевская семья»¹.

Дж. Тернер определяет социальную идентификацию как восприятие себя в качестве члена определенной социальной категории. Идентификации являются когнитивными структурами². Действительно, трудно дать оценку объекту, который не идентифицируется абсолютно ни с одним из объектов, о которых человек имеет какое-либо представление. Это относится к оценке таких социальных объектов, как этнические группы и членство в них.

Этническая идентичность является разновидностью социальной идентичности и подобно последней может вбирать в себя ряд самоидентификаций. Прежде всего, она включает этническую самоидентификацию. Более сложно определить другие самоидентификации, формирующие этническую идентичность. Таким образом, самоидентификации в представлении членов этнической группы должны отличать их от членов других этнических групп, с которыми они находятся в контакте.

Каждая группа может иметь уникальную комбинацию самоидентификаций внутри своей этнической идентичности. Этническая

¹ Abrams D. Social identification, self-categorisation and social influence / D. Abrams, M. A. Hogg // European review of Social Psychology. – 1990. – № 1. – P. 195.

² Turner, J. C. Towards a cognitive redefinition of the social group // Social Identity and Intergroup Relation. – Cambridge. – Paris, 1982. – P. 15.

идентичность может включать любые самоидентификации и связанные с ними самоописания, которые базируются на уникальных культурных или социальных особенностях группы. Например, самоидентификации «башкиры», «курганские башкиры»; самоописания, связанные с самоидентификациями: «намаз», «Коран», «курбан-байрам», «мечеть», «богобоязненность».

Из выше изложенного следует, что русский термин «этническое самосознание в широком смысле» соответствует английскому «этническая идентичность», а «этническое самосознание в узком смысле» соответствует английскому «этническая самоидентификация».

Следует отметить, что научные категории «этническая идентичность» и «этническая самоидентификация» употребляются наряду с термином «этническое самосознание». Использование английских терминов наряду с русскими в одном и том же тексте позволяет обнаружить, что имеется в виду под этническим самосознанием: его широкое или узкое понимание.

В последнее десятилетие проблема этнической идентичности в мультикультурных обществах привлекает все большее внимание американских и российских социальных психологов в связи со значительным обострением проблем национальных меньшинств.

М. Бернэл и Д. Найт подчеркивают, что этническая идентичность составляет важнейшую часть личности индивида, принадлежащего к национальному меньшинству; одновременно она выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей внутри доминирующей культуры. Этническая идентичность – это «набор индивидуальных идей относительно своей принадлежности к определенной этнической группе»¹. Вместе с тем это комплекс взаимосвязанных компонентов. Этническая идентичность определяет самоидентификацию личности, т.е. ее сознательное отнесение себя к какой-либо этнической

¹ Bernal, M. E. Ethnic identity: Formation. Transmission among Hispanics. Other minorities / M. E. Bernal, G. P. Knight. – Albany, 1993. – P. 83.

общности, а также использование тех или иных этнических ярлыков и их конкретное толкование. Другим компонентом этнической идентичности выступает культурное знание, выбор стереотипов поведения, усвоение традиций и ценностей своих предков. Этническая идентичность включает также набор социокультурных и бытовых предпочтений и предрассудков, а также эмоционально окрашенное отношение к членам своей этнической группы и к представителям доминирующей культуры. Содержание всех этих компонентов варьируется от группы к группе; внутри этнической группы они также носят индивидуальный характер. Таким образом, этническая идентичность, с одной стороны, привязывает индивида к той или иной культурной общности, с другой стороны, обуславливает специфику его самосознания внутри избранной членской группы.

В.Е. Якимова указывает, что существование этнических групп в мультикультурных обществах имеет объективные и субъективные основания. Объективным критерием принадлежности к национальному меньшинству выступает фактор этнического происхождения; субъективный критерий – это этническая самоидентификация индивида. Несмотря на прогнозы некоторых социологов и демографов, предсказывающих полную ассимиляцию этнических меньшинств и их поглощение доминирующей культурой, этническая идентичность продолжает оставаться устойчивым социокультурным и психологическим параметром самосознания, мировосприятия и поведения американцев латинского происхождения¹.

В контексте этих представлений дается определение – «этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом (народом), национальностью/нацией (в этническом смысле)», ибо в каждый данный момент, как в прошлом, а тем более в

¹ Хайруллина, Н. Г. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области / Н. Г. Хайруллина, А. Р. Салихова. – Тюмень, 2004. – С. 43.

современном виде, рынок культурных маркеров для формирования «системного», т.е. очерченного границами, этнически целого чрезвычайно разнообразен¹. Таксономические конструкции ученых, что есть локальная (этнографическая группа) подгруппа, «субэтнос», «подразделение этноса», а что есть настоящий этнос, являются крайне условными и в большинстве случаев зависят от политики и господствующей теории. Это позволило В.А. Тишкову выйти на понятия «этническая процессуальность» и «дрейф идентичности». Этническая процессуальность должна стать предметом внимания ученых, поскольку процедура (классификации ученых, механизм переписи, государственная бюрократия) определяет номенклатуру народов, а в некоторых странах даже устанавливает ее официально. Вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место поиск индивидуальной коллективной идентичности по набору доступных в данный момент культурных конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности.

Таким образом, этническая идентичность – это не только постоянно меняющиеся представления о том, что есть группа, но это есть всегда борьба за контроль над данным представлением, за дефиницию, за то, что составляет главные черты и ценности группы².

¹ Немьсова, Е. А. Этнокультурное содержание образования обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа // Северный регион: наука, образование, культура. – Нижневартовск, 2000. – № 1. – С. 16.

² Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1987. – № 3. – С. 20.

2.1 Теоретические основания изучения этнокультурных традиций и функционирования этничности в многонациональном сообществе

Общеизвестно, что за первые 20 лет Советской власти было проведено размежевание страны на этнокультурной основе. На месте бывшей унитарной России возникли союзные и автономные республики, автономные области, национальные округа и районы (впоследствии упраздненные). Следует обратить внимание, что мононациональные автономии создавались на многонациональных территориях без учета этнического состава областей, местностей и исторических традиций проживавших там народов.

В сложившейся ситуации существует необходимость поиска новых форм групповой идентичности, восстановления целостного и упорядоченного образа мира, утраченного вместе с идентификацией. С точки зрения этносоциологии процесс построения идентификации начинается с формирования социального интереса, затем происходит его осознание и доктринальное оформление. Когда идентификация утрачена большинством членов общества, у них утрачивается более или менее осознанное представление о собственном интересе.

Сегодня этносы стремятся к поиску своего места в обществе, к осознанию правил, норм взаимоотношений друг с другом. Поэтому автор считает необходимым остановиться на вопросах теории изучения этнокультурных традиций и функционирования этничности.

Согласно Л.Н. Гумилеву, этнос, достигнув апогея в развитии, постепенно сходит на нет и растворяется в других этносах, оказавшихся в сравнении с исчезающим в пассионарной фазе. Исторические рамки, охватывающие период от пассионарного «толчка» до умирания этноса, по мнению Гумилева, – полторы тысячи лет (1200-1500 лет). За это время пассионарность в новых этносах вначале устойчиво растет, структура их этнической системы постоянно усложняется – это фаза подъема. Когда же

пассионарность достигает апогея в их развитии, создается единый этнический мир – суперэтнос, состоящий из отдельных близких друг другу по поведению и культуре этносов.

Самыми трудными моментами в жизни этноса являются смены фаз этногенеза (т. е. фазовые переходы). Они сопровождаются сокращением пассионарности в этносе, психологической ломкой стереотипов в его поведении в целях приспособления к новой фазе жизнедеятельности. Фазовый переход в развитии этноса, по Гумилеву, – это кризис, связанный с изменением уровня его пассионарности.

Л.Н. Гумилев считает, что пассионарные «толчки» определили и ритмы Евразии. Они обусловили приоритет тех или иных сил в разные периоды формирования единого мегаконтинента – Евразии. Особенно четко сформированы эти идеи в его статье «Горе от иллюзий», где он пишет: «Можно, конечно, продолжать считать, будто история определяется асоциально-экономическими интересами и сознательными решениями. Но ... в жизни человеческой нет ничего более нестабильного, чем социальное положение....»¹.

«Но никакими условиями и желаниями не может человек сменить свою этническую принадлежность. Не заставляет ли это предположить, что в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов?»².

Раскрывая роль пассионарности в становлении и развитии суперэтноса, профессор Гумилев задавался вопросами: может ли все человечество влиться в один гигантский суперэтнос, где и как будут торжествовать общечеловеческие ценности? На эти вопросы он отвечал так: пока существуют разные уровни пассионарного напряжения в уже имеющихся суперэтносах, пока существуют различные ландшафты Земли, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, такое слияние

¹ Гумилев, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – М., 2003. – С. 130.

² Там же. – С. 142.

маловероятно и торжество общечеловеческих ценностей будет лишь очередной утопией. Если это слияние произойдет, то восторжествуют не «общечеловеческие ценности», а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса¹.

Концепция пассионарности Л.Н. Гумилева многоаспектна, интересна и далеко не бесспорна. Однако следует отметить те ее положения, которые получили популярность в настоящее время:

- 1) внимание на объективно природный характер этнических образований;
- 2) подчеркивание тесной связи этноса с природной средой и, прежде всего, ландшафтом (т.е. месторазвитием);
- 3) идея собственных ритмов развития этноса, которые невозможно изменить сознательной деятельностью людей;
- 4) источником развития этноса является пассионарный «толчок».

Механизм функционирования этнокультуры межэтнических коммуникаций должен включать такие элементы, как устойчивый и широкий обмен информацией, социальный оптимизм, всестороннее межэтническое взаимодействие и как результат – достижение согласия и взаимопонимания между представителями разных национальностей.

Основой формирования культуры межэтнических коммуникаций должно быть социально-экономическое сотрудничество и взаимопомощь людей разных национальностей с учетом их этнической специфики (история, культура, традиции, обычаи и т.д.). Поскольку равнодушие к национальному своеобразию человека, нерешенность многих социальных проблем болезненно отражаются в национальном сознании, порождают чувство обиды, создают питательную среду для межэтнической напряженности и межэтнических конфликтов. Истинное благополучие представителей одной национальности никогда не может быть достигнуто за счет ущемления прав, привилегий и свобод представителей других национальностей. Понимание

¹ Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 2007. – С. 182.

этого является неотъемлемым элементом культуры межэтнических отношений.

Культуру межэтнического взаимодействия можно определить как свод наиболее общих нравственно-психологических норм, а также как выражение ответственности человека за адекватное этим нормам поведение. Эффективность межэтнического взаимодействия зависит от уровня внутренней культуры и национальной воспитанности людей разных национальностей. В свою очередь, соблюдение в любой многонациональной общности общепринятых норм межэтнического взаимодействия делает поведение отдельных людей – членов многонациональной общности, более устойчивым, пропитанным дружелюбием по отношению к другим.

Особо следует выделить значение воспитания культуры межэтнических отношений на личностном уровне. Человек в современных условиях в большинстве случаев продолжает оставаться национальным, имеет устойчивое национальное самосознание и национально-психологическую ориентацию.

Взаимодействие и взаимовлияние культурных комплексов ведет к появлению общего между ними, далее – к их единству, к интеграции в сфере культуры. Общее, по мнению Н.В. Исаковой, может проявляться на разных уровнях: на уровне несущественных связей и отношений, т.е. внешнем; при более тесном контакте, более широких связях, заимствованиях общее между культурными комплексами переходит на уровень сущности; и, наконец, такое общее между ними, которое есть нечто новое, некое интегральное качество, объединяющее культурные комплексы как свои элементы¹.

Характерной приметой современной жизни России является рост этнического самосознания и готовность защищать ценности традиционной культуры и особые права на ее сохранение в условиях нарастания интеграции у представителей самых разных народов. Зафиксированная ситуация – не чисто российское явление, а особенность современного мирового развития,

¹ Исакова, Н. В. Культура народов Севера : филос.-социол. анализ. – Новосибирск, 1988. – С. 79.

для которого характерен подъем национализма, тесно связанного с ростом этничности. В то же время очевидным является рост глобальных и региональных процессов интернационализации и интеграции¹.

Так называемый процесс ассимиляции, воспринимаемый обыденным сознанием преимущественно в сфере духовной культуры и в межэтническом взаимодействии, происходит в следующей последовательности:

1) принятие и освоение данным этносом более совершенных, высокотехнологичных, многофункциональных и дешевых предметов материальной культуры другого народа;

2) восприятие моделей общественного поведения, обусловленных используемыми и потребляемыми предметами материальной культуры, сначала в сфере производства, затем в других сферах жизнедеятельности;

3) изменение мировосприятия и ценностных ориентаций в соответствии со структурой и содержанием своих актуализированных потребностей, характером и способами их удовлетворения;

4) включение в процесс обмена информацией такой системы знаковых элементов, которая позволяет более эффективно удовлетворять актуализированные потребности, т.е. утрата родной речи и овладение новыми вербальными элементами (языком межнационального общения или навязанным государственным);

5) постепенная утрата системы присущих этносу воззрений, обусловленных способами овладения физическим и социальным пространством.

Мысль, противоположная теории ассимиляции, была высказана современником Кривеко, малоизвестным писателем, использовавшим псевдоним Селадон (Певец). В его 16-страничном труде «Золотой век, или Будущая слава Северной Америки, открытая ангелом Селадону в нескольких увлекательных видениях» (1785) сформулирована мысль, которую сейчас можно было бы выразить как $A+B+C=A+B+C$. Данная формула является

¹ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень, 2000. – С. 136.

метафорическим представлением федерации национальных республик, идею которой предложил Х. Каллена (H. Kallen) в книге «Демократия против Плавильного котла» (1924), В ней автор вводит термин «культурный плюрализм»¹. Противостояние между теориями ассимиляции и плюрализма имеет в большей степени символический характер, скорее, она обозначает тенденции развития. Теория плавильного котла подчеркивает важность этнического разнообразия для рождения нового этноса, а, в свою очередь, ныне более модная плюралистичная теория этнического разнообразия («миска с салатом» – salad bowl) неизбежно в основе имеет постепенно уменьшающиеся процессы ассимиляции. И. Селадон, И. Кревеко разделяли веру в американскую миссию, первый был далек от мечты о неотвратимо разделенной нации, а второй – от идеи республики клонов, прошедших плавильный котел.

Милтон Гордон в уже упоминавшейся работе «Ассимиляция в американской жизни» подчеркнул существование обеих теорий (ассимиляции и плюрализма) и связал первую с идеей так называемого «англоконформизма» (Anglo-conformity)². Данная концепция предполагает полную унификацию культуры иммигрантов, унаследованной от предков, в угоду поведенческих стандартов и ценностей «корневой англосаксонской группы», что кратко можно выразить как $A+B+C=A$. В принципе, это один из вариантов плавильного котла, объективно оправдывающий навязывание стандартов определенной этнической группы, в данном случае англосаксов, который может вести к расизму. Для обозначения «результатирующей этничности» (в приведенных выше формулах) Орландо Паттерсон (Orlando Patterson) ввел термин «универсальная культура»³. Дискуссии, касающиеся плавильного котла, крайне противоречивы, поскольку отрицают создание «универсальной» этничности (D), но защищают универсализм, чтобы опровергнуть появление англоконформистского A. С одной стороны,

¹ Sollors, W. Указ. соч. – P. 96

² Gordon, M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. – Oxford, 1964. – P. 215.

³ Sollors, W. Указ. соч. – P. 97.

оправдание теории плавильного котла не объясняет сохранение этнических границ, а с другой, обосновывает появление универсальной культуры и возведение символических этнических границ во имя универсализма и в то же время обвиняет универсализм как замаскированную форму англоконформизма.

Модель формирования этничности Гордона осталась в рамках уже созданных к тому времени классических идей. Небольшое дополнение к их корпусу было сделано Грили, который в книге «Этничность» ввел слабо разработанную концепцию «этногенетического развития»¹. Сам же Гордон попытался примирить свои идеи сочетания триады «англоконформизм – плавильный котел – плюрализм» с теоретическими подходами других исследователей (например, Шермерхорна). В работе «Природа человека, классы и этничность» он признал, что все нации мира уже являются или становятся плюралистичными по своей сути². Необходимо отметить, что Гордон ввел термин «структурной ассимиляции», что позволило ему рассмотреть современные варианты этничности под углом зрения ассимиляционных процессов, приняв и идею Барта о сохранении границ. В результате, появление «новой этничности» оказалось возможным связать с гипотезой о сохранении социальных барьеров при стирании различий этнических культур³.

Исходя из этого рассматривая стремление к государственной целостности и единству России, зависят от специфики отношений и преодоления выше указанных барьеров, складывающихся между различными этническими группами внутри регионов. События последних лет показали, что сфера межэтнических отношений наиболее чувствительна к происходящим социально-экономическим и политическим изменениям. Социальная поляризация, снижение уровня и ухудшение качества жизни большей части населения России создают условия для массовых социальных

¹ Sollors, W. Указ. соч. – P. 99.

² Gordon, M. Указ. соч. – P. 73.

³ Ibid. – P. 75.

конфликтов, которые легко трансформируются в национальные столкновения, приобретая устойчивый характер этнических противостояний.

Как отмечает в своих ранних работах В.А. Тишков, сфера межнациональных отношений, ее внутренняя динамика и проблемы в многонациональном государстве являются, как и сфера экономических и социально-политических отношений, живой, постоянно меняющейся реальностью¹. Социальные и культурные общности, осознание ими своей самобытности есть не что-то изначально заданное, а возникающее в процессе исторических перемен и потрясений. Со стороны государства и политических сил в союзе с наукой требуется постоянный анализ этой меняющейся ситуации, включая выявление факторов, которые вызывают «всплеск» этничности или, наоборот, «охлаждают» этнические чувства. Даже такие феномены и понятия, как «культура» и «традиции», должны восприниматься живыми, рождающимися и угасающими явлениями, конструируемыми людьми в процессе взаимодействия прошлого опыта и настоящей действительности. «Этническую ситуацию в стране, – пишет В.А. Тишков, – необходимо рассматривать как подверженные изменениям процессы, которые на данном историческом отрезке в мире в целом, а в СССР в условиях перестройки тем более, переживают этап наибольшей интенсивности и требуют по отношению к себе гибкого и взвешенного подхода»².

Г.Г. Котожеков определяет специфику межэтнических отношений следующими посылками, с которыми трудно не согласиться:

1) в Российской Федерации постоянно нарастает межэтническая напряженность, усиливаются центробежные тенденции (примером является Чечня);

2) напряженность межэтнических отношений является следствием ошибочной демографической политики советского периода, экономического

¹ Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. – С. 81.

² Тишков, В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1987. – №3. – С. 19.

кризиса и политической нестабильности в современной России, общего снижения уровня и качества жизни, социальной поляризации, что создает предпосылки для тотального социального конфликта в российском обществе;

3) на процесс формирования межэтнических отношений негативно влияют средства массовой информации; опыт последних лет показывает, что СМИ освещают состояние межэтнических отношений и конфликтов недостаточно объективно и взвешенно, что часто способствует разжиганию конфликта;

4) в определении характера межэтнических отношений велика роль религии; как известно, возможность ее влияния на межэтнические отношения определяется тем, что ценностные ориентации и установки, сформировавшиеся в религии, тесно переплетены с национальной культурой и народными традициями¹.

Можно выделить две формы межэтнической напряженности: открытую и скрытую. Открытая форма, будучи связана с насилием, обнаруживается сразу и требует оперативного вмешательства властей, армии, милиции. Скрытая форма межэтнической напряженности наиболее опасна. Опасность скрытой межнациональной напряженности заключается в том, что ее трудно предугадать, сложнее локализовать. Она исподволь разобщает людей, распространяется постепенно, заражая самосознание и чувства индивидов или этносов. Результатом могут быть неожиданные вспышки агрессивности или чаще фрустрация – психологическое состояние безысходности и отчаяния.

В процессе адаптации членов этнической группы к полиэтничной среде неизбежно возникают тенденции отчуждения людей от традиционной этносреды. Это может привести к этнической и языковой ассимиляции, приобщению мигрантов (особенно из сельской местности) к маргинальной субкультуре и сознанию. Для минимизации подобных тенденций необходимо оптимизировать становление и функционирование этнической личности в

¹ Котожеков, Г. Г. Этническая стратификация и национальная культура. – Абакан, 1991. – С. 31.

полиэтнических условиях, а это сложно без целенаправленного воздействия. В последние годы вопросы функционирования этничности в многонациональном сообществе привлекли особое внимание ученых Республик Татарстан и Башкортостан. Татарский исследователь Р.И. Зинуров, понимая под данным процессом межпоколенную трансляцию и освоение каждым новым поколением константного, этнородового социального опыта, считает необходимым рассматривать данный феномен в двух измерениях – коллективном и индивидуальном. При этом родной язык он рассматривает как уникальное и решающее средство в ходе овладения этнической культурой¹. Башкирский ученый Т.Г. Мухтаров помимо языкового фактора в успешном восприятии этничности современной молодежью (понимая под этим термином «реализацию существующего набора объективных и субъективных признаков, по которым каждая личность субъективно относит себя к определенной этнической общности и в ней реализуется») значительное место отводит семье и неформальным связям².

По мнению М.Н. Губогло, одной из важных составляющих базовой структуры личности является этническая идентичность, формирующаяся только в результате овладения индивидом культурой этноса. Недооценка важности характера функционирования этноса приводит к «неадекватно сформированному этническому самосознанию», «радикализму и перекосам в этнической мобилизации», что негативно отражается как на самоощущении человека, так и на межэтнической обстановке³.

Одним из признаков этноса выступают типичные для этноса черты характера. Механизмом их воспроизводства также служит процесс передачи группового опыта. С самого рождения ребенок уже является объектом культурной интерпретации со стороны взрослых, заинтересованных в более полном усвоении им группового опыта, поскольку они для себя определяют,

¹ Зинурова, Р. И. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах // СОЦИС. – 2005. – № 3. – С. 82–87.

² Мухтаров, Т. Г. Современный город и башкирская молодежь. – Уфа, 2004. – С. 11.

³ Губогло, М. Н. Идентификация идентичности : этносоциол. очерки. – М., 2003. – С. 8–9.

какими качествами он должен обладать и сообразно с этим включают его в повседневную жизнь общества. В ходе усвоения опыта идет развитие психики ребенка, так как, по утверждению психологов культурно-исторического направления, функционирование индивидуальной психики имеет социокультурное происхождение. Следовательно, индивид, усваивая культуру своего народа, одновременно усваивает традиционные формы психической деятельности, присущие данной общности. А такими формами, как отмечал Ю.В. Бромлей, обусловлено внешнее различие в поведении, реакциях людей разной этнической принадлежности по одному и тому же поводу¹.

По мнению М. Бернэл и Д. Найта, главную роль в сохранении этнической идентичности играют инкультурация и аккультурация. Первый связан с внутрисемейной и межпоколенной социализацией, с «введением в этническую культуру» ребенка и подростка; второй сводится к адаптации представителей этнического меньшинства к ценностям и нормам доминирующей, англо-американской культуры. Эти процессы могут взаимодействовать, протекать параллельно или вступать в противоречие, определяя тем самым лицо этнической идентичности конкретного индивида.

В соавторстве с К. Окампо М. Бернэл и Д. Найт обратились к анализу формирования этнической идентичности у детей и подростков². В ряду компонентов этнической идентичности решающими в этот период развития являются его самоидентификация и появление у него чувства неизменности и устойчивости этнических характеристик, или этническая константность. При этом сознательное отнесение себя к определенной этнической группе и использование этнических ярлыков происходит раньше, чем ребенок начинает осознавать константность самих этнических характеристик.

Опираясь на результаты проведенных ими опросов и интервью среди американских детей мексиканского происхождения в возрасте 6-13 лет, К.

¹ Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии: очерки теории и истории. – М., 1981. – С. 72.

² Bernal, M. E. Указ. соч. – Р. 85.

Окампо, М. Бернэл и Д. Найт продемонстрировали поэтапность и временную последовательность возникновения некоторых психосоциальных констант и предложили объяснение данного процесса с позиций теории когнитивных схем. Самой первой константой, которую усваивает ребенок к 24 месяцам, является дифференциация людей по признаку пола. В 30 месяцев он может с уверенностью отнести себя к одной из двух половых категорий, а к трем годам у него появляется осознание временной и ситуационной устойчивости половых характеристик. Расовая самоидентификация и использование соответствующих наименований начинается в 8-9 лет, усвоение неизменных расовых признаков – в 11-12 лет. Этнические константы утверждаются в поведении и сознании ребенка не ранее 12-13 лет¹. При этом наблюдается четкая временная последовательность формирования трех основных констант: сначала наступает осознание неизменности половых характеристик, затем – расовых и наконец – этнических.

Дж. Финней разработала модель стадийного развития этнической идентичности у молодых представителей национальных меньшинств. Период юности автором выбран не случайно, поскольку в это время формируется основное содержание этнической самоидентификации и мировосприятия².

Модель, предложенная Дж. Финней, базируется на известной теории психосоциальной идентичности Э. Эриксона. Под идентичностью Э. Эриксон понимал субъективное чувство целостности своего «Я», его адекватности социальным требованиям. Достижению идентичности, согласно эгопсихологии, предшествует нормативный психосоциальный кризис, выражающийся в активном осмыслении своего места в мире, своих склонностей, способностей, устремлений и отношений с другими. Дж. Финней выделяет три стадии формирования этнических компонентов «Я»³.

¹ Bernal, M. E. Указ. соч. – P. 91.

² Phinney, J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence // *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. – Albany, 1993. – P. 61–69.

³ Ibid – P. 74–76.

Стадия 1 – непроверенной идентичности – характеризуется отсутствием интереса к проблеме этнических корней и членства в этнической группе. В противовес существующим гипотезам молодые люди, которые безразличны к своей этнической «судьбе», далеко не всегда демонстрируют откровенную приверженность ценностям доминирующей культуры, и лишь некоторые из них разделяют негативное отношение к традициям «родной» культуры. Многие молодые люди, отнесенные исследователями к этой категории, довольствуются знанием самого факта своей этнической специфики и принадлежности к этническому меньшинству, не задаваясь глобальными вопросами культурной ориентации, ценностных приоритетов и т.п.

Стадия 2 – это поиски этнической идентичности в рамках моратория. Согласно предложениям Эриксона и его единомышленников, активной психосоциальной самоидентификации должно предшествовать какое-то яркое, эмоционально окрашенное событие, выбивающее молодого человека из обыденной колеи и заставляющее его задуматься о своем жизненном назначении. Опрошенные Дж. Финней молодые люди показали стойкий интерес к своим этническим корням, национальной культуре, традициям, истории своего народа, его языку; некоторые переживали серьезные трудности, пытаясь соединить в своем сознании и поведении необходимость «быть американцем», оставаясь при этом хранителем этнического наследия.

Для стадии 3 – достигнутой идентичности – характерно типично ясное, четкое и устойчивое ощущение незыблемости своих этнических характеристик, привязанность к национальной культуре и этнической группе. Это стадия сложившегося этнического «Я», разрешившего все противоречия своего роста.

Вслед за Дж. Финней Мери-Джейн Ротерем-Борус считает юность решающим этапом формирования психосоциальной и этнической идентичности человека. В юности происходит осознанный выбор этнических ролей и соответствующей культурной или бикультурной ориентации в отношении прочих этнических сообществ. Важнейшими составляющими

бикультурного видения мира она считает бикультурный выбор референтных групп и бикультурную компетентность. Молодежь, склонная к экспериментам и пробе сил, только примеряет на себя те или иные виды этнической идентичности, сопоставляет различные культурные ценности и ищет адекватную референтную группу¹. По трактовке М. Ротерэм-Борус, бикультурная ориентация формируется как целостный набор взаимосвязанных мыслей, чувств и поведенческих репертуаров, который отличается как от доминирующей культуры, так и от жесткой этнически обусловленной идентичности. Бикультурная позиция не имеет прямой функциональной связи с социально-психологической адаптацией индивида, так как эта связь опосредуется социальной ситуацией, культурными условиями и личностными характеристиками молодого человека².

Следовательно, ключевой идеей для понимания процесса усвоения человеком его принадлежности к конкретной этнической группе и появления этнической самоидентификации является идея габитуализации («опривычивания»). Она заключается в том, что повторяющееся действие становится для человека привычным и в будущем повторяется им без особых раздумий. Результат габитуализации особенно действен в том случае, когда этот процесс осуществляется в ходе первичной социализации человека, т.е. в детском возрасте. Отправным пунктом социализации является интернализация – основа понимания человеком других людей и окружающего мира.

Таким образом, можно прийти к выводу, что этническая самоидентификация, механизмы появления которой нас интересуют, возникает у человека не на основе сопоставления знаний о собственных культурных признаках с признаками различных этнических групп, а в результате получения от других людей представления о своей этнической принадлежности. При этом необходимо иметь в виду, что при первичной

¹ Ocampo, K. A. Gender, race, and ethnicity: the sequencing of social constancies / K. A. Ocampo, M. E. Bernal, G. P. Knight // *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities*. – Albany, 1993. – P. 11–16.

² Хайруллина, Н. Г. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области. – Тюмень, 2004. – С. 56.

социализации нет проблем с идентификацией. Ребенок, усваивая представление о своей этнической принадлежности, может вообще не подозревать о существовании в обществе каких-либо иных этнических групп, за исключением его собственной.

Кроме того, при первичной социализации происходит когнитивное обучение, сопряженное с большой эмоциональной нагрузкой. Поэтому смена первичных идентификаций человека (половой, этнической, расовой, кастовой и т.п.) сопряжена с определенным психологическим кризисом, а зачастую вообще является невозможной для индивида, даже при наличии благоприятных для этого условий. Мы узнаем о нашей этнической принадлежности (русские, ханты, азербайджанцы, коми и др.) от других людей. Позже находим свидетельства, которые подкрепляют или не подкрепляют эту категоризацию. В большинстве случаев язык, религия, обычаи и другие объективные черты соответствуют этнической самоидентификации человека, подкрепляя его этническую самоидентификацию.

Такие компоненты этнической идентичности, как стереотипы, предубеждения, мнения о собственной группе и другие, могут частично наследоваться путем обучения и частично конструироваться заново, так как опыт предыдущих поколений не всегда способен дать приемлемое объяснение изменениям, которые происходят в жизни общества.

В.Ю. Хотинец в разработанной ею психологической структуре этнического самосознания выделяет следующие компоненты: осознание особенностей этнической культуры своей этнической общности, осознание психологических особенностей своей этнической общности, осознание тождественности со своей этнической общностью, осознание собственных этнопсихологических особенностей, осознание себя в качестве субъекта своей этнической общности, социально-нравственная самооценка этничности. Исследователь дает определение этническому самосознанию как относительно устойчивой системе осознанных представлений и оценок

реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса. В итоге формирования данной системы человек осознает себя в качестве представителя этнической общности¹. На взгляд автора, это определение во многом объединяет предыдущие точки зрения на природу этнического самосознания и более полно раскрывает суть данного феномена.

Вслед за ней В.С. Воронцов изучает этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии, выявляя базу и механизм его формирования, спектр ценностных приоритетов, в том числе и этнической компоненты в самосознании молодых россиян. Ученые выделяют основные этапы, определяют эффективность современных институтов социализации в процессе становления этнического самосознания. По их мнению, этническое самосознание личности поддается корректировке при обучении в школе и вузе. Следует отметить, что исследования этнического самосознания позволяют глубже рассмотреть изменения, происходящие в человеке в процессе этнической социализации, когда он воспринимает этническую культуру и становится членом определенной этнической общности².

Т.Г. Исламшина, изучая проблемы возрождения этнических ценностей в реформирующемся полиэтничном обществе, вводит классификацию уровней зрелости этнического самосознания на примере татар: здоровое самосознание с должным чувством этнического достоинства, сочетающегося с уважением такого же чувства людей других национальностей; чрезмерно развитое, гипертрофированное этническое самосознание с элементами этнического высокомерия, этнической самовлюбленности, без должной этнической самокритики; этническое самосознание с элементами самоунижения, робости и неуверенности, с субъективными представлениями о неполноценности, «второсортности» своего народа; этнонигилистическое

¹ Хотинец, В. Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // СОЦИС. – 1999. – № 9. – С. 67–75.

² Поздеев, И. Л. Указ. соч. – С. 28.

или космополитическое самосознание; признаки самосознания другого народа¹.

Данная классификация уровней зрелости может быть взята за основу при изучении этнического самосознания и представителей других этнических общностей. Согласно данной классификации уровень зрелости этнического самосознания башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей характеризуется как здоровое самосознание с должным чувством этнического достоинства, сочетающегося с уважением такого же чувства людей других национальностей.

Изложенное выше понимание природы этнического расходитя с концепцией В.А. Тишкова, который полагает, что выбор этнической принадлежности в значительной степени зависит от процедуры определения номенклатуры народов. При этом люди произвольно (но не обязательно свободно) выбирают для себя идентичность, связанную с той или иной культурной конфигурацией. Эту идентичность индивиды или коллективы могут время от времени сменять на другую (дрейф идентичности). Этническую идентичность отличает от других форм социальной идентичности представление об общеразделяемой культуре².

В.А. Тишков полагает, что признаком этнической общности является не «общее происхождение», а представление или миф об общей исторической судьбе членов этой общности. Если исходить из данного положения, то достаточно какой-то территориальной, социальной, религиозной, диалектной и другой группе людей внушить каким-то образом мысль об их особом происхождении, и эта группа может превратиться в этнос³.

Недостатком позиции В.А. Тишкова является то, что он пытается строить свою концепцию этнической группы преимущественно на основе

¹ Исламшина, Т. Г. Этнические ценности полиэтнического общества социологический очерк. – Казань, 1992. – С. 84.

² Тишков, В. А. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С. 15–44.

³ Тишков, В. А. Этнология и политика. – М., 2001. – С. 92.

культурной идентичности как конструируемой с помощью различных социальных институтов. При этом в стороне остается длительность процесса формирования общей идентичности, механизмы выбора этнической принадлежности (влияние смешанных браков, устойчивых моделей самоидентификации и т.д.), роль семьи как одного из решающих факторов этнической социализации.

Тем не менее, указанное позволило В.А. Тишкову сделать ряд заключений, исходя из отечественных реалий. Во-первых, существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства. Суть этих общностей, или социально конструируемых коалиций, составляют разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на основе этой общей идентичности солидарность.

Во-вторых, границы общностей, образуемых на основе избранных культурных характеристик, и содержание идентичности являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в диахронном, ситуативном планах, что делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков.

В-третьих, конструируемая и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости, общий контроль над ресурсами и политическими институтами и обеспечение социального комфорта в рамках культурно-гомогенных сообществ¹.

¹ Тишков, В. А. Этнология и политика. – М., 2001. – С. 110.

Проявление этничности сегодня – явление привычное и вместе с тем парадоксальное. С одной стороны, происходит приобщение к общечеловеческим ценностям, с другой – наблюдается стремление народов к самоидентификации и даже к обособлению. В прошлом, когда этносы существенно отличались друг от друга социокультурным уровнем, те из них, которые отставали от «развитых» этносов, воспринимали социальную иерархию как естественную систему отношений. По мере сближения этносов и преодоления социальных различий между ними формируется тенденция выравнивания социокультурных статусов и утверждения в межэтнических взаимоотношениях сильно выраженных элементов партикулярности и независимости.

На территории Южного Урала и Зауралья происходит взаимодействие славянской, финно-угорской, тюркской культур и складывается полиэтническая среда. В демократичном обществе возможные конфликты решаются путем взаимных компромиссов и уступок, а соблюдение прав и свобод обеспечивает этнокультурное развитие каждой из этнических групп.

Обсуждая процессы, протекающие среди народов Южного Урала и Зауралья, важно разделять их составляющие: отрицательный естественный прирост населения, миграционный отток и ассимиляцию. Обсуждению первых двух составляющих посвящены многочисленные работы ученых, но ассимиляционным процессам, в частности изменению этнической идентификации, этнического самосознания, уделено недостаточно внимания. Между тем многие этнографы и социологи выдвигают этническое самосознание на первое место среди других признаков этноса, поскольку именно появление у отдельных индивидов и групп нового этнического самосознания означает их принадлежность уже к другому этносу.

Принято считать, что человек определяет свою этническую принадлежность, принимая название этноса своих родителей. Если один из родителей принадлежит к этническому большинству населения, а другой – к меньшинству, ребенок обычно идентифицирует себя с этническим

большинством. Здесь уже имеем дело не просто с «перениманием от другого», а с осознанным выбором, когда во внимание принимаются и знание языков, и элементы культуры, и статус группы в системе этнической иерархии, и политическая ситуация. Аналогичные явления наблюдаются у детей, родившихся в этнически смешанных семьях коренных народов Оренбургской, Челябинской и Курганской областей.

Встречаются случаи, когда человек причисляет себя к этносу, к которому не принадлежит ни один из его родителей. В таких случаях этническая самоидентификация родителей в очень малой степени коррелирует с иными этническими признаками: отсутствует знание языка и обычаев своей группы, нет заметных антропологических отличий от окружающего населения, социальные статусы членов разных этнических групп примерно одинаковы и т.д. Кроме того, на упрочение этнической самоидентификации оказывает влияние устойчивое функционирование так называемой мезоструктуры этноса. Мезоструктура этноса состоит из «кругов внутриэтнического общения», т.е. «устойчивых субобщностей, основанных на непосредственном межличностном общении». Именно они обеспечивают «межпоколенную трансмиссию «ядра» этнической культуры»¹.

Можно допустить, что, если данные круги внутриэтнического общения функционируют успешно, они закрепляют в психической сфере индивида габитусы, усвоенные в семье, и способствуют межпоколенной передаче этнической самоидентификации. Если мезоструктура этноса в значительной степени подвержена эрозии, она не подкрепляет этнический габитус, который индивид усвоил в семье, и представитель этнического меньшинства может прийти к выводу, что он принадлежит не к этносу родителей, а к этническому большинству населения.

Совокупность этнического самосознания отдельных индивидов определяет самосознание этнической общности, проявляющееся в языке,

¹ Хайруллина, Н. Г. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области. – Тюмень, 2004. – С. 61.

обычаях, обрядах, произведениях народного прикладного творчества и профессионального искусства, нормах поведения, морали и права. Наряду со структурно-пространственными характеристиками этноса этническое самосознание включает генетически-временной параметр как представление об общности происхождения членов данного этноса. Существует утверждение и о том, что общность происхождения членов этноса выражается в их кровном родстве, что не подкреплено конкретными исследованиями. Таким образом, нет оснований считать, что общность происхождения членов этноса непременно должна быть связана с их родством. Поэтому кровное родство не может рассматриваться в качестве отличительной черты этноса, хотя обычная практика определения этнической принадлежности человека основана на соответствующих данных о его родителях. В целом окончательная оценка индивидом своей принадлежности к определенному этносу, по мнению автора, может быть обусловлена, с одной стороны, самоидентификацией как результатом действия этнического стереотипа, а с другой, генетическим родством с членами конкретного этноса.

Среди культурных основ этнического самосознания особая роль принадлежит языку и религии, являющейся аккумулятором национальных традиций и нравов. Изменение традиционной религиозной веры размывает этническую идентичность, может вести к ее радикальному изменению и даже к смене этнонима. Существенное влияние религии на этничность, на формирование солидарности этнической общности объясняется глубинной ее связью с менталитетом народа, его духовными основами. Смена религии подрывает этнические основы, отчуждает человека от своего народа, меняет отношение к своему и другому народам, рождает маргинальность этнического сознания. Репрессивная религиозная политика также ведет к денационализации народа, а изменение ее характера – демократизация оживляет традиционные религиозные ценности. Типичные примеры – у коренных народов Южного Урала в настоящее время происходит процесс

восстановления прежней веры, активизация традиционных культов. У башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей также наблюдается подъем интереса к религиозным обрядам, традициям, активизация этнического самосознания. В городах и населенных пунктах строятся мечети, у мусульман появилась возможность совершать паломничество в Мекку. Все чаще представителей молодого поколения можно встретить в мечети. В свою очередь, политика сохранения традиционных для этноса верований, ставших неотъемлемой частью его психологии и образа жизни, содействует сохранению этноса.

Наряду с этим, на формирование этнического самосознания оказывают влияние сложившиеся у данного этноса стереотипы и система этнической социализации, т.е. учебные заведения, средства массовой информации и коммуникации. Необходимо учитывать влияние и осознания государственной принадлежности, представления о характерных чертах территориального расселения этноса, религиозного сознания и т.д. Взаимное воздействие объективных и субъективных факторов обуславливает глубину этнического самосознания.

В настоящее время важной общественной проблемой в мире является проблема утраты этнической идентификации. Последствия этой утраты сказываются не только на отдельных людях, но и на обществе в целом. С феноменологической точки зрения утрата идентификации – это потеря индивидом способности вести себя так, чтобы реакции внешнего мира соответствовали его намерениям и ожиданиям. Человек перестает отражаться в зеркале социального мира, партнеры по взаимодействию «не узнают» его. Со структурной точки зрения утрата идентификации проявляется как несоответствие поведения нормативным требованиям социальной среды¹.

Идентификация может быть утрачена, во-первых, в результате кардинальных психологических изменений и, во-вторых, в результате быстрых и значительных изменений социальной среды. Идентификации

¹ Ионин, А. Г. Социодинамика культуры // Социокультурная дифференциация. – М., –1995. – Вып. 2. – С. 23.

институционализированы, т.е. связаны с семьей, государством, политикой, экономикой, образованием и т.д. Данная связь проявляется через соответствие поведения людей институциональным требованиям и ответную реакцию соответствующих институтов. Разрушение или резкое изменение названных институтов, в которых были социализированы индивиды, ведет к массовой утрате идентификации.

С.В. Соболева, О.В. Ганжур отмечают, что процесс идентификации индивидов в условиях значительных институциональных изменений начинается с предметной и поведенческой презентации, а завершается формированием социального интереса. К внешним признакам идентификации, фиксируемым на начальном этапе, они относят:

- а) усвоение поведенческого кода и символики одежды;
- б) выработку лингвистической компетенции;
- в) освоение пространств, в которых происходит презентация избранной культурной формы¹.

На этом этапе развертывания процесса этнической идентификации большое внимание уделяется вхождению в культуру данного этноса, овладению языком и этническими особенностями освоения физического и социального пространства.

Второй этап связан с усвоением некоего символического ядра и выработкой морально-эмоционального настроения. Усвоение символики начинается в ходе приспособления поведения к требованиям группы и подкрепляется наглядными эмпирическими образами и реакцией окружающих. На этом этапе происходит освоение особенностей национального поведения в экономической, демографической, социальной и других сферах жизни.

На третьем этапе складывается группа, обладающая признаками института. Она создает свою нормативную среду, куда входят нормы

¹ Соболева, С. В. Этническое самосознание как важнейший компонент формирования нации: социологический подход / С. В. Соболева, О. В. Ганжур // Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – С. 71.

отношений между «своими», нормы отношений с индивидами, не являющимися членами группы, нормы внутригрупповой иерархии и нормы отношений с государством и властями. Такая группа обладает определенными социальными интересами, что вместе с признаками институционализации превращает ее в объективное социальное и политическое образование¹.

Устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирует различные сферы человеческой деятельности и организует их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему, что способствует соответствующему оформлению быта, привычек, традиций определенной этнической группы, а также этнических стереотипов, касающихся отношения к другим народам². По утверждению А.Г. Здравомыслова, национально-этническое «Мы» проявляет себя благодаря тому, что существуют некоторые «Они», отличающиеся от данного «Мы» языком, культурой, обычаями и другими характеристиками³. При этом у каждого этноса или этнической группы есть свой собственный набор референтных этнических групп, предопределенный историей нации, а в каждом этническом самосознании складывается своеобразная иерархия значимых иноэтнических общностей.

Таким образом включение в этническое самосознание не только этнической самоидентификации, но и воззрения на характерные черты своего народа (этнические стереотипы), его происхождение, историческое прошлое, культуру, в том числе традиции, нормы поведения, обычаи, обряды представления о территории проживания и государственности этноса, если таковая имеется, отражается на этническом восприятии, чутко реагируя на происходящие социальные изменения.

¹ Этносоциальные процессы в Сибири. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 257.

² Современная западная социология : словарь. – М. : Политиздат, 1990. – С. 46.

³ Здравомыслов, А. Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // СОЦИС. – 1996. – № 12. – С. 23–33.

Глава II. Некоторые аспекты современных этнокультурных процессов у этнографических групп башкир

Прежде чем приступить к анализу этнокультурных аспектов, необходимо кратко остановиться на формировании этнографических групп башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей и их языковых особенностях.

Родоплеменная структура башкир, как и многих других тюркских народов, являлась многоступенчатой. Башкирские племена (кэбилә) подразделялись на рода (ырыу), а те в свою очередь на более мелкие родовые подразделения. У юго-восточных башкир, к которым относились башкиры Оренбуржья, они именовались чаще всего «ара», реже – «туп(б)», «түбә» или «током». На территории Оренбуржья в прошлом расселялись племена усерган и кипчак, формирование которых завершилось в X-XI вв. Если знание племенной и родовой принадлежности оренбургскими башкирами в настоящее время почти утрачено, то названия родовых подразделений достаточно хорошо сохранились в народной памяти. В ходе полевых выездов в башкирские населенные пункты Оренбуржья в 2004-2006 гг. удалось собрать более ста наименований ара. В XIX – начале XX в. ара представляла собой группу родственных семей, которые вели общее хозяйство. Они имели единую тамгу, незначительно варьиовавшую в пределах родового подразделения. Внутри деревни такие семьи селились компактными группами, образуя отдельные кварталы.

Что касается башкир Курганской и Челябинской областей, то, по мнению исследователей, они представляют собой одну из сложных по этническому составу этно-территориальных групп башкирской нации, в формировании которой приняли участие как представители различных башкирских племенных объединений: катайцы, айлинцы, сарт-калмаки, табынцы, так и представители некоторых соседних среднеазиатских народов,

появившиеся в Зауралье в различное время. К данному выводу они пришли, изучая различные предания, легенды и т.д.¹

Ялано-каитайские (курганские) башкиры входили в зауральскую подгруппу китайского племени и являлись потомками выходцев из двух родов улу-каитай и бала-каитай, перемешавшихся между собой, а также с другими этническими группами в притобольских и приуйских степях в середине XVIII в. Они были вотчинниками своих земель, простирающихся от озера Балсыкты в направлении юго-востока².

Таким образом, формирование обозначенных этнографических групп проходило в разное время и в разных условиях под воздействием многочисленных этнических процессов, следствием чего явилось появление различий языка – диалектов, к ним относим: южный (на нем говорят башкиры центральной и южной части Башкортостана, Оренбургской и Самарской областей) и восточный (северо-восточная часть Республики Башкортостан, Челябинская и Курганская области). Башкирские диалекты неоднородны и легко расчленяются на более мелкие единицы диалектной системы – говоры. При этом различия между говорами гораздо значительнее, и выражены они более четко. В составе восточного диалекта лингвисты выделяют четыре территориальных говора: синаро-карабольский (или сальютский), аргаяшский, айско-миасский и сакмаро-кизильский, демско-караидельский и средний. Четыре говора различаются в северо-западном диалекте, три из которых бытуют на территории Башкортостана, четвертый, гайнинский, отличающийся наибольшим своеобразием, – в Пермской области³.

В диалектах и говорах по-разному выдержаны специфические особенности башкирского языка и его отношение к другим языкам алтайской семьи. По тем признакам, которые являются критериями различения

¹ Кузеев, Р. Г. Зауральские (западносибирские) башкиры : (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX вв.) / Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С. 178–179.

² Там же. – С. 180–190.

³ Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М., 1974. – С. 34.

восточного и южного диалектов, восточный обнаруживает близость к тюркским языкам Сибири, казахскому и киргизскому, южный – к западным кыпчакским языкам. В разрезе говоров эта взаимосвязь намного сложнее. В частности, в икско-сакмарском говоре, относящемся к южному диалекту, имеются элементы, совершенно чуждые западным кыпчакским языкам (татарскому, ногайскому, кумыкскому) и находящие близкие аналогии в восточных тюркских. И в аргаяшском, сальютском говорах восточного диалекта наряду с преобладающими сибирско-среднеазиатскими чертами имеется определенный лексический пласт, тяготеющий к Поволжью. Все это свидетельствует о сложной истории народа и его языка¹.

Но, несмотря на местные особенности, этнонациональное развитие оренбургских башкир, как и групп башкирского населения Челябинского Зауралья и Курганской области, шло в русле общенационального развития башкирского народа, что заметнее всего проявлялось в общности языка, обычаев, музыки, в менталитете и характере. Данные этнографические группы башкир сумели сохранить большую языковую идентичность, чем башкиры Пермской и Свердловской областей, а также башкиры многих западных и северо-западных районов Республики Башкортостан – Аскинского, Илишевского, Дюртюлинского, Бураевского, Караидельского, Татышлинского, Янаульского, где больше половины башкир по переписи 2002 года считают родным языком татарский².

¹ Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – С. 65.

² Валеев, Д. Ж. Судьба аргаяшских башкир: история и современность. – Уфа, 2002. – С. 42.

2.1 Этноязыковые процессы

Языковая общность, свойственная этносу, прежде всего в начальные этапы его становления и развития, не обязательно устойчиво сохраняется на последующих этапах. В процессе культурного и языкового общения с представителями других этнических образований, особенно в контактных зонах, получает распространение двуязычие и многоязычие. Национально-русское двуязычие является особенностью этноязыковой ситуации как в Оренбургской, так в Челябинской и Курганской областях. Оно распространилось во второй половине XX века среди групп населения 1930-1945 гг. рождения. С 60-х годов национально-русское двуязычие приобрело массовый характер. В Республике Башкортостан, как и в соседних регионах РФ, развитие двуязычия было однобоким, т.е. преимущественно в пользу русского языка. Поэтому общей тенденцией этноязыковых процессов у нерусского населения в XX в. является последовательное снижение уровня знания и восприятия языка своей национальности в качестве родного. Одновременно с этим росло число лиц, считающих своим родным языком русский или владеющих им в качестве второго языка (то есть происходила языковая ассимиляция со стороны русского населения). Отмеченные тенденции протекали у всех народов Башкортостана, Оренбургской, Челябинской и Курганской областей, но с разной степенью интенсивности. Поэтому анализ и оценка этноязыковых процессов в среде башкирского населения более показательна в сравнении с другими народами, а также с башкирским населением регионов России¹.

Было бы ошибкой считать, что все 75 лет Советской власти были отмечены негативным отношением к родным языкам народов бывшего СССР. История развития национальных языков весьма противоречива и неоднозначна. Прежде, чем писать о деформациях в сфере применения башкирского языка, следует иметь в виду все положительное, что было

¹ Гарданов, Г. Т. Гармония двуязычия // Наше будущее – в консолидации. – Уфа, 1990. – С. 67–70.

раньше. Благоприятные социально-политические условия для развития и расширения общественных функций башкирского языка, создались после образования БАССР; «национальная печать, школа, средне-специальное и высшее образование (в определенных рамках), культурно-просветительская работа на башкирском литературном языке были организованы впервые»¹.

Наибольший уровень развития общественных функций башкирского языка приходится на 20-30-е годы. В эти годы было принято наибольшее количество законодательных актов и постановлений, регулирующих функционирование национального языка башкир. В соответствии с ними была проведена большая практическая работа по изучению и активному внедрению башкирского языка, пропаганде истории и культуры башкирского народа. Вместе с тем, общая тенденция изменений объективно была направлена на постепенное ограничение и вытеснение башкирского языка из всех сфер общественной жизни. За исторически короткий отрезок времени функциональные возможности, роль и значение башкирского языка оказались ограниченными до предела. Возникла реальная угроза потери родного языка, а вместе с тем и национальной культуры, обычаев и традиций.

К началу 80-х годов сокращается преподавание башкирского языка в БАССР. Эта тенденция все настойчивее стала «вторгаться» и в близлежащие области и республики. Условия для развития родного языка башкир иногда и вовсе отсутствовали. Только в 1974-1979 гг. более 150 национальных школ за пределами республики были переведены на русский язык обучения, даже без преподавания родного языка как предмета. Количество башкирских школ продолжало сокращаться в 80-е годы: к 1990 году их осталось только 97².

Как видим объективные позитивные процессы овладения башкирами русской грамотой и речью, приобщение к русской и мировой культуре через посредство русского языка не сопровождались соответствующим вниманием

¹ Ураксин, З. Г. Некоторые проблемы социологического изучения языков // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. – Уфа, 1987. – С. 103–106.

² Гарданов, Г. Т. Гармония двуязычия // Наше будущее – в консолидации. – Уфа, 1990. – С. 71–74.

к проблемам родного языка башкир и национальной культуры. За исторически короткое время была упущена возможность утверждения двустороннего двуязычия. Косвенно этому процессу способствовали и такие объективные обстоятельства, как интенсивное развитие промышленности края и связанных с ней отраслей народного хозяйства, в которых первоначально преимущественно трудилось русское население. Очень долгое время русский язык считался одним из веских критериев образованности человека. В то же время знание родного языка стало считаться несущественным и не имеющим значения для характеристики культуры и образованности человека. Это один из самых наглядных примеров ложного автостереотипа в оценке общей культуры личности. Знание языка, родной истории, культуры своего народа является одним из первейших критериев образованности и общей культуры личности. В открытом письме, адресованном А.Н. Яковлеву, поэт Башкортостана Назар Наджми свидетельствует о том, что в 60-е годы башкирам и татарам, если в общественных местах разговаривали на своем языке, постоянно напоминали об отсутствии у них культуры общения. Более того, башкирский язык был включен в число языков малочисленных народов, подлежащих исчезновению в ближайшие 10-15 лет¹. Констатируя постепенное вытеснение башкирского языка за счет более широкого употребления русского языка, необходимо отметить и то, что последнее было обусловлено не столько самим фактором прогрессирующего увеличения удельного веса русскоязычного населения в крае, сколько беспрецедентной унификацией национальной жизни, особенно в сфере образования и культуры.

Обозначенные процессы оказали влияние на современное состояние башкирского языка. Вследствие этого, изучая этнолингвистические процессы в ходе опроса, проведенного в 2005-2007 г. учеными Центра этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук,

¹ Нажми, Н. Почему боязно сейчас / Н. Нажми // Башкортостан. – 1992 г. – 8 мая.

вопросы в анкетах сформулировали таким образом, чтобы сконцентрировать внимание на рассмотрении современного языкового поведения башкир.

Основной задачей исследования явилось установление функциональных ролей языков общения и исследование речевого поведения изучаемой группы в различных сферах жизнедеятельности. В программу и инструментарий обследования было заложено изучение следующих аспектов проблемы: языковой компетентности (меры, степени знания национальных языков и языков этнических партнеров), характеристики языкового поведения изучаемой группы (степени употребления того или иного языка в различных сферах общения), языковой ориентации этнофоров по отношению к языкам-партнерам (в качестве таковых были выбраны русский и татарский).

На языковые ориентации большое влияние оказывают психологические установки этнофора. Поэтому в инструментарии обследования были использованы вопросы, позволяющие уловить отношение опрашиваемого к изучению языка, на котором, по мнению информатора, следует вести с его детьми воспитательную работу в дошкольных и школьных учреждениях.

Выделенные аспекты, как показывает опыт проведения этносоциологических, статистико-этнографических, социолингвистических и прочих исследований, позволяют достаточно полно проанализировать специфику, характер и направление современных этноязыковых процессов и получить достаточно полное представление о языковой компоненте как важной структурной подсистеме изучаемой этнотерриториальной общности.

Для анализа языковой компетентности был выбран башкирский язык. Варианты ответов на данные вопросы представляют собой шесть самых основных (из всех возможных) показателей уровня владения языком («совершенно свободно», «читаю и пишу свободно», «свободно читаю, но не пишу», «хорошо, но не свободно», «плохо», «понимаю, но не говорю», «совсем не говорю», «затрудняюсь ответить»). Результаты проанализированы по областям.

Таблица 1.

В какой степени Вы владеете башкирским языком?	Оренбургская область	Челябинская область	Курганская область
Совершенно свободно	44%	44%	48%
Читаю и пишу свободно	16%	28%	27%
Хорошо, но не свободно	15%	6%	15%
Свободно читаю, но не пишу	2%	6%	0%
Плохо	5%	3%	3%
Понимаю, но не говорю	14%	3%	1%
Совсем не говорю	1%	3%	0%
Затрудняюсь ответить	3%	7%	6%

Составлено по источнику¹

Как видим из вышеприведенной таблицы, ответы не одинаковы, если количества совершенно свободно владеющих примерно равны, то свободно читающих и пишущих на башкирском языке респондентов в Челябинской и Курганской областях почти в два раза больше, чем в Оренбургской. Также показателен пункт «понимаю, но не говорю» – таких в Оренбургской области оказалось 14%; напротив, в Челябинской и Курганской областях – 3% и 1% соответственно.

Полученные результаты, адекватно отражают этноязыковую ситуацию среди башкирского населения выше перечисленных областей.

Ответы на вопрос об уровне знания башкирского языка, полученные в Оренбургской области, требуют особого внимания. С одной стороны, как уже говорилось выше, в Оренбургской области есть определенные условия (специализированные библиотеки, учебные заведения, связи с Башкортостаном, определенная стабильность численности населения, которая доходит до 52 685 человек). С другой же стороны, расселение по всей территории области, совместно с другими представителями немногочисленного этноса, приводит любого из них в крайне дисперсное положение, делая неизбежными интенсивные межэтнические контакты во

¹Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

всех сферах. И языком общения в таких контактах почти всегда выступает русский язык

В Оренбургской области также значительно больше число смешанных браков. Как будет сказано в последующих разделах данного исследования приводятся данные, что в большинстве смешанных семей (как на селе, так и в городе) национальность несовершеннолетних детей определяется не в пользу башкир. Эти и другие обстоятельства способствуют снижению уровня компетентности в знании языка своего этноса. Показательно и то, что если сравнивать количество учащихся башкирской национальности изучающих свой родной язык как предмет, таковых в Оренбургской области 1150 при численности 52 тыс. человек, а в Курганской области таковых 1025 при численности населения 15 тыс. человек.¹

Таким образом, в Оренбургской области можно отметить существование тенденций изменения уровня языковой компетентности башкирского населения, со временем возобладает тенденция способствующая снижению знания языка, особенно в отдаленных районах области, таких как Красногвардейский и Александровский, где плохо налажена инфраструктура, связывающая их с Республикой Башкортостан. В других же обследованных районах, таких как Тюльганский, башкирский язык сохраняет свои позиции как средство устного общения на бытовом уровне.

Для понимания языкового поведения и языковых ориентаций башкирского населения Оренбургской, Челябинской и Курганской областей возникла необходимость, с одной стороны, понять перспективы развития этноязыковых процессов в среде башкир перечисленных областей, с другой – сопоставить данные по степени владения родным языком, языковым предпочтениям и моделям языкового поведения. Участникам обследования предлагалось ответить на вопросы о выборе того или иного языка в различных сферах общения, о языке раннего детства, о том, какой язык респондент считает родным, какой он хотел бы лучше изучить, на каком

¹ Всероссийская перепись, итоги и результаты // Ватандаш. – 2005. – №12. – С. 18.

языке обучался и на каком следует организовать учебно-воспитательный процесс в школе и дошкольных учреждениях для его детей. Кроме того, респонденты указывали, на каком языке они читают художественную литературу, печатные СМИ (газеты и журналы) и смотрят телевизор. Во всех предложенных вопросах предлагалось выбирать из двух языков: русского и башкирского.

Общение с русскими в производственной и бытовой сферах, повышение общеобразовательного уровня населения привели к возрастанию роли русского языка. Сегодня русский язык является языком межнационального общения не только в производственной сфере с русскими, но и в бытовой между представителями башкирского населения. Проведенное исследование выявило ассимиляцию башкир в русскую культуру. Башкирский язык как отличительный признак данного этноса утрачивает свою функциональную роль, поскольку вытесняется не только из производственной сферы, но и бытового общения. По мнению известного языковеда профессора Н.Х. Максютовой, знающим родной язык можно считать лишь того человека, который не только умеет говорить на своем национальном языке, но и глубоко знает его основу, внимателен к звучанию речи...¹ В связи с этими и другими аргументами, актуальным представляется попытка определить некоторые критерии и меру владения башкирского населения родным языком.

Как видим из нижеприведенной таблицы №2, большинство участников обследования всех трех областей отметили, что обучались в школе на русском языке. Это 51%, 50% и 43% по Оренбургской, Челябинской и Курганской областям соответственно. Данный факт является следствием того, что до 1962 года в Советском Союзе действовала единая программа для всех башкирских школ, независимо от их местонахождения. В соответствии с этой программой дети, проживающие в местах компактного проживания

¹ Максютова, Н. Х. Ключи от духовных кладезей [Текст]: на башк. яз. / Н. Х. Максютова // Башкортостан. – 1991. – 14 ноября.

башкир, получили среднее образование на родном языке. Русский язык и литература изучались лишь как предмет, но начиная с 1962 года все башкирские школы перешли на преподавание всех предметов на русском языке, в некоторых школах башкирский язык и литература остались лишь как предмет¹.

Таблица 2.

На каком языке Вы преимущественно обучались в школе?	Оренбургская область	Челябинская область	Курганская область
На башкирском	14%	13%	29%
На русском	51%	50%	43%
На башкирском и русском	36%	37%	28%

Составлено по источнику²

Каждый язык независимо от уровня развития народов, которому он принадлежит, пожалуй, наиболее полнокровно проявляет свои коммуникативные функции, служа средством общения при домашних (семейно-бытовых) контактах. Считается, что сфера семьи менее всех других сфер подвержена внешним влияниям и, как отмечают ученые, является «наиболее консервативной». По этому поводу Д. Гамперц пишет, что дом, семья и круг родных по-прежнему остаются центром жизни отдельного человека. Связи, приобретенные в результате женитьбы, и свободные дружеские отношения редко вторгаются в эту замкнутую систему. Повседневная жизнь неизбежно сталкивает человека с посторонними, но его поведение в обществе строго ограничено от тех близких отношений, в которых он находится со своими домашними и если брать со своим кланом. Человек может свободно общаться с людьми совершенно иного круга и даже подражать им на работе, в школе или в обществе. Но дома его ждет своя среда, требующая от него возвращения к принятым в ней нормам поведения.

¹ Тузбеков, А. И. Этническое самосознание как фактор формирования этноса: на примере Оренбургских, Челябинских и Курганских башкир // Наука в школе и ВУЗе. – Бирск, 2007. – С. 54–57.

² Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

Таким образом, разделение общественной и частной систем поведения ведет к определенной изоляции группы и препятствует просачиванию нововведений извне¹.

Семья – это особый мир, где переплетаются не только экономические, психологические, демографические проблемы, но и языковые, так как «под одной и той же крышей иногда складываются различные типы речевого поведения между представителями разных поколений и этносов»². Возникает вопрос: чем может быть обусловлен выбор ребенка в пользу национальности одного из родителей? Вероятно, это связано с объемом этнокультурной информации, получаемой от каждого родителя. В этом плане интересны результаты по удмуртской группе. Как уже упоминали, женщины более консервативны в своих предпочтениях, например, они демонстрируют большую приверженность традиционной культуре, что естественным образом отражается на социализации ребенка. Мать, занимаясь детьми с самого их рождения, передает им этническую культуру, которая в её глазах воспринимается как символ стабильности, устойчивости, надежности, проверенный поколениями предков. Именно она является источником первой этнокультурной информации, воспринимаемой детьми неосознанно, но от этого не становящейся менее важной³.

Функционирование языков в башкирских семьях существенно отличается, так как для них характерна дифференциация речевого поведения. Данная дифференциация чаще всего обусловлена одним из наиболее важных демографических факторов – возрастом. И не считаться с ним не можем. В ситуациях общения с лицами преклонного возраста в основном используется башкирский язык. В общении с детьми – чаще всего русский язык или оба языка (это более характерно для горожан). Такое языковое поведение объясняется тем, что родители идут на поводу у юного поколения, так как выбор языка общения осуществляется именно детьми, которые, как правило,

¹ Гамперц, Дж. Переключение кодов хинди и пенджаби в Дели / Д. Гамперц // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 192.

² Губогло, М. Н. Языки этнической мобилизации. – М., 1998. – С. 53.

³ Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – С. 85.

воспитываются в дошкольных учреждениях и школах, где языком воспитания и обучения чаще всего выступает русский язык. Надо сказать, что использование русского языка в семье в ситуациях общения с представителями старшего поколения, как правило, не поощряется, но использование его в общении с другими членами семьи никаких ограничений не имеет¹.

Общая картина такова, что в многонациональных населенных пунктах русский язык все более активно вторгается в сферу башкирской семьи и занимает довольно прочную позицию. Особенно привержены к использованию русского языка дети. Следовательно, этноязыковая социализация подрастающего поколения происходит, в основном, на русском языке.

Навыки этноречевого поведения человек приобретает в семье. Ни школа, ни вуз не могут компенсировать это в полной мере. Поэтому к «функциям семьи, несомненно, относится и функция этноязыковой репродукции, которая осуществляет воспроизводство этнической речевой компетенции и поведения»².

Одной из важных сфер, где реализуются коммуникативные функции языка, является сфера производства. Башкиры рассматриваемых областей трудятся в основном в многонациональных коллективах. Именно здесь возникает ситуация, когда человек в зависимости от окружающей его языковой среды может реализовать или, наоборот, не имеет возможности реализовать свои языковые способности и потребности.

Как показало исследование, объем функций русского языка в данной сфере значительно превышает объем функций башкирского языка. Многонациональность производственных коллективов определяет язык общения. Этим языком обычно является русский язык. Поэтому даже несовершенное владение некоторыми лицами русским языком не является

¹ Исакова, З. А. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. – Казань, 2002. – С. 41–43.

² Галлямов, Р. Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа, 1996. – С. 137.

препятствием для его использования. «Причиной большей употребляемости русского языка может служить также и большая разработанность специальной производственной терминологии языка межнационального общения по сравнению с национальными языками входящих в коллектив людей»¹. Поэтому можно сказать, что в сфере производства, особенно в городах, господствует русский язык. И только в коллективах, где национальный состав однороден, чаще используется башкирский язык. Сохранение некоторых ареалов трудового речевого поведения на родном языке определяется, таким образом, возможностью общения со своими соплеменниками, преобладающим этническим составом трудовых коллективов, но никак не распространением национальных языков в производственной деятельности.

Таблица 3.

Разговорный язык дома и на работе?		Оренбургская область	Челябинская область	Курганская область
Только башкирский	Дома	25%	65%	74%
	На работе	2%	3%	6%
В основном башкирский	Дома	49%	23%	39%
	На работе	13%	13%	23%
В основном русский	Дома	25%	19%	7%
	На работе	54%	35%	25%
Только русский	Дома	24%	21%	6%
	На работе	8%	21%	20%

Составлено по источнику²

Как видно из таблицы, почти половина участников обследования трудоспособного возраста в Оренбургской области, на работе в основном и только общаются на русском языке (54%), (8% соответственно). Процент общающихся дома на русском языке также велик – только на русском дома разговаривают 24%, в основном на русском – 25% респондентов. 49% опрошенных выбрали языком основного общения дома башкирский.

¹ Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л., 1975. – С. 72.

² Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

Примечательно, что респонденты из Челябинской и Курганской областей принципиально разошлись во мнении по этому вопросу с оренбургскими башкирами. Так, среди опрошенных в Челябинской области разговаривают дома: только на башкирском 65%, в основном на башкирском – 23%. В Курганской области предпочитают разговаривать дома только на башкирском 74%, в основном на башкирском – 39%. На работе в основном на русском общаются 35% респондентов из Челябинской и 25% Курганской областей. Только на русском на работе разговаривают 21% и 20% опрошенных из этих двух областей соответственно.

Конечно, данные цифры не отражают полную картину реального употребления в семьях родного языка, так как не могут характеризовать усилия старших членов семьи по сохранению языка в домашнем обиходе. Достаточно распространены в городах и селах ситуации параллельного использования двух языков в одном диалоге, когда дети или внуки по-русски отвечали старшим, обращаясь к ним на башкирском языке.

Помимо языкового поведения в семье и на работе, важной составляющей характеристики этноязыковых процессов являются языковые ориентации информаторов, например, использование какого-либо языка в той или иной ситуации при наличии возможности выбора и определенных условиях.

Так, например, в ходе обследования его участникам был предложен вопрос: «Какими языками Вам бы хотелось, чтобы прежде всего владели Ваши дети?»

Таблица 4.

Какими языками Вам бы хотелось, чтобы прежде всего владели Ваши дети?	Оренбургская область	Челябинская область	Курганская область
Башкирским	37%	57%	77%
Русским	63%	43%	23%

Составлено по источнику¹

¹Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос

В результате выяснилось, что только в Оренбургской области большинство опрошенных, независимо от возраста, в качестве языка воспитательной работы в дошкольных учреждениях предпочитают русский. Выбравшие башкирский язык относительно многочисленны, главным образом, среди опрошенных в Курганской области (77%), а также в Челябинской (57%). Выбор большинством опрошенных в Оренбургской области русского языка в ответах на данный вопрос ярко демонстрирует отношение к языку своего этноса и перспективам его бытования. Напротив, в Курганской области видим совсем иную картину. Скорее всего, это связано с компактностью и однородностью проживающего на данной территории населения.

Национальное самосознание не может быть полноценным без знания родного языка. Создание активной национальной языковой среды имеет центральное значение для формирования у учащихся навыков речевой деятельности на родном языке. Значение данного принципа и трудности на пути его реализации еще более возрастают в национальных гимназиях и школах, работающих в городских условиях, где существующее двуязычие на самом деле сводится к доминированию одного языка. Необходимость и важность роли принципа связаны также с задачей преодоления стеснения, неловкости, ложного стыда за свой язык. Как следствие этого, у «городских» детей нередко наблюдается пренебрежительное отношение к нему. Поэтому именно посредством активной национальной языковой среды возможно преодолеть отторжение от родного языка и включить учащихся в активную речевую деятельность на языке своего народа. Знание языка выступает неотъемлемым показателем национального самосознания, поскольку язык является главным «ключом» к овладению национальной культурой. Вместе с тем, язык содержит в себе понятийно-терминологический и лексический ряды, наиболее адекватно отражающие жизнедеятельность нации во всех ее

аспектах. Овладение ребенком родным языком и последующее обучение на этой основе является одним из факторов его оптимального развития. Активная национальная языковая среда создает условия для того, чтобы учащиеся могли научиться не только понимать язык своей нации и говорить на нем, но и думать на родном языке, что является наивысшим показателем овладения языком, подлинного сроднения с ним. Значимость и роль принципа активной национальной языковой среды в процессе формирования национального самосознания обусловлены еще и тем, что речевая деятельность на родном языке интегрирует в себе все компоненты национального самосознания – познавательный, аксиологический и поведенческий. Речевая деятельность на родном языке является первым видом деятельности, где активно проявляется национальное самосознание личности, первой областью ее творческой реализации в сфере национальной культуры.

Наряду с системой воспитания сегодня к сильнейшим агентам социального влияния на личность все чаще относят средства массовой информации. Поэтому следующий вопрос был посвящен характеристике языковых ориентации при получении информации. Респондентов спрашивали, на каком языке они предпочитают разговаривать, читать, писать, смотреть телевизор и слушать радио.

Таблица 5.

Предпочтение в		Оренбург- ская область	Челябинс- кая область	Курганс- кая область
разговоре	на башкирском	35%	53%	65%
	на русском	29%	20%	15%
	нет различий	36%	27%	20%
чтении	на башкирском	10%	14%	35%
	на русском	58%	53%	36%
	нет различий	32%	33%	29%
письме	на башкирском	12%	17%	38%
	на русском	63%	53%	35%
	нет различий	25%	30%	27%
просмотре телевизора	на башкирском	8%	9%	27%

и прослушивании радио	на русском	48%	51%	39%
	нет различий	44%	40%	34%

Составлено по источнику¹

Как и в предыдущем случае, мнения респондентов по областям разошлись, треть информаторов из Оренбургской области отметили, что предпочитают разговаривать на башкирском языке (35%), почти столько же отдали предпочтение русскому (29%), а остальные могут без затруднений общаться на обоих языках (36%). В Челябинской и Курганской областях респонденты ответили примерно одинаково. В основном предпочитают разговаривать на башкирском языке (53%; 65%). Значительно меньшая часть выбирает разговорной речью русский (20%; 15%). Нет различий в выборе разговорного языка (27%; 20%).

Второй пункт вопроса выявил расхождения среди респондентов. Как видно из таблицы, опрошенные из Оренбургской и Челябинской области предпочитают читать на русском языке (58%; 53%). И значительно меньшее количество респондентов выбирает при чтении башкирский язык (10%; 14%). Для 32% и 33% опрошенных из Оренбургской и Челябинской областей нет различий в выборе языка чтения. В Курганской области респонденты разделились во мнениях примерно пропорционально по всем трем пунктам (35%; 36%; 29%).

При письме также оренбургские и челябинские башкиры сошлись во мнении, что легче всего им писать на русском (63%; 53%). Лишь 12% и 17% всех респондентов из этих областей предпочитают писать на башкирском языке. Почти одинаковое количество респондентов из этих областей владеют и башкирским и русским письмом (25%; 30%). Курганские башкиры, как и в предыдущем вопросе, показали стабильность. Примерно равное количество респондентов предпочитает писать на русском и башкирском языках (35%; 38%), а у 27% опрошенных нет различий в выборе языка письма.

¹ Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

Четвертый пункт вопроса, так же как и предыдущие два, показал схожесть мнений у опрошенных из Оренбургской и Челябинской областей. Так, смотреть телевизор и слушать радио на башкирском языке предпочитают только 8% респондентов из первой и 9% из второй области. Основная часть опрашиваемых предпочла второй и третий варианты ответов. Конечно же, большинство башкир обеих областей смотрит телевизор и слушает радио на русском языке (48%; 51%). Нет различий у 44% и 40%. На этом фоне выделяются опрошенные башкиры из Курганской области. 27% из них предпочитают смотреть телевизор и слушать радио на башкирском языке. Хотя большинство выбрало второй вариант ответа (39%). Не затрудняются в понимании теле- и радиопередач на обоих языках 34% респондентов.

Респондентов, которые ответили, что не смотрят телевизионные передачи на башкирском языке, не читают газеты и художественную литературу на башкирском языке и не слушают радиопередачи, просили указать, с чем это связано. В результате обработки ответов респондентов выяснили, что основной причиной, по которой респонденты не слушают радиопередачи, не смотрят телепередачи, не читают газеты и книги на башкирском языке, является незнание родного языка или отсутствие таковых. Также часто называлась причина – отсутствие возможности покупать художественную литературу.

Полученные результаты оказались в целом ожидаемыми, так как, с одной стороны, газеты и журналы на башкирском языке не выписываются и издаются нерегулярно, кроме как в Челябинской области (те, кто их читает на башкирском языке, видимо, выписывают из Башкортостана), а с другой стороны, большинство башкирского населения владеет языком своего этноса только в форме устной речи.

В силу известных причин особенностью языковой ситуации в Оренбургской, Челябинской и Курганской областях и прежде всего в городах является невысокий уровень владения как учащимися, так и их родителями

башкирским языком и использования его в повседневном общении. Более того, над башкирским языком реально нависла угроза необратимых процессов, ведущих к языковой ассимиляции, и сложилась ситуация, когда национальное самосознание многих представителей нации опирается не на реально используемый этнический язык, а на язык как этнический символ.

Остановимся на субъективных и объективных факторах, способствующих усилению языковой ассимиляции. Ускорению перехода на русский язык способствуют объективные процессы, связанные с повышением уровня социального и экономического развития башкирского народа. Трудовая деятельность в сельском хозяйстве, на предприятиях нефтяной, газовой и другой промышленности, в строительстве, в научных и проектных институтах, совместная учеба в учебных заведениях вызывают нетрадиционные потребности у людей. В результате постоянной совместной работы или учебы в многонациональных коллективах для башкир русский язык становится не только языком межнационального общения, а все чаще языком внутринационального общения. Безусловно, данный процесс объективный, поскольку отражается в реальном языковом поведении практически всех народов России, в том числе и у башкир Оренбургской Челябинской и Курганской областей.

Языковой ассимиляции особенно подвержены дети дошкольного и школьного возраста. Это можно связать с тем, что многие башкиры проживают в многонациональных сельских районах, где затруднено внутринациональное общение. Кроме того, за последние годы многие башкиры переселились в полинациональные города и села, что затрудняет связь с людьми своей национальности.

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что большинство башкир хотели бы обучить детей русскому языку как языку межнационального общения, но это, в свою очередь, ведет к углублению ассимиляционных процессов.

Особая роль в совершенствовании этнического развития принадлежит

учреждениям образования и культуры, в первую очередь, общеобразовательным школам, где обучение должно вестись на родном языке. Башкирская культура претерпела двукратную смену алфавита: в 1928 году с арабской графики на латинскую и в 1939-1940 гг. с латинской на русскую. Переход в башкирских школах на русский язык обучения и вытеснение из учебных программ родного языка как предмета усугубили положение башкирского языка¹. Впоследствии можно предположить, что результатом этих решений было развитие ассимиляционных процессов, оказавших влияние на последующие поколения.

За последние годы выросли и сформировались два поколения родителей, оторванных от родного языка и национальных традиций. Неоднозначно складывалась языковая ситуация у башкир, у которых не было условий для совершенствования своего родного языка. В условиях, когда затруднены возможности преодоления диалектной дробности и дробности в общении башкир, русский язык выступает в качестве интегрирующего средства и ускоряет тенденцию принятия его не только в сфере межнационального общения, но и во внутринациональном общении.

В настоящее время в Оренбургской, Челябинской и Курганской областях ведется активная работа по возрождению языка и культуры башкирского населения. Организовывается вещание радио- и телепередачи на башкирском языке, издаются газеты, в городах и районах области созданы и активно функционируют культурные центры, проводятся национальные фестивали, праздник «Сабантуй». Принята программа Президента и Правительства РБ монтировать установки для приема передач канала «БСТ» и радио «Юлдаш» в Челябинской и Курганской областях.

За последний период у башкирского населения Оренбургской, Челябинской и Курганской областей значительно вырос образовательный и культурный уровень. Бесплатность обучения во всех видах учебных заведений дала возможность башкирам получить соответствующее

¹ Баимов, Р. В. Время конкретных дел // Наше будущее в консолидации. – Уфа, 1990. – С. 58.

образование. В каждой башкирской деревне функционировали начальные, восьмилетние и средние школы, выпускники которых могли продолжить обучение в профессионально-технических училищах, средних и высших учебных заведениях.

Все эти факты, вышеизложенные этностатистические и социологические данные свидетельствуют о том, что родной язык башкир значительно вытеснен не только из сферы воспитания и обучения, но и из культурной, общественной и бытовой жизни, в связи с этим предстоит громадная по объёму и всесторонняя по масштабу работа по полному восстановлению утраченных общественных функций родного языка и его роли в функционировании и развитии национальной культуры. В обществе должна быть создана такая языковая среда, которая позволила бы башкирам свободно общаться на родном языке во всех сферах общественной жизни и по всем каналам получать доступ к ценностям национальной культуры.

В условиях обновления общества, хотя и медленно, ситуация начинает меняться. Нельзя не заметить и те позитивные моменты, которые обозначались в последнее время в функционировании и развитии башкирского языка. Наметились определенные перемены в изучении родного языка в детских садах и школах, в некоторых среднеспециальных (педагогических) училищах и вузах; несколько расширилась информационная база башкирского языка. В ходе анализа этносоциологической информации неоднократно подчеркивалось то обстоятельство, что значительная часть башкирского населения начинает испытывать потребность в знании родного языка, появляется желание его изучать, посещая воскресные школы, кружки и курсы. Возросший интерес к изучению родного языка, истории и культуры своего народа, само осознание потребности в них является одним из важнейших позитивных особенностей этого периода. Это начинает положительно сказываться на развитии как традиционной, так и профессиональной культуры.

Внимательный анализ итогов переписей населения, в частности, данных о соотношении национальности и родного языка, показывает, что удельный вес башкир, считающих родным языком язык своей национальности, имеет тенденцию к постепенному увеличению. Если в 1970 году этот показатель был равен 63,1%, то в 1979 году и 1989 году они составили 64,4% и 74,7% соответственно. По мнению Т.М. Гарипова, эта тенденция свидетельствует об усилении процесса языковой дифференциации башкирской нации¹.

Однако есть и другая реальность: сопоставление приведенных этностатистических сведений и социологических данных свидетельствует о том, что прямой зависимости между удельным весом того или иного родного языка и выполняемой им общественной функцией, в частности, в сфере культуры, нет. Естественное преобладание собственно башкирского языка башкир обеспечивает и не гарантирует соответствующую функциональную его «загруженность» в сфере национальной культуры и в других областях общественной жизни. В этом заключается одно из противоречий в функционировании и развитии башкирского языка. Законодательное оформление его статуса призвано устранить это противоречие.

В целом условия для функционирования и развития башкирского языка в сельской местности более благоприятны, чем в городах и большинстве поселков городского типа соседних с Башкортостаном областях. Наибольшие условия для всестороннего и полноценного функционирования башкирского языка объективно существуют в мононациональном башкирском ауле. Постоянное общение на родном языке в семье, в школе, на улице и в других общественных местах способствует естественному воспроизводству многих форм национальной жизни башкир за пределами республики. Можно утверждать, что они сыграли решающую роль в сохранении и развитии родного языка и национальной культуры в целом. Однако сегодня

¹Гарипов, Т. М. Этнографическая и языковая характеристика современной Башкирии // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. – Уфа, 1989. – С. 16.

существует сложная и неоднозначная ситуация. Более противоречивая картина складывается в сельских населенных пунктах обозначенных областей, где башкиры не являются преобладающей частью населения, и особенно там, где они проживают дисперсно. Здесь мало национальных школ, детских садов, газет на башкирском языке и т.д. По мнению автора, объективно сложившееся историческое обстоятельство – совместное проживание двух или нескольких этносов в одном населенном пункте – при умело и справедливо проводимой национально-языковой политике не должно вести к существенному ограничению сферы применения башкирского и других языков, носителями которых являются жители данного населенного пункта. Многие здесь зависят от конкретной практической работы, проводимой органами управления субъектов Российской Федерации. В последнее время в решении проблем национально-культурного развития существенно расширились возможности и местных органов власти. В связи с этим очень важно правильно определить стратегию национально-языковой политики на уровне отдельных регионов, районов и населенных пунктов. Она должна быть ориентирована на возрождение родного языка, на повышение его роли как важнейшего фактора развития национальной культуры.

Таким образом, в результате исследования этноязыковых процессов:

- выявлен высокий уровень влияния языкового фактора (причем, не только в реальном, но и символическом проявлении) в формировании и функционировании этнического самосознания башкирского населения;
- доказано решающее влияние языка на языковые формы духовной жизни этноса вместе с понижением значимости языка в структуре этнической идентичности с компенсирующим усилением интегрирующей функции других компонентов этнического самосознания;
- подчеркнута существование необратимых процессов, ведущих к языковой ассимиляции и появлению ситуаций, когда национальное

самосознание многих представителей нации опирается не на реально используемый этнический язык, а на язык как этнический символ;

2.2 Этнический фактор в образовательной сфере

Наряду с общеизвестными каналами распространения и потребления национальной культуры, большую роль играют родители, школа, друзья, художественная и научная литература, религиозные источники и т.п. Обращает на себя внимание тот факт, что по результатам исследования башкиры высоко оценивает роль учителей и учебных заведений в получении знаний о ценностях национальной культуры. Парадоксально, но факт – долгое время в общеобразовательных школах за пределами республики не изучалась даже её история, многонациональная культура и литература.

До 1962 года в Советском Союзе действовала единая программа для всех башкирских школ, независимо от их местонахождения. В соответствии с этой программой дети, проживающие в местах компактного проживания башкир, получили среднее образование на родном языке. Русский язык и литература изучались лишь как предмет. Начиная с 1962 года все башкирские школы Оренбургской, Челябинской и Курганской областей перешли на преподавание всех предметов на русском языке, в некоторых школах башкирский язык и литература остались лишь как предмет¹. Обучение же башкирского языка в обозначенных областях начало вводиться лишь с 1989/1990 учебного года. По данным Министерства образования около одной трети (31%) детей-башкир вообще не изучают свой родной язык. По этим данным считается, что 37,7% детей башкирской национальности охвачены обучением на родном языке, однако значительная часть школ, в которых они учатся, являются начальными. В целом, по признанию этого же ведомства, за пределами Башкортостана нет ещё полнокровно функционирующих школ с обучением на родном языке, «можно говорить лишь о складывающихся фрагментах национальной школы»². Таким образом, призванная быть одним из основных источников знания о

¹ Башкирия в Союзе ССР: стат. сб. – Уфа, 1982. – С. 75.

² Текущий архив Министерства образования Республики Башкортостан.

ценностях и достижениях национальной культуры, школа в настоящее время далеко ещё не отвечает отведенной ей обществом роли.

В Оренбургской области в 2006/2007 учебном году, по данным департамента общего и профессионального образования, в 47 школах 10-ти районов области 1150 учащихся башкирской национальности изучают свой родной язык и культуру как предмет, 135 учащихся изучают родной язык факультативно, 427 – в кружках. Всего так или иначе изучением башкирского языка как родного охвачены 1712 учеников. Налаживается работа по этой части и в дошкольных образовательных учреждениях. В Аллабердинском детском саду Тюльганского района – 15 детей, г. Медногорск (детский сад №7 «Колокольчик») – 45 детей (3 группы) воспитываются на родном башкирском языке. Преподают башкирский язык 48 учителей, 28 из них с соответствующим высшим образованием, 20 – со средним специальным образованием, 5 – неспециалистов. На родной язык отводится 2-3 часа в неделю (1 час - грамматика, 1-2 литература)¹.

Несмотря на то, что Министерство образования РФ рекомендует в своих нормативных документах отводить на родной язык не менее 5 часов в неделю, ни один национальный центр не смог добиться у городского Управления образования увеличения часов с 2-3 до 5. Администрация городского Управления образования в своем отказе ссылается на перегруженность детей, на санитарные нормы, на то, что, увеличивая время на башкирскую филологию, школы будут вынуждены сократить часы по другим дисциплинам.

С другой стороны, в области нет достаточной вертикали власти между областными, районными учреждениями образования и школами. Показательно и отношение областных чиновников к национальному образованию. Так, начальник городского Управления образования И.И.

¹ Шешукова, Г. В. Этническая идентичность ее значимость в оценках и суждениях населения Оренбургской области // Ватандаш. – 2008. – №3. – С. 91.

Калина в 2001 году на одной из встреч заявил: «Я против того, чтобы детей рассадили по партам по национальному признаку»¹.

Даны указания учреждениям образования не заполнять в журналах графу «национальность», в связи с чем нет возможности вести точный учет детей – башкир (особенно в городах). Более того, в последнее время появилась тревожная тенденция ликвидации под любым предлогом преподавания башкирского языка в башкирских селах. Так, в 2001 году в Пушкинской средней школе Красногвардейского района и Курпячевской неполной средней школе Александровского района преподавание башкирского языка переведено в разряд факультативов².

В Ишмуратовской школе Кувандыкского района директор школы после гибели учительницы башкирского языка прекратила преподавание башкирского языка, хотя туда была направлена выпускница Оренбургского педагогического колледжа №3. Даже коллективное письмо 60 родителей не смогло переубедить ни директора, ни заведующего районным отделом образования, ни начальника городского Управления образования. Таким образом, можно говорить о тенденции сокращения преподавания башкирского языка³.

Возникла парадоксальная ситуация: педагогический колледж №3 г. Оренбурга за 4 последних года выпустил более 60 учителей башкирского языка и литературы, но на местах работает кто угодно, только не эти специалисты, хотя школ нуждающихся в них, стало даже меньше, чем в советский период⁴.

В чем же причина? В постсоветский период наблюдается падение престижа просвещения (в общем). В частности, для башкирского языка в области нет сферы применения. Дети, получившие образование после 60-х годов (т.е. по-русски), сами ассимилировались в русскоязычной среде, и только незначительное их количество (особенно в городах) владеет лишь

¹ Мажитов, Н. А. Всемирный Курултай башкир между I и II съездами. – Уфа, 2002. – С. 48.

² Там же. – С. 53.

³ Там же. – С. 54.

⁴ Там же. – С. 55.

разговорной башкирской речью. Теперь они сами родители. Есть и боязнь родителей, что их дети, получившие образование на родном языке, не будут конкурентоспособными при поступлении в вузы. Поэтому общественные организации при внедрении в школы преподавания родного языка встречаются, как минимум двойное сопротивление: со стороны чиновников и со стороны родителей. Необходимо учитывать реалии сегодняшнего дня. Если сравнительно недавно башкирские села в большинстве были мононациональны, ныне же мощные миграционные процессы в области в корне изменили соотношение народонаселения в селах. До нынешнего дня в области проживали 48 тысяч немцев, сейчас их осталось 2 тысячи. На их место переселилась огромная масса населения из Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Правда, надо сказать, что большинство эмигрантов – это уехавшие с родных мест в послевоенный период в 60-70 годы. Но это уже народ с другим менталитетом¹.

Что касается городов области, на сегодняшний день существует лишь одна школа, где преподают родной язык, – школа №38 в Оренбурге (татарский язык). Попытка оторвать вторую школу несколько лет остается безуспешной, также неудачна попытка открыть подобную школу в г. Бугуруслане. Казахи в Оренбурге в 1993-1994 году собрали один класс. В течение одной зимы, собирая детей арендуемым автобусом, помучавшись, бросили эту затею. Были две попытки открыть класс с башкирской стороны. В первый раз не смогли найти учителя (Педагогический колледж №3 еще не выпускал специалистов), во второй раз было собрано 8 детей, найдена учительница, но в РОНО сказали: «Идите по школам и уговаривайте директоров, сумеете убедить – открывайте». Но ни один директор не пошел навстречу.²

Самая большая трудность открытия класса – нехватка детей в домах, прилегающих к той или иной школе. А при попытке собрать детей в одну

¹ Тузбеков, А. И. Башкиры Красногвардейского района Оренбургской области // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан. – Уфа, 2004. – С. 301.

² Мажитов, Н. А. Указ. соч. – С. 33.

школу из разных микрорайонов возникают проблемы с транспортом, с безопасностью для детей.

Наиболее оптимальный вариант – в обычный смешанный первый класс привести 2-3 (и более, если можно) башкирских детей и назначить учителем выпускника башкирского отделения Педагогического колледжа №3. Дети могут обучаться по обычной программе, а для тех 2-3 детей башкирский язык ставится последним уроком. Но в городском отделе образования требуют комплектования полного класса, не менее 25 детей. При нынешней демографической ситуации по всему городу столько не набирается. Как решать эти проблемы в селах? В отчетах за 2007 год фигурирует 47 башкирских школ. Сразу надо пояснить, что чисто башкирские села – небольшие, в 50-100 дворов, и школы там в основном – начальные или неполные средние. К примеру, в Красногвардейском районе 13 чисто башкирских школ (и с десятков – смешанных), лишь одно село имеет среднюю школу. В других школах башкирский язык изучается факультативно, и таких средних школ по области всего 4¹.

Политика Республики Башкортостан в сфере образования дает возможность оренбургским селам, умирающим духовно и физически, приостановить этот процесс и совместными усилиями повернуть вспять.

За последние годы резко возрос прием детей в инновационные учебные заведения Башкортостана. Особенно в учебные заведения г. Кумертау, где сейчас учатся более 20 детей. Налажена связь с Республиканским башкирским лицеем-интернатом и Стерлитамакским башкирским лицеем-интернатом №3.

При наличии стимула у населения появляется и желание изменить жизнь. В Первомайском районе есть только одна башкирская школа – в селе Кутлумбетово. В 2003 году родители двух сел (Габдрашково и Кичкасс) обратились в областной курултай с просьбой о содействии начать преподавание башкирского языка в их школах. Однако это единственный

¹ Тузбеков, А. И. Башкиры ... Указ. соч. – С. 304.

пример, так как нет в области практической востребованности башкирского языка. Поэтому необходимо создать такие условия, когда знание башкирского языка будет необходимостью¹.

По данным управления образования Оренбургской области, школы области лишь на 62% обеспечены башкирскими учебниками, хотя областной курултай выступает посредником в обеспечении башкирских школ литературой. В 2006 году Всемирный Курултай башкир через издательство «Китап» подарил несколько тысяч художественной и учебно-методической литературы. Их раздали по башкирским селам. Но эти процессы одноразовые, в систему они не организованы.

Каждый год Министерство образования Республики Башкортостан выделяет примерно 19 мест для детей из Оренбургской области в гимназиях и лицеях республики. Такие же квоты Министерство образования Республики Башкортостан выделяет для башкирских абитуриентов из Оренбургской области. Не секрет, что Башкортостан заинтересован в привлечении одаренной молодежи в свои учебные заведения. Ведь многие умы оседали и оседают в Башкортостане. Например: М.Бурангулов, Д. Юлтый, С. Агиш, Р. Бикбаев, Х. Юлдашев, Н. Калмантаев, М. Муллабаев, М. Каюпов, Л. Кунаева, Ф. Суюндукова, Г. Каримова, Р. Узбеков были выходцами из Оренбургской области.

В 2006-2007 годах испытывается недобор студентов на башкирское отделение Оренбургского педагогического колледжа №3, где готовят учителей начальных классов и башкирского языка для неполных средних школ. Причин несколько: уменьшение количества детей в семьях, экономические трудности, снижение престижа учительской профессии, перенасыщение кадрами. Пути преодоления: направление башкирских детей из районов Башкортостана, пограничных с Оренбургской областью, на учебу в г. Оренбург (1/3 студентов педагогического колледжа №3 башкирского отделения, и 2/3 студентов педагогического университета из Башкортостана).

¹ Тузбеков, А. И. Башкиры ... Указ. соч. – С. 306.

Далее – вопрос о переориентации специалистов области, ни одно учебное заведение не готовит специалистов для дошкольных учебных заведений (башкирских, имеется в виду)¹.

Оренбургская область в экономическом реформировании зашла так далеко, что многие сельские хозяйства распались на отдельные села, фермерские хозяйства и просто дома. Поэтому трудно вести разговор об обучении ребенка родному языку, когда население захлестнуло повальное пьянство, наркомания. Нельзя быть экономически нищим и духовно богатым одновременно.

Аналогичная ситуация с системой национального образования сложилось в Челябинской и Курганской областях. Пробуждение национального самосознания башкирского населения этих областей после долгих лет унификации этнических признаков народов бывшего СССР началось в конце 80-х годов. К этому времени уже было низведено до нуля преподавание родного языка во всех городских школах областей, ликвидированы национальные школы и преподавание родного языка как предмета в местах компактного проживания башкир – Аргаяшском, Кунашакском районах, во всех башкирских селах Сосновского, Красноармейского, Каслинского, Чебаркульского районов и в деревнях, в административном отношении входящих в состав горсоветов Миасса, Кыштыма, Карабаша, Озерска. Преподавание родного языка как факультатива сохранилось в Метелевской, Курмановской, Ибрагимовской, Бажикаевской, Куйсаринской школах Аргаяшского района, Буринской, Тахталымской Кунашакского района, Азналинской школе Сафакулевского района соседней Курганской области. Все названные территории до 17 января 1934 года входили в состав БАССР, затем на этих землях постановлением Президиума ВЦИК был образован Аргаяшский башкирский национальный округ в составе вновь созданной Челябинской области. Округ

¹ Юлмухаметов, М. А. Возрождение и развитие национального образования за пределами Башкортостана / М. А. Юлмухаметов, З. Г. Яппарова // Ватандаш. – 2005. – № 1. – С. 38.

был ликвидирован тем же постановлением Президиума ВЦИК 17 ноября 1934 года, а восточные территории бывшего Башкортостана в 1943 году в связи с разукрупнением Челябинской области отошли в Курганскую область – это Сафакулевский и Альменевский районы¹.

До 1962 года в Челябинской области готовились башкирские и татарские учительские кадры в Троицком педагогическом училище, которое в 1932 году, еще в бытность в составе БАССР, было переведено из Сафакулево в Аргаяш, а в 1947 году из Аргаяша в Троицк².

На сегодня в городах и районах Челябинской области обучаются 7225 учащихся башкирской национальности. В 81 школе 5943 учащихся башкирской национальности изучают свой башкирский язык как предмет. В области 21 детский сад. В них 696 детей воспитываются на родном башкирском языке³.

Что касается образовательных учреждений Курганской области ими охвачены всего 1025 учащихся башкирской национальности. 784 ученика башкирской национальности изучают свой родной башкирский язык как предмет. Три десятка лет назад в школах прекратили преподавание на родном языке. Этот шаг не мог не сказаться на начале забвения самобытной национальной культуры. Начавшийся процесс возрождения национального языка, традиций, обрядов с трудом восполняют тридцатилетний пробел.

На данный момент в Сафакулевском районе в 10 школах, преподаётся башкирский язык: Это Сафакулевская, Азналинская. Абултаевская, Бакаевская, Больше-Султановская, Беловская, Калмык-Абдрашевская, Сарт-Абдрашевская.

В Альменевском районе функционирует 8 школ: 4 средних, 4 девятилетних. В них обучаются 256 учащихся. Башкирский язык вёлся в 1998 году в следующих школах района:

¹ Юлдашбаев, Б. Х. Образование БАССР : сб. док. материалов / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1959. – С. 227.

² Юлдашбаев, Б. Х. История формирования башкирской нации. – Уфа, 1972. – С. 78.

³ Тузбеков, А. И. Этноконфессиональные аспекты современных этнокультурных процессов у этнографических групп башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность : материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа, 2007. – С. 120–124.

1. Танрыкуловская средняя школа – факультатив – 2-9 классы
2. Щучанская основная школа – факультатив – 2-7 классы
3. Шариповская начальная школа – предмет – 1-4 классы
4. Подьясовская начальная школа – предмет – 1-4 классы
5. Казаккуловская начальная школа – предмет – 1-4 классы
6. Казенская средняя школа – факультатив – 6-7 классы
7. Юламановская средняя школа – факультатив – 1-2 классы
8. Майлыкская основная школа – факультатив – 1-2 классы.

Охват детей в них не очень велик: в Сафакулевском районе всего 27 %, в Альменевском – 32%¹.

Обеспеченность учебными пособиями – неплохая. Необходимая учебно-методическая литература, пособия, словари, справочники, записи, слайды на башкирском языке – всё это было предоставлено правительством Республики Башкортостан.

В школах области проводится большая внеклассная работа. В Танрыкуловской, Подьясовской и Казенской школах совместно с сельскими клубами созданы детские ансамбли. В Танрыкуловской, Юламановской школах работают музеи, где оформлены сменные стенды о башкирском народе, его обычаях, традициях. Оформляются книжные выставки. В Азналинской школе уже 30 лет функционирует историко-этнографический музей².

Итак, к девяностым годам выросли уже несколько поколений башкир, воспитанных на национальном нигилизме. Уроженцы Челябинской и Курганской областей отчасти могли удовлетворять свои духовные запросы в Башкортостане. Дети аргаяшских, сафакулевских, миасских башкир, окончившие техникумы и институты гуманитарного направления в БАССР, оказались невостребованными у себя на малой родине и реализовали себя в Республике Башкортостан. На сегодняшний день в самом Челябинске нет ни

¹ Шакиров, З. И. До Уфы рукой подать, если дружба крепка // Трудовая слава. – 2005. – 4 апреля.

² Шакиров, Р. З. Кургандан Намарга тиклем (От Кургана до Самары на башк. яз.) // Ватандаш. – 2003. – №2. – С. 22–24.

одного коренного жителя-башкира, работающего в области национального образования и культуры после окончания вузов Башкортостана, а в сельские школы из направляемых ежегодно в вузы и техникумы Республики Башкортостан 20-30 абитуриентов возвращаются 2-3 выпускника¹.

Явных и подспудных причин подобных фактов много, но главную автор видит в постепенной утрате башкирами области своего самосознания, национального менталитета, принадлежности к своему народу. К сожалению, за последнее десятилетие еще не удалось преодолеть, возможно, даже как-то задержать этот негативный процесс.

По статистике на каждого жителя Челябинской области с учетом личных библиотек приходится всего 10 книг на башкирском языке, а большинство из более чем 40 с лишним тысяч башкирских и смешанных семей области вообще не имеет книг на родном языке. Единственная на область специализированная библиотека башкирской и татарской литературы, сейчас носящая имя Ш. Бабича, являвшаяся долгие годы одним из очагов культуры г. Челябинска, в результате многочисленных реформ утратила во многом свои национальные фонды и была низведена до рядовой библиотеки города. Но на сегодняшний день библиотека, которой более ста лет постепенно под руководством А.И. Усмановой возвращает свои позиции культурного центра башкирского и татарского населения².

Что касается школьных библиотек то они более 5 лет не снабжаются башкирскими учебниками на бюджетной основе. Согласно письму начальника областного управления образования и науки В.В. Садырина от 7 августа 2001года, «родной язык в школах района изучается на добровольной основе», и в 2001 году предлагается «для закупки учебников использовать родительские, спонсорские средства, а также другие виды частичной оплаты учебников...».

¹ Тузбеков, А. И. Проблема сохранения этничности башкир Сафакулевского района Курганской области // Этнос, общество, цивилизация : I Кузеевские чтения – Уфа, 2006. – С. 265–270.

² Мажитов, Н. А. Указ. соч. – С. 53.

Как видим, в рассматриваемых областях все больше сужаются перспективы применения башкирского языка, по словам декана филфака Оренбургского государственного педагогического университета И.А. Шевякова где готовят учителей родного языка и литературы вот уже более десяти лет, его волнует трудоустройство нынешних 16 выпускников, из которых востребованными оказались только двое. Это при том, что еще не во всех населенных пунктах, где преобладает башкирское население, в школах преподают родной язык и литературу. Если в Оренбургской области преподавание ограничивается в лучшем случае одним – двумя уроками или факультативом и язык не востребован, так как большинство учащихся в последующем поступают в вузы Оренбурга, Самары и других городов и национальный язык для молодежи и их родителей является лишней перегрузкой в учебной программе, то в Челябинской области видим совсем иную картину. В большинстве школ ведется преподавание башкирского языка, литературы, культуры и истории. Учебная программа иногда насчитывает до трех часов в неделю. Большое количество выпускников школ обучается в вузах Республики Башкортостан, существуют филиалы башкирских вузов на территории Челябинской области. С 2000 года в с. Аргаяш действует представительство Сибайского института, Башкирского государственного университета. В феврале 2003 года были вручены дипломы о высшем образовании первым шести аргаяшцам – выпускникам БГУ, сегодня здесь учатся 450 студентов-заочников¹.

На данный момент за пределами Республики Башкортостан башкирский язык изучают как предмет в 164 школах. В последние годы силами общественных организаций открыты башкирские школы в деревне Имангулово Октябрьского района Оренбургской области, башкирский класс есть в школе № 29 города Челябинска. Организовано кружковое изучение башкирского языка, работают воскресные школы. Во многих регионах

¹ Юлмухаметов, М. А. Возрождение и развитие национального образования за пределами Башкортостана / М. А. Юлмухаметов, З. Г. Яппарова // Ватандаш. – 2005. – № 1. – С. 39.

курултаи башкир находят общий язык с главами администраций районов по вопросу изучения башкирского языка в школах. В то же время есть примеры, когда башкирские классы закрываются. Постоянно возникает ряд объективных и субъективных проблем. Например, для того, чтобы открыть башкирский класс, нужно предоставить список учеников не менее 25 человек, найти учителя, учебники. Без помощи Правительства и представителей Республики Башкортостан, только общественным организациям решить данный вопрос не представляется возможным. Содержать на деньги только курултаев башкирские классы и культурные центры очень трудно и порой невозможно¹.

Идущая в стране реформа в сфере образования положила начало качественным переменам в формировании необходимых предпосылок и условий для создания современной инфраструктуры, достаточной для удовлетворения национально-культурных потребностей этнографических групп башкир, проживающих за пределами республики. Важнейшим условием дальнейшего развития национальной культуры является обновление и совершенствование имеющихся и формирование новых образовательных институтов, обеспечивающих полноценное функционирование культуры.

Участие самих башкир в национально-культурной жизни предполагает не только общественный, но и личностный уровень, то есть личное и осознанное участие в освоении культурных ценностей своего народа, к сожалению, пока невысоким остается реальная потребность башкир в освоении достижений и ценностей национальной культуры. В этом выражается главное проявление деэтнизации в сфере национальной культуры. У многих башкир, особенно в городе, угасла потребность в постоянном приобретении национальной культуры. К такому состоянию башкиры пришли не в одночасье, а в результате десятилетиями проводившейся политики по ликвидации национальной школы,

¹ Кельнер, Б. Указ. соч. – С. 9.

прекращению изучения родного языка и других пороков национальной политики и практики. Теперь наряду с созданием необходимых условий и возможностей для возрождения и развития национальной культуры необходима целенаправленная и упорная работа по формированию у каждого башкира, жителя города и деревни осознанной потребности в овладении, пользовании и дальнейшем развитии богатого духовного наследия своего народа.

Таким образом, рассмотрение широкого круга источников по проблеме образования привело к следующим выводам:

- существование зависимости сохранения этнокультурных традиций от уровня развития социальных институтов (детский сад, школа, средне-специальные и высшие учебные заведения), обеспечивающих освоение национально-культурного наследия народа;
- невозможность возрождения и развития национальной культуры как башкирского, так и других народов без создания образовательной инфраструктуры, соответствующей современному состоянию науки, техники и культуры;
- зависимость удовлетворения национальных потребностей населения в рамках системы образования (изучение башкирского языка, истории и культуры народа) от экономического состояния региона, деловой активности и экономической независимости представителей самого этноса.

2.3. Этноконфессиональная ситуация

Взаимосвязь духовной культуры с социальной структурой и организацией башкир всегда подчеркивается в этнографических исследованиях В.Я. Алексеева, К.З. Ахмерова, Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Дж. Г. Киекбаева, Л.Н. Киреева, Г.С. Кунафина, М.Г. Муллагулова, М.В. Мурзабулатова, Ф.Х. Мустафиной, М.Г. Рахимкулова, С.И. Руденко, С.Г. Рыбакова, А.М. Сулейманова, Р.А. Султангареевой, Ф.Ф. Фатыховой, А.И. Харисова, М.Ф. Хисматова, Р.З. Шакурова, С.Н. Шитовой, Р.З. Янгузина и других ученых¹.

В этой связи и обращение к духовной культуре башкирского населения Оренбургской, Челябинской и Курганской областей не является случайным. В настоящем разделе проанализированы степень её сохранения и сфера бытования. Это сделано для того, чтобы выявить, насколько культура башкир в ее современном состоянии способствует сохранению этничности или стимулирует ее постепенную утрату. Или же наоборот: может ли этничность сохраняться при утрате духовной культуры? Конечно, в одном исследовании претендовать на всеохватывающее изучение культурной самобытности народа, естественно, невозможно, однако можно понять основные тенденции этнокультурного развития на данном этапе.

Культура как многообразное и многосложное явление изучается различными отраслями знания, с применением самых различных методик. Массовые статистико-этнографические и этносоциологические обследования

¹ Алексеев, В. Я. Осуществление ленинской идеи фактического равенства народов в автономных республиках Приуралья и среднего Поволжья. – Уфа, 1981. – 96 с. ; Ахмеров, К. З. Из истории башкирской письменности: (история алфавита и орфографии башкирского литературного языка). – Уфа, 1972. – 133 с. ; Бикбулатов, Н. В. Семейный быт башкир в XIX–XX вв. / Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова. – М., 1991. – С. 69 ; Киекбаев, Дж. Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка. – Уфа, 1966. – 275 с. ; Киреев, А. Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа, 1970. – 304 с. ; Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – 263 с. ; Мурзабулатов, М. В. Брак и семья в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 89–90 ; Муллагулов, М. Г. Этническое самосознание и этнокультурные ориентации башкир-горожан // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 36–38 ; Руденко, С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа, 2006. – 376 с. ; Рыбаков, С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Ватандаш. – 2000. – № 5. – С. 88–94 ; Харисов, А. И. Литературное наследие башкирского народа. – Уфа, 1973. – 416 с. ; Шитова, С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. – М., 1984. – 194 с. ; Янгузин, Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. – Уфа, 1989. – 191 с. и т.д.

не единственный и, очевидно, не самый идеальный метод, позволяющий достоверно исследовать духовную культуру этноса. Тем не менее использование количественных методов вполне оправдано, учитывая то, что к настоящему времени сложилась определенная традиция их применения. При этом также утверждается, что в сфере духовной культуры «этническая специфика имеет не только качественную определенность, но и количественное выражение». При этом «количественное выражение» как раз таки и отражает степень распространенности того или иного элемента духовной культуры.

Рассматривая соотношение традиций и новаций в этнокультурном развитии башкир, помимо данных этносоциологического обследования, использовались материалы собственных этнографических наблюдений и бесед с носителями изучаемой культуры.

Прежде чем переходить к анализу этих материалов, необходимо отметить, что в современном постиндустриальном обществе об этнической специфике в духовной культуре приходится говорить с известной долей условности. За последние десятилетия в духовной культуре башкир произошли значительные изменения. В течение XX века происходило нарастание миграций сельских жителей в города и усиление влияния массовой городской культуры в связи с проявлениями унификации крестьянского быта в результате отчуждения сельской семьи от традиционных форм хозяйствования.

Подобные явления отмечались в особенности в духовной культуре, которая еще в начале XX века была неразрывно связана с религиозными верованиями. Происходившая в советское время атеизация сознания, секуляризация общественной жизни, появление и широкое распространение массовой культуры, наряду с уже упомянутыми демографическими изменениями, способствовали вытеснению традиционных обрядов (жизненного цикла, календарных праздников и т.п.) из духовной жизни народа или, по крайней мере, значительному снижению их функций. Это, в

свою очередь, способствовало сокращению сферы бытования фольклорного творчества (песен, сказок, танцев и т.д.). Так, удмуртский ученый В.Е. Владыкин, характеризуя исторические предания, приходит к выводу, что они несут в себе особенности этнического видения и восприятия мира и отражают реалии природного и социального окружения этноса, потеря которых, несомненно, повлияло на уровень соотношения личности со своим этносом¹.

В то же время, в отличие от материально-вещной среды, в духовной жизни общества в последние полтора десятилетия XX века вновь произошли значительные изменения, результатом которых стало, помимо прочего, возрождение национального самосознания, религиозных верований, пробуждение интереса к историческому прошлому своего народа. Эти процессы неизбежно оказывали влияние на всю духовную культуру в целом и происходили практически у всех народов нашей страны (в том числе и у башкир), но с разной степенью интенсивности. Отмеченные изменения в духовной жизни общества еще раз подтверждают необходимость более детального их изучения на примере конкретных этнических общностей и этнографических групп.

Духовная культура народа представляет собой сложное явление. Она более других признаков этноса связана с этническим самосознанием, поскольку непосредственно им воспроизводится, оказывая влияние на остальные стороны жизни этноса. Источником пополнения и обогащения духовной культуры, помимо прочего, является информационное поле, в котором находится отдельная личность или вся этническая общность. Учитывая это обстоятельство, можно с уверенностью говорить о том, что за последнее столетие (особенно за вторую его половину) в духовной культуре многих народов нашей страны и, в частности, народов Южного Урала и Зауралья произошли большие изменения. Они обусловлены возникновением и распространением массовой культуры, атеизацией, техническим

¹ Владыкин, В. Е. Этнография удмуртов / В. Е. Владыкин, Л. С. Христолюбова. – Ижевск, 1991. – С. 175.

прогрессом, нивелировкой культурных ценностей. В результате были утрачены (как потерявшие практическую значимость) многие обряды, обычаи; устное народное творчество, музыкальная и танцевальная культура превратились в сферу деятельности профессиональных творческих коллективов и ансамблей художественной самодеятельности. Начиная с конца 1980-х годов как следствие роста национального самосознания («мобилизации этничности») имеет место определенное возрождение исторической памяти и духовной культуры многих народов. В какой степени эти процессы затронули (или не затронули) отдельные сферы духовной культуры башкир Южного Урала и Зауралья, автор попытался выяснить в ходе исследования.

Важной составляющей духовной культуры, оказывающей значительное влияние на различные ее сферы, является религия. Как тип мировоззрения и форма общественного сознания религия до начала XX века определяла практически все стороны жизни человека. Под влиянием религиозных верований формировалась традиционная этническая культура (причем не только духовная, но и, в опосредованной форме, материальная).

Показательно влияние религии на функционирование этничности, рассмотренное в работах В.Е. Владыкина. В своих работах «Этнография удмуртов» и «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов» автор осмысливает традиционное видение мира на примере удмуртского населения, исследует ценностные ориентиры, стереотипы мышления, бытовавшие в удмуртском обществе. Несомненный интерес представляет мастерски вырисованная ученым структура традиционного удмуртского общества, что позволило проанализировать влияние социокультурного окружения на существовавший механизм становления личности¹.

¹ Владыкин, В. Е. Этнография удмуртов / В. Е. Владыкин, Л. С. Христолюбова. – Ижевск, 1991. – 321 с. ; Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск, 1994. – 384 с.

Несмотря на определенное сходство в мировоззрении населения Волго-Уральского региона, особенностью башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей было повсеместное распространение ислама.

Начало принятия ислама башкирами датируется X веком, значительное распространение среди знати он получает в XIV веке, окончательное утверждение мусульманства среди башкир определяется XVI веком. Среди восточных же племён ислам распространяется намного медленнее.

В начале XIX в. С.Р. Рыбаков отмечал, что «в религиозном отношении башкиры также верные сыны Ислама, но чуждые той фанатичности, которую отмечаем у татар. Представления о божестве у них довольно определённые: прежде всего они, конечно, монотеисты, представляют себе божество вездесущим и на небе, и на земле, и под землёю. Посещать мечети считается необходимым, хотя молодёжь не обнаруживает ревности в этом отношении»¹.

Ислам мирно сосуществовал с домусульманской обрядово-религиозной тактикой, древними формами общественного и семейного быта, выразившимися в народных празднествах, обрядах, торжествах.

Мусульманские праздники играли важную роль в жизни башкирского общества и отмечались по мусульманскому лунному календарю. Учение Муххамеда, порицающее во всём чрезмерность, предопределило и их небольшое количество, и скромность празднования некоторых из них. Будучи тесно связаны с языческими обрядами, традициями, верованиями, они справлялись с ритуалами древних празднеств: борьбой быков, скачками, стрельбой из лука и т.п. Традиция гостеваний, характерная для народных праздников, была привнесена и в мусульманские праздники. (См. приложение №3, Фото № 1, 2, 6, 7)

Ислам сопровождал человека от рождения до самой смерти. При рождении ребёнку давали постоянное имя после чтения молитвы «азан», а при достижении года проводили обряд обрезания. Для башкир было

¹ Рыбаков, С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Ватандаш. – 2000. – № 5. – С. 88-94.

свойственно в очень раннем возрасте договариваться о женитьбе детей, и специально для этого проводили обряд «кусания уха», когда родители из знакомых семей при рождении у одних дочери, а у других сына, заключали между собой договор. А при достижении 14-15 лет играли свадьбу (См. приложение №3. Фото №5). Во время свадьбы мулла обращался к отцу жениха с вопросом: взял ли он в законные жёны сыну такому-то дочь такого-то по имени такому-то. Тот отвечал: «Да, взял». Каждый из свидетелей произносил формулу утверждения: «Да, он отдал, да, он взял». Мулла справлялся о сумме «махра» (приданого). Затем зачитывал молитву, благословляющую брак и будущую супружескую жизнь молодых. После этого родители жениха и невесты одаривали муллу и присутствующих деньгами, а муллу, кроме того, ещё и вещами. После чего обряд (Никах) считался совершенным¹.

При достижении совершеннолетия каждый человек обязан был совершать пятикратную молитву (намаз), каждый год в месяц рамадан соблюдать пост (уразу) и приносить жертвоприношение (Курбан).

При смерти, узнав о безнадежном состоянии больного, приглашали муллу, который читал суру из Корана – «Ясин» – обещание райских блаженств верующим. После смерти человека, на его похоронах, читали заупокойную молитву йыназа, затем опускали умершего в могилу, засыпали землёй и вновь читали молитву. По мусульманским обычаям, поминки проводили на третий, седьмой, сороковой, иногда пятьдесят первый день после смерти и через год².

Период с 1917 по конец 1980-х годов, как известно, характеризуется снижением роли религии в общественной жизни, что было следствием распространения атеистической идеологии, секуляризации общественной жизни, преследования религиозных конфессий со стороны государства. Эти процессы затронули все население нашей страны, в том числе и исследуемые

¹ Бикбулатов, Н. В. Семейный быт башкир в XIX-XX вв. / Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова. – М., 1991. – С. 142.

² Там же. – С. 118.

этнографические группы. Указывая на это в прощальном письме башкирскому народу, написанному в 1923 году накануне эмиграции, А.З. Валидов, предвосхищая возможный ход событий, писал: «Не жалеете усилия для защиты религии и языка, самые гнусные притеснения будут совершены на этих двух основах, то есть на основе религии и языка»¹. Предостережения эти были основаны на том, что истинную заботу о своей нации, о своей культуре, языке, религии, обрядах, обычаях и традициях способен проявить только сам народ. Как известно, предостережения эти не были услышаны, и как следствие этого, сначала религия, а затем и язык практически стали вытесняться из сферы национальной жизни башкир. Возвращаясь к письму, необходимо подчеркнуть, что А.З. Валидов задолго до нас понял значение религиозных ценностей и языка как основных ресурсов духовной жизни народа. Их забвение явилось одной из главных причин, «подрубивших» основы этнического самосознания башкирской нации. Следует особо выделить, что в защите религии А.З. Валидов видел возможность сохранения, прежде всего, культурно-нравственных ценностей народа, его истории, самобытности и духовного богатства. Именно такое понимание религии и её значения доминирует теперь в естественном сознании башкир.

С конца 1980-х годов в результате демократизации духовной жизни общества наметилась тенденция возрождению религии и усиления ее роли в жизни общества, возросло число людей, считающих себя верующими (при этом кажется очевидным, что качество религиозного сознания современников совершенно иное, чем в предыдущие эпохи, а в их религиозных представлениях наиболее уязвимы морально-этические аспекты). Для башкирского населения эти процессы означали, прежде всего, возрождение исламской религиозной традиции (которая продолжала бытовать среди представителей старшего поколения и в советское время).

Возвращение к религиозным народным праздникам, в которых аккумулированы древнейшие этнические традиции народа, обращение к

¹ Валидов, А. З. История башкир // Агизел. – 1993. – № 1. – С. 51.

заложенным в религии общечеловеческим ценностям являются доброй приметой гуманизации нашей жизни.

Наиболее рельефно это проявляется в народных обрядах, обычаях, традициях, ритуалах и церемониях, связанных с религией. Анализ полученных социологических данных показывает, что большинство сельских респондентов знают обряды, обычаи и традиции. Нетрудно заметить, что основу религиозных обрядов, обычаев и традиций составляют наиболее значительные события в жизни человека. Акцентируя особое внимание на них, религия (ислам) подчеркивает ценность человеческой жизни, уважение к ней и ответственность людей друг перед другом, родителей перед детьми и детей перед родителями. Французский социолог Э. Дюркгейм справедливо подметил, что религиозные ритуалы и церемонии обычно проводятся в различные кризисные ситуации и в повседневной жизни людей связаны, например, с рождением, смертью и т.д. и выражают групповую солидарность по этому случаю¹.

В этом плане большой интерес представляет вопрос об отношении респондентов к религии. Им было предложено ответить на следующие вопросы: «Вы – верующий человек?», «Если Вы верующий, то к какой религии Вы принадлежите?», «В чем выражается Ваша вера?», «Считаете ли Вы необходимым проведение для башкир религиозных обрядов?».

Сделано это было только для того, чтобы выявить степень религиозности и степень распространения религии в местах проживания башкирского населения и выяснить таким образом потенциальную возможность их влияния на духовную культуру башкир.

Так, проведенный опрос выявил следующее:

¹ Зарипов, А. Я. Грани этнической идентификации / А. Я. Зарипов, Ф. С. Файзуллин. // СОЦИС. – 1997. – № 8. – С. 12–19.

Таблица 6.

Вы – верующий человек?	Оренбург- ская область	Челябин- ская область	Курган- ская область
Да, верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды	24%	32%	56%
Да, но не соблюдаю обычаев и обрядов	55%	42%	31%
Сомневающийся	5%	3%	7%
Неверующий, но уважаю чувства тех, кто верует	12%	18%	3%
Неверующий, считаю, что с религией надо бороться	1%	-	-
Затрудняюсь ответить	3%	5%	3%

Составлено по источнику¹

На основании полученных ответов, которые видим в вышеприведенной таблице, можно сделать вывод, что респонденты четко проявили свои религиозные воззрения. Большинство современного башкирского населения всех трех областей обозначили себя как верующие. Но для того чтобы более детально изучить воззрения верующих, автор разделил их на соблюдающих и не соблюдающих обряды и обычаи. И в этом вопросе проявились некоторые различия: так, 55% опрошенных оренбургских башкир, хотя и считают себя верующими, но не соблюдают обычаев и обрядов, лишь 24% из них соблюдает обрядность. 12% респондентов не верят, но уважают чувства верующих, 5% сомневаются. Затруднились ответить 3% опрошенных, и 1% считают, что с религией надо бороться.

Немногом отличается отношение к религии башкир Челябинской области: так, 42% верят, но не соблюдают обрядность; несколько большее количество респондентов, чем в Оренбургской области, а именно 32% стараются соблюдать обычаи и обряды. Неверующими считают себя 18% опрошенных. 3% затруднились ответить.

¹Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

В сравнении с вышеприведенными областями, большинство респондентов из Курганской области соблюдают религиозные обряды (56%). Значительно меньшее количество (31%) не соблюдают обрядов. По 3% опрошенных неверующих и затруднившихся ответить.

Развивая тематику, респондентам был задан вопрос о принадлежности к той или иной религии.

Таблица 7.

Если Вы верующий, то к какой религии Вы принадлежите?	Оренбургская область	Челябинская область	Курганская область
Ислам	76%	66%	65%
Православие	5%	-	7%
Верю в бога, но не разбираюсь в религиях	5%	13%	14%
Верю в своего бога	8%	8%	7%
Верю в высший разум	3%	12%	7%

Составлено по источнику¹

Характерно как для башкир, проживающих в Республике Башкортостан, так и башкир, проживающих в исследуемых областях, причисление себя к приверженцам традиционного ислама (76%; 66%; 65%). Но, как видим из таблицы, в Оренбургской и Курганской областях 5% и 7% относят себя к православным. Небольшой процент опрошенных верят в бога, но не разбираются в религиях (5%; 13%; 14%). Примерно сходное количество респондентов верят в своего бога (8%; 8%; 7%). Верят в высший разум 3%, 12% и 7% башкир Оренбургской, Челябинской и Курганской областей.

Таким образом, самой распространенной религией в местах проживания башкир является ислам. Бытование старинных башкирских верований в целом незначительно и характерно для районов с относительно многочисленным башкирским населением. Сравнительна высокая степень распространения ислама в Альменевском и Сафакулевском районах

¹Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

Курганской области (по сравнению с другими территориями) объясняется особенностями расселения башкир в этом регионе: здесь башкирские деревни располагаются в непосредственной близости друг от друга.

Для выяснения проявления религиозности респондентам был задан вопрос: в чем выражается Ваша вера? (с возможностью нескольких вариантов ответа)

Таблица 8.

В чем выражается Ваша вера?	Оренбург- ская область	Челябин- ская область	Курган- ская область
Читаю религиозную литературу	-	5%	6%
Соблюдаю пост	39%	5%	
Отмечаю религиозные праздники	24%	31%	36%
Молюсь	9%	18%	3%
Посещаю занятия по основам ислама (православия)	-	18%	3%
Стараюсь жить по основам добра и справедливости	53%	33%	45%

Составлено по источнику¹

Как видно из вышеприведенной таблицы, большинство башкир всех трех областей живут по основам добра и справедливости (53%; 33%; 45%), что характерно для всех башкир вне зависимости от территории проживания. Относя себя к традиционным мусульманам, как видим из полученных данных, башкиры не проявляют рвения в чтении религиозной литературы. Её читают лишь 5% и 6% башкир Челябинской и Курганской областей. В Оренбургской области таковых среди опрошенных вообще не нашлось. Что касается соблюдения поста, то, напротив, 39% опрошенных из Оренбургской области держат уразу, а в Челябинской и Курганской областях таковых 5% и 0%. Скорее всего, это связано с тем, что на башкир, проживающих в Оренбургской области, большое влияние оказывают татары, которые традиционно в большей степени, чем башкиры, склонны придерживаться

¹Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

основных канонов ислама. Довольно значимое место в жизни башкир этих областей занимает проведение религиозных праздников, которые со временем переходят в разряд традиционных, этому свидетельствует довольно высокий процент опрошенных. Так, 24% из Оренбургской, 31% из Челябинской и 36% башкир Курганской области отмечают религиозные праздники. Значительно меньшее количество опрошенных молится. Таковых выявлено в Оренбургской области 9%, в Челябинской 18%. Посещают занятия по основам ислама в Челябинской области 18%, в Курганской 3% опрошенных. Примечательно, что в Челябинской области молящиеся также посещают и занятия по основам ислама.

Современное состояние духовной культуры башкир, зафиксированное в ходе исследования, в определенной степени оказалось ожидаемым. Как уже было сказано, в течение XX века духовная культура башкирского населения Оренбургской, Челябинской и Курганской областей претерпела значительные изменения, которые, как правило, выражались в утрате этнической специфики практически во всех ее сферах. Количественные данные, полученные в ходе исследования, позволяют определить масштабы этих изменений.

Проанализировав полученные данные, можно сделать следующие выводы.

- одной из особенностей духовной культуры башкирского населения Оренбургской, Челябинской и Курганской областей является то, что на ее развитие оказывают влияние активные межэтнические контакты с другими народами, прежде всего с русскими и татарами, в результате чего происходит заимствование некоторых элементов обрядов, традиций и верований, часть которых стали восприниматься как исконно башкирские;
- снижение сферы бытования духовной культуры, вызванное утратой элементов, выражающих ее этническую специфику, следствием чего является продолжающаяся унификация и нивелировка практически всех сфер и элементов духовной культуры;

- воздействие массовой культуры, приводящей к процессам культурной ассимиляции, характерной практически для всех народов этих регионов, оказывающих влияние на актуальную (бытующую в современной практике) духовную культуру с постепенным исчезновением традиционных элементов из сферы реального бытования.

Глава III. Проблема этнического самосознания в контексте функционирования этничности

3.1. Этническое самосознание башкир Башкортостана и этнографических групп: сравнительный анализ

Важнейшим условием сохранения и развития национальной культуры башкир является уровень развития их этнического самосознания. Оно выражает степень озабоченности башкирского населения состоянием национальной культуры, сохранением родного языка и его ролью в обществе, знанием отечественной истории, обрядов, обычаев, традиций, других элементов духовной и материальной культуры своего народа. В национальном самосознании как в зеркале отражается и современная национально-культурная жизнь башкирского общества, причина столь широкого содержания этнического самосознания заключается в самой её природе.

Этническое самосознание является важнейшим признаком и неизменным компонентом каждого этноса. Оно связано с этническим самоопределением людей и внешне выражается в форме самоназвания этнонима. Этническое самосознание не сводится лишь к осознанию своей принадлежности к определенному этносу. Оно является отражением в сознании людей всей совокупности реально существующих этнических связей. Национальное самосознание представляется как самое сложное этническое образование, которое испытывает активное влияние всех других признаков нации (национальной культуры, языка, психического склада и т.д.).

Существуют определенные критерии, по которым вычленяется этническое самосознание, прежде всего самоидентификация – отнесение себя к той или другой национальности. К критериям этнического самосознания

относятся чувства, взгляды и представления о своей нации, его характерных чертах и особенностях, включая особенности культуры, языка, обычаев, традиций и т.д. Оно предполагает осознание неповторимости, уникальности и самобытности этнического опыта своей нации, осознание исторического прогресса. Этническое самосознание включает в себя также осознание интересов своей нации, понимание её роли и места среди других национальных общностей.

Определения этнического самосознания будут неполными, если не учесть, что суждения о своем этносе неразрывно связаны с представлениями о других этносах и формируются в межэтническом сопоставлении «мы» – «они»¹. Эту дихотомию следует понимать значительно шире, чем просто сопоставление или сравнение себя (своей нации) с другими народами. «Идея нации, – писал Н.А. Бердяев, – должна ясно определяться и по отношению к другим нациям и всему человечеству ну и по отношению к внутренним её частям, к отдельным группам и личностям»².

Национальное самосознание оказывает влияние на все элементы этноса, в том числе и на культуру. Именно в национальной культуре особенно рельефно находит свое выражение национальное самосознание. В свою очередь, этническое самосознание испытывает на себе влияние всех других компонентов этноса. В частности, это отчетливо проявляется в воздействии национальной культуры на этническое самосознание. Между ними существует особая органическая связь: чем выше уровень национального самосознания, тем выше и степень развития национальной культуры. Велика роль национального самосознания в развитии народной культуры. Оно является своеобразным источником, выражающим этническую сущность материальной и духовной культуры народа. Все содержание народных этносов, сказаний, легенд, сказок, песен, танцев и других элементов народной культуры есть реализованное в духовной форме

¹ Русские: этносоциол. очерки / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. – М., 1992. – С. 24.

² Бердяев, Н. А. О русском национальном сознании // Слово. – 1991. – 6 дек. – С. 52.

национальное самосознание народа. Национальные аспекты в жилище, ремеслах, одежде, пище и т.п. являются не чем иным, как материализованным выражением национального самосознания.

Формирование этнического самосознания представляет собой весьма сложный и противоречивый этносоциальный процесс. Это продукт исторического развития национальной культуры, языка, общественной мысли и практики, общественного сознания самого народа. В разные периоды этнической истории по-разному проявляется сила тех или иных факторов, под влиянием которых формируется национальное самосознание народа. До Октябрьской революции важное значение имело устно-поэтическое творчество башкирского народа, его письменная литература, музыка, все другие виды искусства и художественного творчества, общественная мысль¹.

Специфическим катализатором этнического самосознания являлись периодически повторяющиеся башкирские восстания против царской России. Значение башкирских восстаний заключается и в том, что они были и остаются одним из наиболее существенных факторов сохранения и развития исторического самосознания башкирского народа как части его этнического самосознания. Об этом свидетельствует повышенный интерес к истории этих восстаний, к именам их предводителей, к историческим памятникам, связанным с борьбой башкирского народа за социальное и национальное равноправие. Башкирские восстания, выражая национальное самосознание народа, тем самым сохраняли духовную основу национальной культуры. В развитии национального самосознания башкир выдающуюся роль сыграли мыслители, поэты и просветители М. Акмулла, М. Биксурин, М. Бурангулов, А. Каргалы, Г. Киекбаев, С. Кукляшов, Г. Сокрой, Х. Салихов, Р. Фахретдинов, М. Уметбаев, и другие. Их просветительские идеи и сама практическая деятельность были направлены на распространение знания идей справедливости, добра и гуманизма среди башкирского и других

¹ Юлдашбаев, Б. Х. История формирования башкирской нации. – Уфа, 1972. – С. 231.

народов. А они, как известно, являются основой формирования и функционирования культуры этноса и его национального самосознания. И ныне являются актуальными призывы поэта-сэсэна М. Акмуллы: «Башкиры мои, учење нужно, учење нужно ... невежества, братья, бояться надо»¹.

Существенное влияние на формирование и развитие национального самосознания башкир оказали социально-политические события 1917 года. Б.Х. Юлдашбаев, посвятивший национальному периоду специальную работу, отмечает факт духовного подъема народа, ощутившего возможность добиться и национального самоопределения². Сильна была идея национального освобождения, на основе которой развернулось мощное национальное движение среди башкир, которое возглавил А.З. Валидов. Итогом этой борьбы, как известно, стало создание автономной государственности башкир, которое само явилось мощным фактором национальной консолидации и государственно-территориального сплочения башкирской нации. Хотя национальная государственность башкир оказалась ограниченной и весьма урезанной, она сыграла большую позитивную роль в заложении основ национально-культурного строительства и развития национальной культуры в дальнейшем.

В 20-30-е годы в ряд важнейших факторов формирования этнического самосознания выдвигается всеобщее движение за ликвидацию неграмотности среди башкир, развитие национальных школ, национальной культуры. Но уже к концу этого периода сами выражения «национальное возрождение» и «национальное самосознание» были преданы забвению. Вместе с деформацией национального самосознания наметились и утраты в национальной культуре.

Мощным фактором проявления этнического самосознания башкирского народа явилась Отечественная война народов СССР против фашистской Германии в 1941-1945 гг. В ходе этой борьбы значительный

¹ Шакуров, Р. З. Звезда поэзии. (Мифтахетдин Акмулла. Жизнь. Творчество. Мировоззрение.). – Уфа, 1981. – С. 99.

² Юлдашбаев, Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в первый период Октябрьской революции. – Уфа, 1984. – С. 22.

духовный потенциал башкирского народа был использован в интересах всей страны, всего советского народа. Он выразился не только в героической борьбе на фронте и в тылу Великой Отечественной войны, но и в формировании и комплектовании национальных соединений, в постоянном материальном и культурном шефстве над ними. Все это подпитывалось «исторической памятью» народа, обращением к славным страницам своей истории, именам национальных героев – Салавата Юлаева, Кинзи Арсланова, Кахым Туре и т.д. Самоотверженность, героизм и мужество башкирских воинов и трудящихся тыла в годы Великой Отечественной войны, страницы славной их истории, имена национальных героев сами стали источником национальной гордости национального достоинства башкирского народа. Они и ныне продолжают служить важнейшим фактором формирования национального самосознания подрастающего поколения, одним из компонентов которого является представление об историческом прошлом своего народа. Рост этнического сознания в годы Отечественной войны способствовал и подъему национальной культуры, что особенно сильно проявилось в создании произведений национальной литературы, в возрождении интереса к историческим ценностям национальной культуры.

Режим личной власти, жесткая административно-командная система после войны не только не позволяли, но и не допускали развития этнического самосознания народов выше установленной «планки». Последствия такой политики привели к постоянной деформации национального самосознания народов, которая проявилась в национальном обезличивании, в равнодушии и пренебрежении к родному языку, культуре, обрядам, обычаям и традициям, в нежелании овладеть ими и, наконец, в чувстве национальной неполноценности по отношению к другим нациям. Все это можно объединить в понятие «национальный нигилизм». О феномене этого понятия ещё в 30-е годы писал русский философ и публицист И.А. Ильин: «человек, утративший доступ к духовной воде и к духовному огню своего народа, становится безродным, изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по

чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом. Горе ему и его детям...» он расценивает это явление как «такое же реакционное, как и сам национализм»¹.

Для выражения сущности деформации этнического самосознания в научной литературе используется и такое понятие, как «нигилизированное самосознание». Оно проявляется в угасании интереса к истории своего народа, в забвении этой истории, в утрате чувства преемственности развития своей нации, в отсутствии гордости за историю своего народа, в отсутствии или слабом проявлении любви к своей малой родине и т.п.²

Деформированное этническое самосознание (нигилизированное) проникло и в сознание башкирского народа. Негативные и тяжелые последствия административно-командной системы, особенно сильно проявившейся во взаимоотношениях между центром и бывшими автономными республиками, деформации в области самой национальной политики не могли не сказаться на самочувствии башкирской нации. Ограниченность экономических и политических условий и возможностей для саморазвития башкирского народа, прочная практика решения национального вопроса привели к значительной деэтнизации коренного населения Башкортостана и соседних с ним регионов; часть башкир, особенно молодое поколение, стала стесняться своей национальной принадлежности, перестала чувствовать себя равноправной и равноценной с другими нациями. Все это привело к формированию своеобразной психологии «младшего брата», которая в свою очередь породила так называемый «комплекс национальной неполноценности» – с одной стороны, социальное и национальное иждивенчество – с другой. Психология «младшего брата» внешне проявилась даже в подражании и копировании многих символов и атрибутов национальной принадлежности (личных имен, названий городов, сел, улиц и т.д.), а также некоторых элементов и правил

¹ Ильин И.А. За национальную идею // Слово. –1991. – № 4. – С. 55.

² Гилязетдинов, Д. М. Национальные и межнациональные проблемы на современном этапе / Д. М. Гилязетдинов, Г. Т. Галиев, А. А. Толстых. – Свердловск, 1991. – С. 47.

поведения (например, знаков приветствия). Они стали национально бесформенными и обезличенными. За этими внешними факторами просматриваются глубокая деформация в сознании и поведении людей, большие духовные потери.

Деформация этнического самосознания пагубно отразилась на национальной культуре и явилась одним из факторов её кризиса. Она привела к значительному снижению уровня потребления культурных ценностей жителями башкирского села, во многом оказались разрушительными и сами механизмы традиционного функционирования национальной культуры. Формы проявления деформации национального самосознания в национальной культуре многообразны. Они выразились также в утрате некоторых этнических черт в материальной и духовной культуре, в недооценке её уникальных национальных ценностей, её места и роли в ряду культур других народов, следствием всего стал факт, что некоторые башкиры стали отдавать предпочтения ценностям других народов. Культура башкир начала больше испытывать искусственное нивелирующее воздействие других культур, в определенной мере утрачивая свой национальный характер. Все это нанесло большой ущерб развитию национальной культуры башкир.

Рассмотренные в предыдущей главе проблемы овладения башкирским населением духовной культурой и родным языком в полной мере показали последствия этих потерь. Они значительно сказались на сегодняшнем состоянии и уровне этнического самосознания башкир и их культуре. Эти данные позволяют делать вывод о глубокой деформации этнического самосознания башкирского народа, значительной доли лиц с нигилизированным самосознанием.

Из всех признаков нации этническое самосознание является самым динамичным и активным; обобщение эмпирического материала, собранного в 2006 году с использованием анкет, свидетельствуют о начавшихся изменениях, в настроениях, чувствах, потребностях и стремлениях

башкирского населения, проживающего как в самой республике, так и за её пределами.

В целом последние годы характеризуются значительной интенсификацией этнического самосознания. Она стала наиболее характерной чертой духовной жизни и башкирского народа со времени вступления общества в период перестройки и обновления. В связи с этим правильнее будет говорить о закономерностях развития, национального самосознания ввиду растущих процессов глобализации, следствием которых является унификация сознания башкир и других народов. Так же, как и сам процесс формирования наций и народностей был обусловлен уже сформировавшимся единым их этническим самосознанием, так и дальнейшая эволюция этносов должна сопровождаться его развитием.

Процесс перестройки заставил представителей башкирской нации, интеллигенцию, прежде всего, посмотреть на саму себя, на свой народ. Таким образом башкирский народ стал одновременно субъектом и объектом самопознания: кто «мы» как нация, какова наша история и культура, каковы наши ценности и достижения, чего достигли в своем развитии, каковы пути дальнейшего развития и т.п. Поиски ответов на эти вопросы сами по себе являются одним из факторов, свидетельствующих о возрождении и развитии национального самосознания.

Однако возрождение и рост этнического самосознания представляет собой очень сложный и противоречивый процесс, на который влияет очень много факторов, учесть их всех в единственном разделе исследования практически невозможно. Следует иметь в виду, что национальное самосознание является одним из важнейших составляющих самосознания личности¹. Поэтому анализ проблем, посвященных этническому самосознанию башкирского этноса в целом или отдельных его групп (части), например башкир, проживающих за пределами Башкортостана, должен

¹ Гусейнов, Г. Ч. Национальный вопрос попытка ответа / Г. Ч. Гусейнов, Д. В. Драгунский // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 44.

основываться на изучении личностного отношения (оценки) к целому комплексу этнических процессов. Отсутствие научных работ по этой проблеме, недостаток эмпирического материала не позволяют делать какие-либо обобщающие выводы о современном уровне национального самосознания сельских башкир. Вместе с тем, опираясь на выводы предыдущих глав и анализ вопросов, поставленных в анкете, посвященной проблеме национального самосознания, национальных обрядов, обычаев и традиций, можно выделить некоторые основные факторы, влияющие на формирование этнического самосознания башкирского народа, проследить общие и отличительные черты проявления национального самосознания у башкир Башкортостана и этнографических групп за её пределами.

Как показывают результаты полевых исследований, этническая самоидентификация респондентов существенно различается: местами она устойчива и носит позитивную направленность (как, например, в Башкортостане), а в некоторых районах, таких как Кунашакский в Челябинской области, уровень самосознания носит отрицательную направленность. Так, в 2004-2005 гг. из проанкетированных в Оренбургской и Челябинской области на вопрос «гордитесь ли Вы своей национальной принадлежностью?» большинство опрошенных выразили удовлетворение своей национальной принадлежностью. Менее десяти процентов респондентов (7%) затруднились дать ответ. Число респондентов, не придающих значения своей национальной принадлежности, составило не более 10%. В 2006-2007 гг. по результатам анкетирования в Республике Башкортостан и Курганской областях были получены практически аналогичные результаты. Более 90% респондентов башкир гордятся своей национальностью (См. приложение №1 рисунок №1).

В ходе исследования обнаружено превышение доли лиц, отдающих предпочтение этнокультурным и психологическим критериям идентификации над этническими. (См. приложение №1 рисунок №2). Так, на вопрос: какой фактор для вас является главным в определении

национальности? – 58% опрошенных из Оренбургской области определяющее значение отдали происхождению, т.е. национальности родителей. 23% – в качестве главного фактора выбрали родной язык, 3% – обряды и праздники, 6% по вере, 6% – по своей семье, 3% – по имени, 2% – по территории проживания. Аналогичную картину выявил опрос в Республике Башкортостан: так, 56% определяют национальность по родителям, 27% склонны думать, что язык определяет национальность человека, далее следуют: по вере (7%), по своей семье (2%), по истории (4%), по характеру (3%), по территории проживания (1%). В Челябинской области 41% респондентов высказали мнение, что национальность человека следует определять по национальности отца и национальности матери, 24% – по родному языку, 8% – по обрядам и праздникам, 11% – по вере, 7% – по своей семье, 2% – по имени, 2% – по территории проживания, 3% – по характеру, 2% – по истории.

Несколько отличное мнение высказали респонденты из Курганской области: 39% респондентов считают, что национальность человека следует определять по родному языку, 31% – по национальности отца и национальности матери, 18% – по вере, 9% – по обрядам и праздникам, 3% – по своей семье (по имени, по территории проживания, по характеру, по истории не выбрал никто).

Обращает на себя внимание тот факт, что влияние родителей на формирование этнического самосознания респондентов значительно доминирует над другими факторами, это естественное состояние, определяемое главенствующей ролью семьи в приобщении к своей нации.

Как видно из полученных данных, наиболее общим признаком проявления национального самосознания личности является факт самоидентификации по национальному признаку, или иначе, насколько сильно развито у человека чувство национальной принадлежности, осознания себя человеком именно данной нации. Сопоставление ответов башкир свидетельствуют о том, что башкиры из Башкортостана и

Оренбургской области более уверенно и устойчиво идентифицируют себя, чем остальные.

Осознание себя частью своего этноса является одним из первейших и необходимых, но недостаточных условий для оценки национального самосознания личности.

Оно проявляется более всего в отношении к своему родному языку, культуре, истории, традициям, в стремлении знать, соблюдать, развивать и обогащать их. Язык и культура сближают человека с конкретной общностью. Растущее распространение национального языка, его использование из поколения в поколение, трансляция теле- и радиопередач, публикация периодических газет и журналов на башкирском языке вызывают чувство гордости за свой народ. Кроме того, язык способствует сохранению самобытной этнической культуры. Таким образом, язык и культура, будучи косвенными индикаторами этнической самоидентификации, являются неотъемлемыми элементами национальной самоидентификации личности.

Анализ парных распределений результатов опросов показал, что с повышением возраста все большее число респондентов в качестве консолидирующего признака указывают «язык». Следует отметить, что женщины главным фактором, сближающим их с людьми других национальностей, выделяют «народные традиции и обычаи», в то время как мужчины – «язык».

Интерес представляют ответы респондентов в зависимости от их образования. Респонденты с начальным образованием на первое место в качестве консолидирующего фактора ставят «язык» и «народные традиции и обычаи», а все остальные факторы – на второе. Респонденты с неполным средним образованием на первое место ставят – «язык», на второе – «религию», а на третье – «народные традиции и обычаи».

Повседневное восприятие этничности в исследовании измерялось через анализ ответов на вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». В качестве наиболее значимых описаний были включены

следующие категории: «внешний облик», «культура, обычаи, обряды», «родная земля, природа», «черты характера, психология», «язык», «религия», «историческое прошлое», «общая государственность» и вариант «ничего не объединяет».

Следует сказать, что респондентам было предложено из 11 индикаторов идентификации выбрать 6. (См. приложение №1 рисунок №3) Ответы получились очень разнообразными, причем некоторые из них не превышают несколько процентов. В графике приведены индикаторы с указанием степени их важности для жителей обозначенных регионов.

Из приведенных данных видим, что мнения жителей, проживающих в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях близки друг к другу. По их мнению, в большей степени людей одной национальности сближают язык, культура, обряды, родная земля, лишь небольшие разногласия вызвали пункты, связанные с религией, с чертами характера, с государственностью и внешним обликом.

Отнесение респондентами к малозначащим этнокатегориям признака «религия» имеет свое подтверждение в целом по ситуации в России. Башкиры – мусульмане (сунниты), однако религиозная составляющая не играет для них решающей роли в сравнении, скажем, с другими признаками в этнической категоризации у других народов РФ.

Признак «внешний вид» также был выявлен как наименее значимый и может быть объяснен следующим фактом. Антропологический тип башкир имеет неоднородный тип антропологического состава и смешанное происхождение расового типа башкир. Физический тип башкир различается по территориальному расположению. Так, в антропологическом плане различаются башкиры юго-западных, северо-западных, восточных районов Башкортостана. Ряд ученых выделяют уральский, южносибирский, понтийский, памиро-ферганский, светлый европеоидный типы (типология по Я.Я. Рогинскому и М.Г. Левину), другие (М.С. Акимова) – субуральский,

южносибирский, светлый европеоидный и понтийский типы, имеющие четкую территориальную привязку¹.

Таким образом, внешний вид башкир имеет разные антропологические типы, и невозможно выделить один доминирующий физический тип, характерный для всех башкир.

Следующим пунктом анкеты, анализирующей уровень этнического сознания, был вопрос «Что (кто) больше всего влияет на Ваши национальные чувства, представления, знания?» Респондентов просили указать не более трех вариантов ответов, которые, по их мнению, наиболее сильно влияют на их национальные чувства.

Большинство респондентов из всех четырех субъектов наиболее сильным фактором назвали родителей и семью. Но последующие ответы красноречиво говорят об особенностях башкир, проживающих в той или иной области. Если вторым по значимости в Республике Башкортостан, Оренбургской и Курганской областях является телевидение, так как у башкир, проживающих там, есть возможность просмотра телеканала БСТ, то у основной части башкир Челябинской области такой возможности нет. Поэтому к данному варианту склонилось лишь 16% населения. Более 30% опрошенных выбрали ответ «башкирские газеты и журналы», что говорит о том, что население Башкортостана и всех трех областей в равной степени обеспечено газетами, журналами и художественной литературой из Башкортостана. Наиболее разительные отличия в ответах показал пункт, касающийся башкирских школ, занятий, курсов: так, если в Курганской области этому показателю отдали предпочтение всего 7%, а в Оренбургской – 22% населения, то в Челябинской области и в Республике Башкортостан их в два раза больше – 50%. Данные результаты ярко характеризуют состояние башкирской школы и востребованности башкирского языка в рассматриваемых регионах.

¹ Бикбулатов, Н. В. Башкиры: этническая история и традиционная культура / Н. В. Бикбулатов, Р. М. Юсупов, С. К. Шитова, Ф. Ф. Фатыхова. – Уфа, 2002. – С. 77–95.

Национальных деятелей респонденты поставили на шестую строчку. Здесь лидирует Оренбургская область, возможно, это обусловлено тем, что среди башкирской интеллигенции была и есть определенная прослойка выходцев из Оренбургской области. На этой земле родились такие известные личности, как ученый-просветитель М. Уметбаев, создатель башкирского национального театра В. Муртазин-Иманский, актриса Б. Юсупова, комбриг М. Муртазин, писатель С. Агиш. Население гордится ими и чтит их память.

Вариант относительно представителей башкирской общины респонденты всех областей поставили на последнее место. Но, несмотря на это, видим, что в два раза больше респондентов из Оренбургской и Курганской области склонились к этому ответу.

В целом, анализ источников получения знаний о ценностях национальной культуры показывает, что башкиры больше привержены к тем из них, которые имеют более доступный характер, чем те, которые исходят от самых близких в них людей. И так как первые являются наиболее доступными, то постепенно становятся традиционными источниками распространения и потребления национальной культуры. Однако это объективное обстоятельство не должно препятствовать (скорее всего, наоборот, призвано способствовать) усилению таких факторов, как влияние родителей, учителей, друзей на процесс активного приобщения башкир к духовным и культурным ценностям башкирской нации. Анализ полученной этносоциологической информации позволяет выявить целый ряд проблем и трудностей в приобщении башкир к национальной культуре своей нации.

Для определения значимости сохранения этнокультурных традиций, обычаев, языка и религии для населения и передачи этих знаний последующим поколениям на фоне общепризнанных важных навыков, таких как умение взаимодействовать в коллективе и умение зарабатывать себе на жизнь, (именно эти качества хотелось бы родителям видеть в детях), респондентам был предложен следующий вопрос: Насколько важно, по Вашему мнению, учить детей, чтобы они...

Насколько важно, по Вашему мнению, учить детей, что бы они...		Оренбургская область	Челябинская область	Курганская область	Республика Башкортостан
Уважали национальную культуру, обычаи и традиции своих предков	Важно	90%	84%	82%	93%
	Не важно	5%	10%	12%	5%
	Затрудняюсь ответить	5%	6%	6%	2%
Знали язык своих предков	Важно	89%	82%	79%	95%
	Не важно	6%	7%	8%	6%
	Затрудняюсь ответить	5%	5%	12%	4%
Заботились об интересах коллектива, а не только о себе	Важно	76%	80%	67%	75%
	Не важно	14%	12%	21%	13%
	Затрудняюсь ответить	10%	8%	12%	15%
Умели зарабатывать деньги	Важно	82%	82%	70%	91%
	Не важно	9%	13%	27%	4%
	Затрудняюсь ответить	9%	5%	3%	5%
Придерживались религии своих предков	Важно	63%	67%	60%	77%
	Не важно	18%	22%	28%	9%
	Затрудняюсь ответить	19%	11%	12%	14%

Составлено по источнику¹

Как видим из результатов опроса, респонденты трех областей сошлись на мнении, что детям следует знать и уважать национальные традиции, обычаи и язык, важность этих пунктов респонденты поставили даже чуточку выше, чем умение зарабатывать деньги – казалось бы, в данный период наиболее важное качество, которое хотелось бы видеть родителям в своих детях. Наряду с этим также надо воспитывать в детях способность заботиться об интересах коллектива. Ступенькой ниже стоит религия. Исходя из этого, можем предположить, что для башкир Республики Башкортостан,

¹Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

Оренбургской, Челябинской и Курганской областей в осознании своей национальности важнее признак идентификации себя по культуре и языку, чем по религиозному признаку, и в этом плане башкиры, проживающие за пределами, не отличаются от основной части башкир, проживающих в Республики Башкортостан.

Также надо отметить, что разрыва с культурой своего этноса среди жителей Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областей не наблюдается. Знают и выполняют национальные обряды большинство респондентов, не выполняют менее 25%. На графике (См. приложение №1 рисунок №4) представлена динамика ответов на данный вопрос участников опросов 2004 и 2007 гг.

В результате исследования, где был приведен набор обычаев и религиозных обрядов («исем кушу», «суннат», «никах», «жиназа уку»), присущих для башкир, автор выявил, что не выполняют национальные религиозные обряды чаще жители Челябинской области, чем Республики Башкортостан, Оренбургской и Курганской областей. Так, если среди челябинских башкир не выполняют национальные обряды 36% башкир, то среди оренбургских это число ниже – 27%. Как и предполагал автор, выполняют постоянно национальные обряды респонденты в возрасте 60 лет и старше. Если в возрасте от 20 до 50 лет обряды выполняют постоянно от 1,5 до 4,9% респондентов, то в возрасте 60 лет и старше это число составляет 41%. Это связано, по мнению и наблюдениям автора, с тем, что такая возможность появляется у мужчин и женщин с выходом на пенсию. Это, как уже отмечали, представители старшего поколения. От поколения к поколению представители башкирского этноса утрачивают чувство духовной близости со своим народом.

В ходе исследования было интересно узнать мнения респондентов о том, существует ли опасность для представителей их национальности утратить национальную самобытность. На первом этапе было выявлено, что для большинства респондентов из Республики Башкортостан нет опасности

утраты национальной самобытности, по мнению каждого третьего жителя Оренбургской области (35%), существует реальная опасность для башкирского населения утратить национальную самобытность, среди жителей Челябинской области таких 22%; по Курганской области таковых выявлено 19%. Четверть опрошенных жителей Челябинской и Курганской областей и треть опрошенных жителей Оренбургской области считают, что такая опасность существует, но не стоит ее преувеличивать. И каждый десятый респондент утверждает, что башкирскому населению такая опасность не угрожает. Следует отметить, что каждый пятый респондент никогда не задумывался об этом.

Для измерения установок респондентов на межэтническое общение в тех или иных ситуациях была использована модифицированная шкала социальной дистанции Э. Богардуса¹.

Согласно методике Э. Богардуса, респондентам предлагалось выразить свое согласие или несогласие с семью суждениями, относящимися к определенной социальной группе и выражающими их социальные дистанции к типичным членам изучаемой группы. Групповая установка измерялась как сумма оценок членов групп или как среднее по группе².

Шкала социальной дистанции Богардуса, характеризует степень приемлемости представителями башкирского этноса представителей других этнических групп (метод предполагает выявление готовности человека контактировать с людьми другой национальности в качестве граждан субъекта, деловых партнеров, начальника, соседей, друзей, членов семьи)³.

Данные исследования выявили следующее. Социальная дистанция увеличивается в следующей последовательности у респондентов Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областей: гражданин области, сосед, друг, деловой партнер начальник, супруг (супруга). Более половины опрошенных готовы принять человека другой

¹ Bogardus, E. S. Stereotypes Versus Sociotypes // Sociological and Social Research. – 1950. – № 3. – P. 286–291.

² Стефаненко, Т. Г. Методы этнопсихологического исследования / Т. Г. Стефаненко, Е. И. Шлягина, С. Н. Ениклопов. – М., 1993. – С. 39.

³ Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М. : Смысл, 1998. – С. 61.

национальности в качестве гражданина области проживания, четверть – в качестве друга и соседа, менее 15% опрошенных – в качестве делового партнера, в качестве начальника, в качестве супруга (супруги) и в качестве супруга (супруги) детей. Готовность принять людей другой национальности в качестве гражданина области обусловлена высоким уровнем толерантности проживающего в этих регионах башкирского населения.

Социальная дистанция увеличивается, когда речь идет о семейной, приватной сфере – 65% опрошенных не готовы принять человека другой национальности в качестве супруга (супруги) и – в качестве супруга (супруги) детей. В особенности это сильно проявляется за пределами Республики Башкортостан, в Оренбургской и Курганской областях. Этот показатель подтверждается данными и других измерений – этноизоляционистские тенденции доминируют и являются тенденцией сохранить свой этнос. По данным опроса, межэтнические установки претерпевают изменения и для многих опрошенных важным становится этническая составляющая при выборе будущего супруга (супруги) и супруга (супруги) детей для гармоничной жизнедеятельности.

Оценка этнической идентичности по степени этнической толерантности осуществлялась на основе уровня «негативизма» отношения к другим этническим группам, уровня порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение, степени выраженности различных агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим группам. Эти критерии явились основой для измерения типов этнической идентичности, выработанных в ходе специальной методической разработки Г.У. Солдатовой¹. Данная методика в ходе исследования применена для выявления типов идентичности на основе четырех суждений-индикаторов, конкретизирующих конец фразы: «Я отношусь к людям, которые...». Индикаторы отражали отношение к собственной и другим этническим группам в различных ситуациях межэтнического взаимодействия.

¹ Солдатова, Г. У. Указ. соч. – С. 104, 189–193.

В ходе исследования рассматривалась тенденция формирования этничности по следующим типам: этническая индифферентность, этноизоляционизм, этноэгоизм, национальный фанатизм. В качестве главных показателей указанных тенденций использовались 4 индикатора, показавших свою высокую надежность в ходе исследований автора и разработчиков данной методики¹.

Индикаторами, которые выступили основаниями для выделения групп респондентов с разными типами этничности, явились следующие: «Никогда серьезно не относятся к национальным проблемам» (этническая индифферентность), «Считают, что межнациональные браки разрушают народ» (этноизоляционизм), «Раздражаются при близком общении с людьми другой национальности» (этноэгоизм), «Считают, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа» (национальный фанатизм).

Формирование этнической идентичности по типу «нормы» (позитивная этническая идентичность) предполагает соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. За «норму» принято считать установку, которая входит в число одобряемых нашим обществом социальных ролей, определяющих позицию личности в межэтнических отношениях. Этническую идентичность по типу «нормы» характеризует высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам². По данным исследования, позитивная этническая идентичность («норма») занимала доминирующую позицию над всеми другими тенденциями этнической идентичности у башкир (в среднем 55% опрошенных из всех изучаемых субъектов выбрали данный индикатор), что подтверждает ситуацию в целом по республике.

Основой формирования гиперидентичности как кризисной формы этнической идентичности является акцент на этничности, переход от

¹ Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. / Л. М. Дробичева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова. – М., 1996. – С. 331–332.

² Там же. – С. 332.

нормального предпочтения собственной этнической группы к абсолютной убежденности в превосходстве над «чужими», «другими». Гиперидентичность – это характеристика самосознания «наступательного» типа, отражающего стремление представителей группы к этническому доминированию. Исследования второй позиции по степени выраженности после позитивной этнической идентичности заняли гиперидентичные установки. Выявленные особенности гиперидентичности являются отражением общего стремления народа (башкир) к доминированию на своей этнической территории, их ассоциированностью со своей этнической группой по самым разным параметрам.

Один из видов гиперидентичности – этноизоляционизм – понимается как убежденность в превосходстве своего народа, признание необходимости «очищения» национальной культуры, негативное отношение к межнациональным бракам¹. Этноизоляционистская тенденция была выявлена в большей мере у башкир, проживающих в Республике Башкортостан, у башкир, проживающих в соседних с ним субъектах, выявлено в среднем у 40% опрошенных.

Крайним видом гиперидентичности является «национальный фанатизм» – готовность идти на любые действия во имя этнических интересов. Национальный фанатизм выявлен в среднем у 10 % респондентов.

«Этноэгоизм» является более лояльным видом гиперидентичности. Он может выражаться в естественной форме, когда точкой отсчета всех интересов и призмой восприятия в этнической сфере становится «мой народ»². Этноэгоистические тенденции представлены в среднем у 2% опрошенных.

Индикатор «этноиндифферентность» служит для выявления степени индифферентности, безразличия к этническим вопросам и проблемам, выявляет тенденцию к позиции нахождения вне процессов этнокультурной и

¹ Дробижеева, Л. М. Указ. соч. – С. 333.

² Там же. – С. 334.

этнополитической мобилизации. В среднем 24%-28% респондентов из выше-названных регионов отнесли себя к этноиндифферентным.

В целом, как видим, межэтнические установки носят толерантный характер, имея предпочтения сохранения связей со своей этнической группой.

Особое внимание уделим структурным компонентам башкирского национального самосознания и проанализируем проблемы национального характера башкир, имея в виду некоторые вызовы специалистам в области национально-этнических отношений в том плане, чтобы можно было продолжить дискуссию на основе сопоставления самосознаний разных национальных общностей.

Под национальным характером подразумевается определенная совокупность поведенческих свойств, раскрывающих базовый образ соответствующего народа.

Рассмотрим содержание образа «мы – башкиры», как он складывается в массовом сознании. Для этого используем данные опросов по Челябинской и Оренбургской областям. Одна из задач этого опроса состояла в том, чтобы на основе предложенного респонденту списка из 12 качеств, сформулированных на базе сравнительных характеристик башкир, татар и русских выявить, как башкиры характеризуют себя на фоне других народов, чтобы получить своего рода психологический профиль «башкир» по его собственной оценке. Проведенное сопоставление соответствующих качеств разных народов по представлениям самих башкир позволяет определить самооценку башкир на фоне других народов.

Таблица 11.

		Оренбург- ская область	Челябин- ская область	Курган- ская область	Республика Башкорто- стан
доброта	башкиры	66%	58%	79%	84%
	татары	13%	18%	8%	9%
	русские	21%	24%	13%	7%
гостеприимство	башкиры	66%	62%	55%	77%

	татары	14%	17%	39%	18%
	русские	20%	18%	6%	5%
чистоплотность	башкиры	40%	48%	41%	55%
	татары	35%	26%	31%	43%
	русские	25%	26%	28%	2%
трудолюбие	башкиры	42%	49%	61%	66%
	татары	35%	32%	28%	31%
	русские	23%	29%	11%	3%
деловитость	башкиры	35%	31%	32%	37%
	татары	52%	48%	46%	54%
	русские	13%	21%	22%	9%
стойкость	башкиры	58%	49%	71%	81%
	татары	26%	22%	16%	14%
	русские	16%	29%	13%	5%
бескорыстие	башкиры	77%	59%	68%	87%
	татары	8%	18%	13%	3%
	русские	15%	23%	19%	10%
одаренность	башкиры	60%	61%	59%	73%
	татары	18%	16%	13%	14%
	русские	22%	23%	28%	13%
покорность	башкиры	54%	67%	42%	43%
	татары	19%	23%	31%	41%
	русские	27%	10%	27%	16%
рабская психология	башкиры	32%	32%	32%	32%
	татары	26%	39%	36%	45%
	русские	42%	29%	32%	23%
отсутствие взаимовыручки	башкиры	39%	33%	31%	43%
	татары	29%	29%	36%	36%
	русские	32%	38%	33%	21%
равнодушие к судьбе своего народа	башкиры	37%	49%	28%	39%
	татары	26%	18%	33%	22%
	русские	37%	33%	39%	39%

Составлено по источнику¹

Разумеется, перечень свойств далеко не полон. Он в какой-то мере проецирует сознание исследователя на проблему. В то же время нельзя не отметить достаточно высокий уровень самокритичности и субъективизма в определении черт национального характера, так как респонденты –

¹Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

представители одной нации, но важен факт самоопределения самих башкир на фоне двух других народов.

Учитывая материалы опроса, попытаемся охарактеризовать представление о наборе стереотипных качеств, приписываемых башкирскому национальному характеру, по сравнению с татарами и русскими.

Исследуя авто – и гетеростереотипы – образы своей и других групп (русских, татар), мы выявили тенденцию к позитивной направленности автостереотипов и различную представленность позитивных и негативных характеристик в гетеростереотипах башкир. Негативные характеристики в гетеростереотипах башкир доминировали по отношению к татарам. В гетеростереотипах башкир по отношению к русским доминировали позитивные характеристики.

В сравнении с татарами и русскими башкиры позиционируют себя как люди добрые, гостеприимные, в определенной мере чистоплотные и трудолюбивые, но менее деловитые, чем татары и русские. Для башкир не характерно планирование действий на несколько месяцев и даже недель вперед. Они склонны жить сегодняшним днем, не заглядывая в будущее слишком пристально и далеко. Башкиры исключительно подвижны. Они характеризуют себя как люди стойкие, бескорыстные и отличающиеся беззаботностью по отношению к своим материальным интересам, и не понимают «мелочной расчетливости», привившейся в западной культуре. В некоторых ситуациях они исключительно доверчивы.

Г.Р. Шакурова отмечает способность башкир преодолевать экстремальные ситуации благодаря тому, что в короткий промежуток времени они могут сконцентрировать огромные физические и нервные ресурсы. Выносливость, терпеливость и покорность, которая порой доходит до рабской психологии и равнодушием к судьбе своего народа, что доказывает проведенный опрос. Подчас отсюда делают вывод о склонности башкир к подчинению силе и авторитету, стремлении возложить на

начальство ответственность за свое положение и весьма высокой степени гражданской и политической пассивности¹.

Привлекательные стороны башкирского национального характера состоят в готовности сочувствовать любому страданию, в стремлении понимать не только ближнего, но и дальнего. Другое важное свойство – креативность, способность к творческим решениям любых, даже самых рутинных вопросов. Конечно, все эти черты, взятые в совокупности, ни в коей мере не являются присущими только башкирам. В той или иной степени они характеризуют и представителей иных народов и культур². Здесь также наблюдается расплывчатость границ, которая подчас вызывает сомнение в обоснованности самой категории национального характера.

Нормативно-солидаристское содержание национального самосознания проистекает из многих возможных причин. Например, это результат переживания угрозы существованию данной нации (как это было с евреями и армянами – народами, пережившими реальный геноцид). В этом случае на первый план выходят политические силы в лице государства или национальных движений, которые формулируют идеологию и мораль, основанные на общности национальных интересов, и организуют социальный контроль за выполнением соответствующих нормативных предписаний.

В истории башкирского народа можно наблюдать действие обоих названных обстоятельств, но в весьма своеобразной форме. Существование башкир ставилось под угрозу несколько раз со времен татаро-монгольского ига. Всякий раз угрозы преодолевались ценой огромных жертв и усилий. Именно эти усилия и жертвы становились объединяющими символами башкирской нации и башкирского народа. Через этот опыт формировалось башкирское самосознание. Самозащитные – а не конструктивно-созидательные – моменты играли решающую роль в формировании

¹ Шакурова, Г. Р. Этническая идентичность современных башкир. – М., 2006. – С. 103.

² Там же. – С. 106.

башкирского «Мы». Отсюда, по-видимому, и ведет свое начало идея жертвенности как чуть ли не специфической черты башкирского национального характера.

Данные, полученные в результате опросов, подтверждаются и другими исследователями. Так, известный русский этнограф и собиратель фольклора С.Г. Рыбаков писал буквально следующее: «Башкиры прежде всего дети природы и как таковые проявляют естественные хорошие стороны человеческого существа: простодушие, доверчивость, добродушие, готовность бескорыстно услужить, приветливость, гостеприимство, что выражается и на их физиономиях, которые выглядят такими простодушными, чуждыми задних мыслей и лишены какой-либо отталкивающей дикости и свирепости. Гостеприимство развито у них высоко...». Интересно отметить, что на эту черту (гостеприимство) башкир обращали внимание почти все исследователи, так или иначе интересовавшиеся жизнью башкир, их культурой, бытом, обычаям и т.д.¹ Об этом пишет и А.З. Валидов в своих «Воспоминаниях», указывая, что оно является наиболее характерной чертой башкир². Многие качества и свойства человеческого характера имеют всеобщий характер и присущи всем нациям. Однако они неодинаково проявляются у представителей разных этносов, с этой точки зрения интересной выглядит самооценка башкирами качеств, присущих (или не присущих) им как нации, большинство опрошенных респондентов (от 50 до 90%) указали, что башкирской нации присущи доброта, трудолюбие, культура, общительность, доброжелательность и гостеприимство. Отмечаются также и такие качества башкир, как скромность, красивая внешность, ум, способность к усвоению наук и отвлеченному мышлению. Ещё в конце XIX в. Ф.Д. Нефедов писал: «Башкиры – народ симпатичный, с живым умом, способный к отвлеченному мышлению, чрезвычайно впечатлительный и обладающий значительной

¹ Башкирия в русской литературе. – Уфа, 1991. – Т. 3. – С. 192.

² Валидов, А. З. Воспоминания // Агизел. – 1991. – № 1. – С. 71.

фантазией»¹. По утверждению Н.В. Никольского, «ум башкира отличается живостью и подвижностью, как и весь его характер»². А представитель башкирской интеллигенции, ученый-энциклопедист, поэт-просветитель М. Уметбаев о своем народе писал следующее: «Башкирский народ очень способен к науке и делу. Например, в азиатском эскадроне Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса башкирские парни выделялись особо»³.

Вместе с тем следует иметь в виду, что характер народа, его ценностные ориентации, культурные идеалы в ходе общественного развития могут меняться. Одни из них могут получить дальнейшее развитие, другие – постепенно вытесняться и даже исчезать. В последнее время в основном в периодической печати и публицистической литературе высказывается серьезная тревога и озабоченность в связи с проявлениями у определенной части башкирского населения некоторых отрицательных сторон в поведении, привычках, предпочтениях, вкусах и других чертах характера (например, проявление элементов зазнайства, беспечности и т.д.). Крайне отрицательно влияют на ценностно-нормативные основы башкирского этноса кризисные явления в духовной сфере общества, приобретение башкирами норм и ценностей глобализирующегося мира под влиянием бессодержательной кино- и видеопродукции постоянной рекламы спиртных и табачных изделий и т.д.

В целях сохранения и развития присущих башкирам положительных черт характера и нейтрализации вредного воздействия антикультуры следует более пристально изучать систему национальных ценностей и норм башкирского народа, и изучать их надо в общей структуре культуры. Именно такая традиция существует в западной, в частности американской социологии⁴. В учебнике «Социология» Дж. Смелзер, характеризуя основные ценности американского народа, указывает на его «стремление полагаться на свои силы, силы воли и агрессивности», далее он пишет: «В нашей культуре

¹ Башкирия в русской литературе ... Указ. соч. – С. 105.

² Там же. – С. 207.

³ Уметбаев, М. Башкиры // Истоки. – 1991. – № 14.

⁴ Гидденс, Э. Социология. – Челябинск, 1991. – С. 109–113.

ценится стройность ... мы также высоко ценим спорт», а знание для американцев «само в себе является ценностью»¹. В совокупность основных черт русской нации П.А. Сорокин включает «огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность её представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения народа...»². Следует заметить, что проблема ценностей и норм, как один из основных элементов этнической культуры в последнее время активно изучается исследователями и некоторых национальных республик. Особого внимания заслуживают работы А.У. Винокуровой, посвященные ценностным ориентациям якутов в условиях урбанизации, и Н.Д. Джангильдина, который рассматривает особенности национального характера казахского и других народов³. Интересными представляются рассуждения армянского ученого И.А. Басегян, утверждавшего, что ценности и нормы «помогают выявить определенные основы, сквозь призму которых определяется любой процесс, происходящий в той или иной этнической культуре»⁴.

Вопрос об особенностях национальных ценностей, норм и образцов поведения башкирского народа изучен недостаточно. Анализ имеющейся литературы показывает, что на этнические особенности характера, ценностей и норм поведения дореволюционные исследователи обращали больше внимания, чем современные. Обобщение их вклада в изучение этой проблемы и теоретическое обоснование существования у башкир «общности их обычаев, нравов, национальных черт в психологии, общего национального характера» содержатся в известной работе Б.Х. Юлдашбаева⁵. В историко-философском плане этнические особенности ценностных ориентаций и норм поведения башкир рассматриваются в работе Д.Ж. Валеева «Нравственная

¹ Слезлер, Дж.. Социология // Социологические исследования. – 1991. – № 3. – С. 111–112.

² Сорокин, П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 472.

³ Винокурова, У. А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. – Новосибирск, 1992. – С. 84 ; Джангильдин, Н. А. Единство интернационального и национального в психологии советского народа. – Алма-Ата, 1989. – С. 45.

⁴ Басегян, И. А. Социология культуры и социокультурная ситуация в СССР // Социологические исследования. – 1991. – № 11. – С. 54.

⁵ Юлдашбаев, Б. Х. История формирования башкирской нации. – Уфа, 1972. – С. 192.

культура башкирского народа: прошлое и настоящее». В ней впервые прослеживается сам генезис нравственной культуры (этноэтики) башкир. Определенное внимание системе национальных ценностей и норм уделяется в работах известного башкирского психолога В.Ф. Сафина, в которых наряду с другими факторами рассматриваются и этнические аспекты самоопределения личности¹. Этнические особенности ориентации и установок, норм и правил поведения, обычаев и традиций стали привлекать внимание и некоторых этнопедагогов. В целом же проблема ценностно-нормативных основ национальной культуры башкир остается мало разработанной, особенно в этносоциологическом аспекте. Подчеркивая ещё раз, что эти вопросы должны стать предметом специального изучения, опираясь на имеющуюся литературу и этносоциологический материал, можно назвать следующие наиболее значимые для башкир (присущие им) духовные ценности и нормы: особое уважение к старшим, более близкие отношения с родственниками, соседями и односельчанами, доброжелательность, гостеприимство, приветливость, общительность, любознательность, скромность в быту и некоторые другие. Характеризуя национально-психологические и ценностно-нормативные особенности характера этнографических групп башкир за пределами нашей республики, необходимо подчеркнуть, что у них сильнее выражены те черты характера, которые в определенной мере являются производными от их социально-экономического уклада, быта и образа жизни, а также особенностей окружающей их природной среды. К ним, кроме названных выше качеств, следует отнести степенность, основательность и взвешенность в действиях, впечатлительность, способность к отвлеченному мышлению, фантазии и импровизации, склонность к хореографическому, песенному, поэтическому творчеству и соответственно бережное отношение к народному эпосу.

Таким образом, башкиры Башкортостана и за пределами своей республики активно участвуют в производстве очень широкого спектра

¹ Сафин, В. Ф. Психология самоопределения личности. – Свердловск, 1986. – С. 112.

национально-культурных ценностей. Они играют большую роль в создании, сохранении и воспроизводстве основных компонентов национальной народной культуры, специфична, но не менее значительна их роль и в создании произведений профессиональной башкирской культуры. На территориях компактного их проживания сложились наиболее характерные для башкир ценностные основы их культуры. Однако процессы деэтнизации в сфере производства и сохранения вышеназванных компонентов национальной культуры, наиболее сильно проявившиеся в городе, существенно затронули и сельскую местность. Облик некоторых деревенских поселений и традиционных башкирских аулов стал утрачивать национальный колорит, этническая специфика стала исчезать и в отдельных элементах быта, в употреблении многих предметов домашнего обихода, постепенно вытесняемых изделиями стандартизированного фабрично-заводского производства. Ещё меньше стали заметны национальные мотивы в повседневной одежде сельских башкир. Лишь в одежде людей старшего и преклонного возраста можно заметить некоторые элементы традиционной народной одежды (такья, сарык, елэн и т.д.)¹. Утрата национальных особенностей стала ощущаться и в традиционной духовной культуре башкирского народа, забыты многие обычаи, обряды и традиции, народные песни, игры и праздники и т.д. Мотивы, не характерные для башкирской культуры, стали проявляться в произведениях литературы, искусства и в профессиональной культуре в целом. В ценностно-нормативные основы культуры и в быт башкир начали проникать ранее не присущие им образцы поведения и связанные с ними социальные явления (например, пьянство).

Процесс приостановления отмеченных негативных явлений и восстановления утраченных ценностей национальной культуры, их производство и сохранение предполагает воссоздание всего имеющегося багажа положительных этнических традиций, знаний и ценностей и

¹ Бикбулатов, Н. В. Башкиры // Народы Поволжья и Приуралья: ист.-этнограф. очерки. – М., 1985. – С. 682-691.

дальнейшее их развитие на основе оптимального сочетания последних с современными формами национальной культуры.

Подводя итоги, нужно отметить, что:

- результатом советского периода стала значительная деэтнизация коренного населения Башкортостана и соседних с ним регионов; часть башкир, особенно молодое поколение, стала стесняться своей национальной принадлежности, перестала чувствовать себя равноправной и равноценной с другими нациями;

- в последнее время существенно увеличилось число отдающих предпочтение этнокультурным и психологическим критериям идентификации над этническими;

- активные межкультурные связи башкир с представителями других народов носят толерантный характер, имея предпочтение сохранения связей со своей этнической группой;

- приобретение башкирами под влиянием бессодержательной кино- и видеопродукции постоянной рекламы спиртных и табачных изделий особенно в городах, норм и ценностей глобализирующегося мира, нигилизируют национальное самосознание населения.

3.2 Этнорегиональная идентичность в контексте взаимодействия Республики Башкортостан с Оренбургской, Челябинской и Курганской областями

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, сохранность этнокультурных традиций и функционирования этничности в соседних с Республикой Башкортостан регионах не одинакова. Одной из объективных причин этого является отсутствие четко выверенной национальной политики со стороны федерального правительства. Несмотря на выработанные, одобренные Федеральным собранием и утвержденные Президентом РФ ещё в 1996 году документы (имеется в виду «Концепция Государственной национальной политики Российской Федерации» и Закон РФ «О национально-культурной автономии»), которые положили начало институциональному оформлению принципов государственного воздействия на «бушующую этничность», дальнейшего развития не получили. Это привело к тому, что инициатива от федерального центра перешла к регионам, которым необходимо было удовлетворять национальные потребности населения субъекта. Наиболее активно в этом отношении проявили себя республики, которые ради сохранения стабильности взяли на себя законотворческую деятельность и регламентировали взаимоотношения наций и народностей, населяющих регион. Следующим шагом в этом направлении было заключение многочисленных договоров между республиканскими властями и властями тех регионов, где компактно проживают представители титульного этноса республик, которые сказались на возникновении различий в договоренностях субъектов и привели к различиям в подходах к национальной политике регионов. Реализация этой политики субъектами (Республикой Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областями), различия в подходах и методах её проведения, а в большей степени реакция населения на примере башкир

обусловили отдельное рассмотрение автором данного вопроса в рамках текущего параграфа.

В конце 80-х годов началось пробуждение национального самосознания башкирского населения. В регионах башкирские общественные организации начали создаваться уже в период перестроечных реформ. Первопроходцами были башкиры Челябинской области (в 1988 году руководителем местной организации стал У.К. Сафиуллин), Оренбургской области (1990 г., С.Г. Акдавлетов, Р.Х. Искандаров, Р.Г. Темиров), Итогом I Всемирного курултая башкир стало создание курултаев и общественных организаций башкир в Курганской области (1996 г., М.З. Валеев, М.Ю. Динмухаметов, С.Г. Мусин) Самарской области (С.Л. Гарифов, М.Р. Хатыпова), Ямало-Ненецком автономном округе (А.Х. Загидулин), Свердловской области (Н.Ф. Тюменцева) и др¹.

Согласно Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан, где в ст. 4 записано, что Республика Башкортостан содействует развитию культуры и образования башкирского населения за пределами республики, Правительством Республики Башкортостан заключены Соглашения в гуманитарной сфере с администрациями Челябинской, Оренбургской, Курганской, Пермской и Свердловской областей». Реализация этой статьи началась на почве, которую подготовил Башкирский национальный центр «Урал». В соответствии с этими соглашениями более частыми стали гастроли театров, концертных бригад филармонии, известных писателей и коллективов художественной самодеятельности республики в районы компактного проживания башкир. Значительно расширился прием студентов и учащихся из сопредельных с Башкортостаном областей Российской Федерации в высшие, средние профессиональные учебные заведения и специализированные гимназии Башкортостана. Активизировалось сотрудничество в научных исследованиях

¹ Валеев, Д. Ж. ... Указ. соч.– С. 275.

истории башкирского народа, выпуске и распространении периодической печати на башкирском языке и в других сферах¹.

После второго Всемирного курултая башкир улучшилась работа Исполкома Всемирного курултая башкир. В декабре 2003 года организация прошла государственную регистрацию в Министерстве юстиции РФ и получила статус международной.

22 марта 2004 года было проведено заседание Комиссии по работе с соотечественниками, проживающими за пределами Республики Башкортостан и Российской Федерации (председатель комиссии А.Г. Шамаев), где утверждены планы работы.

Во исполнение решений Второго Всемирного курултая башкир по инициативе Комиссии по работе с соотечественниками при Исполкоме Всемирного курултая башкир было подготовлено и отправлено обращение к Президенту РБ о разработке проекта Республиканской Государственной Программы «Башкиры в составе Российской Федерации» (Р.М. Валиахметов, М.Д. Киекбаев). Институтом истории языка и литературы УНЦ РАН проект данной Программы был доработан и одобрен. Подготовлен проект Республиканской Государственной программы «Башкиры в составе Российской Федерации».

Юбилейный, 2007 год, объявленный в Республике Башкортостан Годом 450-летия единства Башкортостана с Россией, был насыщен общественно-политическими, культурно-массовыми и спортивными мероприятиями. В 2006 году – в 40, а в 2007 году в 25 районах и городах Башкортостана, а также во многих субъектах Российской Федерации прошли курултаи башкир, посвященные знаменательному юбилею. Эстафету торжественных мероприятий начала северная столица – Санкт-Петербург, где в феврале 2006 года состоялась культурно-информационная акция и Курултай башкир, в котором приняли участие руководители башкирских общественных организаций ряда российских регионов и стран Западной Европы. Курултай

¹ Всемирный курултай башкир. Первый всемирный курултай башкир : стеногр. отчет. – Уфа, 1998. – С. 353.

обсудил актуальные проблемы федерализма, сохранения исторического наследия¹.

Юбилейной дате были посвящены научно-практические конференции и «круглые столы», организованные региональными курултаями башкир. В их числе – научно-практическая конференция «Культура башкир и татар на Южном Урале», проведенная на базе Челябинской библиотеки башкирской и татарской литературы; научно-практический семинар «Россия и Башкортостан: вместе 450 лет» – в Барнауле; межрегиональная научная конференция, посвященная 450-летию единства Башкортостана и России, проведенная в Магнитогорске, и многие другие интересные общественные мероприятия.

На мероприятия к соотечественникам выезжали делегации районов и городов Башкортостана, шефствующие над регионами компактного проживания башкирского населения. Так, в торжественных мероприятиях, посвященных 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России и десятилетнему юбилею Курултая башкир Кыштыма, участвовала делегация Бурзянского района; в городском празднике Верхнего Уфалей «День открытых дверей», посвященном 450-летию единства Башкортостана и России, – делегация Благовещенска; в юбилейных торжествах в Копейске – делегация Давлекановского района; в Магнитогорске – делегация города-побратима Стерлитамака; в Челябинске – делегация Учалинского района и т.д. К примеру, в Оренбургскую область выезжали делегации города Кумертау и Гафурийского района, в город Лянтор Ханты-Мансийского автономного округа – ишимбайцы, в г. Орск – сибайцы, в г. Гай – хайбуллинцы, в Бардымский район Пермского края – татышлинцы... Речь идет не только о совместном проведении мероприятий, а о постоянном сотрудничестве, оказании практической помощи башкирскому населению в

¹ Азнабаев, Р. Т. Всемирный курултай башкир – составляющая многогранной национальной политики, проводимой в Башкортостане [Электронный ресурс] // «Башинформ»: инф. агентство. – Режим доступа: <http://www.bashinform.ru/index.php?id=61154>. – 12.02.08.

изучении родного языка, развитии национальной культуры¹.

Вместе с тем, этнические реалии в разных субъектах Российской Федерации неоднозначны, и, соответственно, методы воздействия на них должны учитывать эту очевидную региональную специфику. С учетом возможного видения перспектив сохранения этнической самоидентификации этнографических групп башкир была интересна их оценка проводимой регионом проживания национальной политики и возможной помощи Республикой Башкортостан в её осуществлении

Для получения полной картины по данному вопросу необходимо было выяснить представления респондентов (хотя бы самые общие) об этнокультурном облике материнского этноса, то есть о башкирах, которые проживают на своей исторической территории – в Республике Башкортостан. Существуют ли, по мнению участников обследования, какие-либо различия между ними и материнским этносом или же, наоборот, исследуемая этнотерриториальная группа по своему этнокультурному облику идентична (в сознании информаторов) ему? Возможной помощи, которая могла бы оказываться башкирам со стороны Республики и ее видам.

С этой целью участникам обследования было предложено ответить на следующий вопрос: Представления о Родине у разных людей различные. Что Вы считаете своей Родиной? (См. приложение №1 рисунок №5)

Большинство респондентов из Оренбургской и Курганской области, а именно 40% и 53% ассоциируют Родину с населенным пунктом, где проживают. Несколько иначе думают респонденты из Челябинской области, они своей Родиной считают Россию (43%). На второе место опрошенные из Оренбургской и Курганской областей поставили пункт «область проживания» 27% и 35%, анкетированные из Челябинской выбрали населенный пункт, где родились – 37%. Далее следуют вариант ответа «Башкортостан» – его выбрали 16% опрошенных из Оренбургской и всего

¹ Азнабаев, Р. Т. Всемирный курултай башкир – составляющая многогранной национальной политики, проводимой в Башкортостане [Электронный ресурс] // «Башинформ»: инф. агентство. – Режим доступа: <http://www.bashinform.ru/index.php?id=61154>. – 12.02.08.

4% и 3% из Челябинской и Курганской областей.

На вопрос: «Как Вы думаете, отличаются ли башкиры, живущие в Республике Башкортостан, от башкир за ее пределами?» (См. приложение №1 рисунок №6) – мнения респондентов из двух областей сошлись. Большинство опрошенных (44% и 42%) полагают, что есть существенные отличия между башкирами, проживающими в РБ, и теми, кто проживает в Оренбургской и Челябинской областях. Тех, кто считает, что отличий мало, – 37% и 39%. Респондентов в Курганской области, считающих, что между башкирами различий мало, – наоборот, 46%. Но, несмотря на это, высок и процент тех, кто считает, что башкиры существенно отличаются в зависимости от территории проживания – их 31%; 4%; 8%. Затруднились ответить 15%; 11% и 16% опрошенных.

Большинство респондентов считают, что в той или иной мере существуют отличия между башкирами. В основном при интервьюировании население Оренбургской, Челябинской и Курганской областей говорило о худшем положении башкир в экономическом плане в области развития культуры и языка, чем тех, кто живет в РБ.

Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, кто в первую очередь должен отвечать за развитие башкирской культуры за пределами Республики Башкортостан. (См. приложение № 7) Они могли выбрать не более трех вариантов ответов.

Население Оренбургской и Челябинской областей на первое место поставило пункт «сам народ» – 63% и 60%. Курганские башкиры считают, что за это ответственны башкирские общественные организации – 64%.

Далее мнения расходятся: на второе место в Оренбургской области выходит пункт «башкирские общественные организации» – 62%, 51% отдали предпочтение пункту «Органы государственной власти Республики Башкортостан», далее идет пункт «Органы государственной власти Российской Федерации» – 44%; 41% опрошенных думают, что этим должны заниматься региональные органы государственной власти, 29% – башкирская

интеллигенция и 10% затруднились ответить.

В Челябинской области одинаковое количество респондентов выбрало пункты «Органы государственной власти Российской Федерации» и «Органы государственной власти Республики Башкортостан» – 58%. Далее идет пункт «Башкирские общественные организации» – 51%, и одинаковое количество проанкетированных (27%) считают, что этими вопросами должна заниматься башкирская интеллигенция; 8% затруднились ответить.

62% респондентов из Курганской области ответственность возложили на Органы государственной власти Республики Башкортостан. Органы государственной власти Российской Федерации выбрали 50% и «сам народ» – по 46% опрошенных. Далее идут «региональные органы государственной власти» (41%) и «башкирская интеллигенция» – 37%.

Таким образом, большинство респондентов считает, что развитием башкирской культуры должно заниматься само население, так как это дело каждого человека, и в этом плане не следует ждать помощи со стороны. Большинство населения осознает, что, не культивируя в семье национальные традиции и язык, очень тяжело в последующем оказывать влияние на развитие национального самосознания.

Примечательно и то, что респонденты из Оренбургской области на второе место поставили башкирские общественные организации. В основном региональные и районные курултай башкир. Такие, как Оренбургская областная общественная организация «Курултай (конгресс) башкир» и Общественное движение «Курултай башкир» г. Оренбурга, Оренбургский областной Башкирский центр «Караван-Сарай», Красногвардейское районное башкирское культурно-просветительское общество им. Бурангулова, Александровское районное башкирское культурно-просветительское общество имени Сагита Агиша, вышеупомянутая Орская городская общественная организация татаро-башкирский центр «Туган-тел». Это связано с их активностью. При проведении опроса среди населения оно всегда указывало на представителей общественности, которые ратовали за

сохранение культуры и языка. При детальном опросе населения на предмет деятельности этих организаций, например в Красногвардейском районе Оренбургской области, приводились примеры, когда районным активистом курултая А.И. Калмантаевой были приглашены фольклорные коллективы, организована продажа аудио- и видеокассет с песнями и танцами башкирских коллективов.

Говоря о Челябинской области, подчеркнем, что организованная деятельность общественных организаций отчетливо прослеживается в Аргаяшском районе, где активно работают члены курултая башкир М.И. Салимгареева и учитель Бажикаевской средней школы Р.Ю. Мухаметжанов, который в апреле 1990 года был избран первым председателем созданного Башкирского культурного центра «Аргужа». Они смогли в контакте с администрацией района организовать работу, направленную на сохранение национального самосознания башкир¹. (приложение №3. фото№15)

С 20 июля 1989 года при районном Доме культуры был организован драматический кружок, его создателями стали заслуженный работник культуры Республики Башкортостан С.М. Султанова и заведующий отделом культуры райисполкома Р.Ж. Баязитов. 2 октября 1991 года коллективу было присвоено звание «Народный театр». За время своей работы коллектив театра поставил более двадцати спектаклей. В театре занимались и занимаются увлеченные искусством самодеятельные артисты: супруги Альберт и Аниса Халиковы, Рафис и Назира Нафиковы, Харис Фазуллин, Рафаэль Юмасултанович Мухаметжанов, Фания Хусаиновна Шафикова, Разин Ахметовна Худайбердина, Лутфи Гайфуллович Хайбуллин. Театр принимал участие в фестивалях Республики Башкортостан и Челябинской области.

В домах культуры созданы башкирские коллективы художественной самодеятельности, начали проводиться конкурсы и фестивали национальной культуры. Широкую известность получили народные коллективы

¹ Валеев, Д. Ж. Судьба аргаяшских башкир: история и современность. – Уфа, 2002. – С. 73.

«Умырзая», «Родник» из Красно-октябрьского Дома культуры, «Яшьлек», «Колой мондары» из Кулуевского Дома культуры, вокальная группа «Ретро»¹.

Если сравнивать Аргаяшский район, например с Кунашакским, выявляется совсем иная картина, руководит районным курултаем председатель районной организации ветеранов. При проведенном интервьюировании на улицах райцентра с. Кунашак, знание населением представителей башкирской общественности не выявлено. Поэтому пункт, касающийся башкирских общественных организаций, в Челябинской области оказался лишь на четвертом месте.

Из приведенных выше данных видно, что довольно популярными ответами были государственные органы власти РФ, РБ, региона, но есть определенная разность в ответах между представителями областей. Если в Оренбургской и Курганской областях большее количество башкир связывает сохранение этничности с помощью государственных органов РБ, рассчитывая на большую поддержку республиканских властей, то респонденты из Челябинской области в равной степени рассчитывают на удовлетворение потребностей государственными органами РФ и РБ. При ответе на пункт о региональных органах власти большое количество респондентов из Оренбургской и Курганской областей рассчитывает получить поддержку и понимание от региональных органов. В меньшей степени на такую помощь рассчитывают башкиры из Челябинской области.

И на последнее место представители и той, и другой области поставили пункт о башкирской интеллигенции. Однако если рассматривать в процентном соотношении, то в Оренбургской и Курганской областях он выше, чем в Челябинской. Это является очередным доказательством приведенных выше суждений.

Как видим, население выразило свое мнение об ответственности за развитие башкирского этноса. Теперь ставится задача выяснения возможных

¹ Валиев, Д. Ж. Судьба аргаяшских башкир. – Уфа, 2002. – С. 81.

форм данной помощи. Поэтому предложили респондентам ответить на следующий вопрос: «Какой вид помощи, по их мнению, наиболее эффективен со стороны Республики Башкортостан?» (См. приложение №1 рисунок №8). Респондентам предлагалось выбрать четыре варианта ответа.

Мнения распределились следующим образом: ответ «принимать в вузы РБ учащихся» выбрало большее количество опрошенных – 55%; 69% и 63%, Далее идут ответы «издавать литературу и передавать ее библиотекам Оренбургской, Челябинской и Курганской областей» – 21%; 19% и 16% и последний пункт «присылать специалистов, артистов и др. из РБ» – 24%; 12% и 21% респондентов.

Полученные результаты дают возможность предположить, что большинство опрошенных, как из числа молодежи, так и из числа взрослого населения хотело, чтобы помощь была оказана в виде квот на поступления в вузы РБ. Несмотря на то, что ежегодно за подписью Премьер-министра Республики Башкортостан выделяются квоты в вузы. Раньше давали их только на гуманитарные факультеты вузов, а с 2004 года впервые выделили и в технические вузы. Конечно, всякого желающего, тем более троечника, ни в какой вуз никто не допустит. Однако и выделенные места не всегда используются. Например, в Курганской области в 2006 году остались неиспользованными 2 места в Башкирский государственный медицинский университет. Но большинство населения порой не подозревает об их существовании и поэтому, конечно, хочет их увеличить, так как каждый родитель желал бы видеть своего ребенка получившим высшее образование. Но данная проблема существует и в нашей республике, основная часть башкирского населения проживает на селе и не может получить в большинстве случаев качественного образования, и поэтому ученики из села менее конкурентоспособны в сравнении с учениками из городских школ. Показателен и тот факт, что есть определенная нехватка специалистов. В основном, как видим, данная проблема более существенно проявляется в Оренбургской, чем в Челябинской области. Это связано с тем, что

большинство молодежи, уезжая на обучение или заработки в другие регионы, не возвращается, и поэтому ощущается определенная нехватка национальных кадров. Да и сами жители, в основном, в Оренбургской и Курганской областях в частных беседах говорили о желании переехать при возможности в Республику Башкортостан. Например, житель деревни Старо Юлдашево Арсланов Амир, отправивший сына на обучение в Республиканский башкирский лицей-интернат, не хотел, чтобы его сын Тимур вернулся на малую родину.

Примерно одинаковое количество опрошенных отметили пункт «издание литературы и передача ее школам и библиотекам». В основном, как отмечается сотрудниками Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН в рамках экспедиционных выездов, школы и библиотеки не в должной мере обеспечены новой литературой, она существует лишь в единичных экземплярах. Чаще все учебники советского периода издания. А система обеспечения литературой на родном языке не везде отлажена и носит перманентный характер, когда учебники дарятся во время проведения каких-либо семинаров или знаменательных дат.

Выяснив отношение респондентов к помощи со стороны Республики Башкортостан, мы заинтересовались вопросом возможного вида помощи башкирскому населению со стороны органов государственной власти рассматриваемых областей. (См. приложение №1 рисунок № 9)

На этот вопрос (как видим из графика № 9) подавляющее большинство населения ответило: в обеспечении трансляции башкирского телевидения – 55%; 73% и 49%, далее – в создании национальных творческих коллективов 20%; 16% и 13%, в организации специальных радиопередач – 10%; 5% и 6%, в выпуске газеты на родном языке – 11%; 6% и 27%, в выпуске журнала на родном языке – 4%; 0% и 5%.

Таким образом, подавляющая часть населения прежде всего заинтересовано просмотром телепередач на башкирском языке, так как это наиболее массовый и доступный способ приобщения к национальной

культуре, не требующий затрат на подписку и времени на прочтение, в сравнении с газетами и журналами. Порой это желание доходит до того, что некоторые состоятельные башкиры для просмотра башкирского телеканала БСТ (Башкирское спутниковое телевидение) покупают спутниковые антенны. Например, так сделал житель Новосергиевского района Бахтияров М.Т. На вопрос: «Что вам нравится в башкирском телевидении?» – ответил, что там нет присущих другим каналам реклам алкогольной продукции и передач, развращающих молодежь. Что же касается самих телепередач, то они подготовлены в русле национальных традиций и ценностей башкирского народа. Поэтому он в свободное время предпочитает смотреть телеканал Башкирского спутникового телевидения.

Исходя из результатов опроса, видим, что вторым по значимости население поставило пункт о необходимости создания большего количества творческих коллективов. Незначительный переко существует в сторону Оренбургской области, где в большей мере ощущается нехватка данной составляющей. Конечно, в каждом районе есть свои национальные самодеятельности, но они держатся лишь на энтузиазме. Только в Челябинской области прослеживается определенная организованность. Между органами культуры Челябинской области и Республики Башкортостан существует договоренность о совместных гастролях творческих коллективов. В рамках этой программы организованы плановые гастроли Башкирского театра драмы, Башкирской филармонии, Сибайского государственного драматического театра имени А. Мубарякова по городам и районам области.

Говоря об обеспеченности населения газетами и журналами на башкирском языке, подмечаем, что существует явный переко в сторону Оренбургской области в плане востребованности данной составляющей. Как показал опрос и интервьюирование населения, обеспеченность населения оставляет желать лучшего. На данный момент в Оренбургской области есть лишь одна башкирская газета «Караван-сарай». Учредители: Администрация

области и областной башкирский центр «Караван-сарай». Предпринимаются попытки издания своей газеты национальными группами без помощи администрации, но часто безуспешные. Главная проблема – материальная. В Челябинской области удовлетворение этнокультурных запросов населения в области обеспечения газетами и журналам лучше. Так, в одной из центральных региональных газет «Челябинский рабочий» существует вкладыш на башкирском языке «Башкорт», где население информируется о новостях из жизни башкир Челябинской области и Республики Башкортостан, печатаются объявления о гастролях творческих коллективов и т.д. Также существуют районные газеты, например в Кунашакской районной газете «Знамя труда» есть вкладыши на башкирском языке «Аманат» и татарском – «Чишмә». Но наряду с этим возникают и сугубо технические проблемы: так, в 2004-2005 гг. башкирские газеты не были включены в общероссийский каталог, поэтому башкиры близлежащих областей не могли их выписывать. Собственно Курганская башкирско-татарская газета «Замандаш», учредителем которой является комитет по печати и СМИ Курганской области, несмотря на помощь Министерства печати РФ, не радует читателей запланированным ежемесячным появлением, а бывает лишь приурочена к каким-либо мероприятиям.

Рассматривая помощь Республики Башкортостан и возможных направлений этой помощи в оценках населения нельзя, не отметить тесную работу, организованную между государственными органами нашей республики и близлежащих областей. Отсутствие конфликтов на национальной почве и благоприятная в целом атмосфера межнациональных отношений, конечно во многом является следствием грамотной и разумной политики в этой сфере, которая достигается благодаря постоянным контактам и разработке совместных программ и плана мероприятий региональных властей.

Так, с 1993 г. в Оренбуржье действовали три целевых комплексных программы поддержки развития национальных культур народов

Оренбуржья. В настоящее время реализуется очередная Программа реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2001-2005 гг. Она разработана при непосредственном участии национальных организаций. Наряду с разделами программы по сохранению национальных культур, развитию этнокультурного образования, расширению информационного пространства на разных языках в ней есть специальный раздел по предотвращению и профилактике экстремизма. Финансируются программы из областного бюджета.

В процессе своей деятельности они призваны способствовать сохранению родного языка, народных традиций, сохранять и развивать национальную культуру. Несомненно, национальные организации играют важную конструктивную роль в сохранении стабильности в обществе, в развитии межкультурного сотрудничества, укреплении межэтнических отношений, удовлетворении национально-культурных запросов.

В Оренбуржье разработаны механизмы сотрудничества с национальными организациями. На региональном уровне основными звеньями этого механизма являются:

- областной межнациональный координационный совет;
- совет по делам национальностей при главе администрации области (он же является «Региональным отделением Ассамблеи народов России»);
- участие представителей национальных организаций в работе при Законодательном Собрании области, «круглых столов»;
- совместная подготовка проектов программ, совместная деятельность по реализации всех документов, касающихся национальных и межнациональных проблем.

Самым весомым и эффективным из вышеперечисленных механизмов является Совет по делам национальностей – орган консультативный, совещательный, рекомендательный, но возглавляемый самим главой администрации области. В его составе председатели национально-культурных центров, просветительских обществ, ученые, руководители

комитетов, управлений, сфера деятельности которых соприкасается с межнациональными отношениями, проблемами национальной политики.

В настоящее время на ГТРК «Оренбург» работает редакция межнационального вещания, творческое объединение «Евразия». Ежемесячный журнал на телевидении «Земляки» выходит на языках этнических групп, населяющих область. В нем освещаются обычаи и обряды различных народов, ежегодные праздники – Дни национальных культур, сабантуи, наурузы, религиозные торжества, а также даются зарисовки об интересных людях разных национальностей – художниках, танцорах, певцах, поэтах, кулинарах. Областное радио ведет еженедельные передачи на татарском, казахском, башкирском и украинском языках.

И на радио, и на телевидении еженедельно выходят в эфир концерты по заявкам на татарском и башкирском языках. В регионе на протяжении 10 лет издаются национальные газеты: татарская, казахская, немецкая, башкирская. Соучредителями являются национальные общества и администрация области. Естественно, финансируются они из областного бюджета.

Активную позицию занимает и правительство Челябинской области, разрабатывая программы по удовлетворению национальных потребностей народов, проживающих в регионе.

Так, 10 декабря 1998 года коллегия при губернаторе Челябинской области утвердила «Концепцию региональной национальной политики Челябинской области», которая позиционировалась как система «современных принципов и приоритетов, учитывающая национальные интересы всех народов области, способствующая развитию их самобытности и равноправного сотрудничества и направленная на использование исторического потенциала каждого народа в интересах и во благо всей многонациональной Челябинской области». Возможно, данный документ не получил широкого резонанса за пределами региона, однако сам факт его принятия не мог не вызвать интереса у политически активной части диаспор на территории области.

Челябинская область делает ряд шагов в направлении укрепления отношений с Башкортостаном и Татарстаном, что не только стабилизирует социально-политическую обстановку в области, но и создает совершенно новый межрегиональный «геополитический» расклад.

В начале 2006 года губернатор Челябинской области Петр Сумин и президент Башкортостана Муртаза Рахимов подписали договор о дружбе и сотрудничестве Челябинской области и Республики Башкортостан. Идет активное сближение регионов в экономической сфере.

Что касается Курганской области, то её и Башкортостан связывают не только тесные экономические отношения, но и многовековая общая история, культурно-духовные связи. Договор о дружбе и сотрудничестве между регионами, заключенный 13 марта 1998 года, заложил основу дальнейшему расширению и укреплению исторически сложившихся дружественных и добрососедских отношений. Кабинетом Министров Республики Башкортостан и Курганской областью в 2003 году подписан План мероприятий по сотрудничеству в гуманитарной сфере.

В последние годы в Курганской области, благодаря разработанной и принятой к реализации еще в 1995 г. администрацией области Концепции этнической политики (руководитель проекта В.Д. Уфимцев), сделано очень много. Активно работает Консультативный совет по проблемам национальных отношений, Совет Ассамблеи народов Зауралья. Претворяется в жизнь программа совместной деятельности органов власти и общественных организаций по сохранению и развитию национальных культур народов Зауралья. Налажены тесные контакты с Татарстаном и Башкортостаном по проблемам этнического взаимодействия, создан ряд общественных национальных организаций, локальных этнокультурных центров и т.д.

В настоящее время в Курганской области действует 13 общественных национально-культурных объединений: отделения Всемирного курултая башкир, Всемирного конгресса татар, казахский общественно-культурный центр «Шанрак», азербайджанский культурный центр «Араз», областное

общество российских армян «Арарат», региональная общественная организация чечено-ингушской диаспоры «Вайнах», общество российских немцев «Возрождение», центр русской народной культуры в г. Шадринске, татарская городская организация «Туган тел» («Родной язык») и др. В 2003 г. создан межэтнический парламент – Ассамблея народов Зауралья. В апреле 2000 г. администрацией Курганской области и Думой приняты новые основные направления национальной политики, разработаны специальные мероприятия до 2007 г., в области уже реализованы две программы этнического возрождения¹.

После небольшого обзора мероприятий, проводимых руководством регионов и направленных на сохранение стабильных и толерантных межнациональных взаимоотношений, для анализа эффективности данных мероприятий обратимся к ответам респондентов, опрошенных в ходе исследования.

Ответы на вопросы о состоянии межнациональных отношений являются в какой-то степени оценками политики правительства РФ и региона проживания. Однако одно дело – давать такие оценки в общем, и совсем другое – конкретно оценить деятельность различных органов власти по отношению к определенному народу, проживающему в прилегающих к Башкортостану областях (в данном случае по отношению к башкирскому населению Оренбургской, Челябинской и Курганской областей). В этой связи респондентам было предложено ответить на несколько вопросов: Один из них – «Насколько учитываются интересы представителей вашей национальности в деятельности местных органов власти?» (См. приложение №1 рисунок №10)

Общие результаты ответов распределились следующим образом: 47% опрошенных Оренбургской, 59% Челябинской и 67% из Курганской области считают, что учитываются, 53%; 41% и 33% ответили что, как правило, не

¹ Уфимцев, В. Д. О деятельности Правительства Курганской области по поддержке толерантных, взаимоуважительных отношений и сотрудничества в межконфессиональном сообществе Зауралья // Свобода совести в России: исторический и современный аспект. – М., 2004. – С. 189–192.

учитываются. Можно сделать вывод, что в Челябинской и Курганской областях прослеживается, по-видимому, больший уровень учета интересов башкир в местных органах власти.

Далее ставилась задача выяснить, что думают участники опроса о состоянии межнациональных отношений в России и регионе проживания. Это обусловлено необходимостью, учитывая историческую полиэтничность регионов и то, что в настоящее время в них проживает свыше 100 национальностей, а также особенности расселения башкир в регионе, проанализировать активные межэтнические взаимодействия в прошлом и настоящем. (См. приложение №1 рисунок № 11)

Как видно из графика, лишь башкирам, проживающим в Оренбургской области, в большей степени (62%) приходилось сталкиваться с отрицательными явлениями в сфере межнациональных отношений. Противоположное мнение у башкир Курганской области – 59% из них не сталкивались с подобными проявлениями. Мнения респондентов из Челябинской области разошлись. Половине из них пришлось столкнуться с отрицательными явлениями в сфере межнациональных отношений (52%), а другой половине – нет (48%).

На вопрос об отношении башкирского населения к межнациональным отношениям в России мнения распределились следующим образом. (См. приложение №1 рисунок № 12)

Так, 41 % опрошенных из Оренбургской области считают, что существует верховенство одних наций над другими. 40% склонны считать их добрососедскими. 13% никак не оценивают. 6% утверждают, что в будущем исчезнет разделение по национальному признаку. Несколько отличные данные получены в Челябинской и Курганской областях, 48% и 47% опрошенных оценивают их как добрососедские. 20% и 18% согласны с тем, что существует верховенство одних наций над другими. 25% и 33% никак не оценивают. 7% и 2% думают, что в будущем исчезнет разделение по национальному признаку.

Развивая изучение данного вопроса, также просили респондентов оценить межнациональные отношения региона проживания. (См. приложение №1 рисунок №13). Как видим из таблицы, полученные данные по областям не слишком разнятся с теми, которые получили на предыдущий вопрос. Так, 41% оренбургских башкир согласны с мнением, что у них в области существует верховенство одних наций над другими, 37% считают их добрососедскими. 16% никак не оценивают, 6% думают, что в будущем исчезнет разделение по национальному признаку. 48% и 57% челябинских и курганских башкир оценивают их как добрососедские. 20% и 21% считают, что у них в области существует верховенство одних наций над другими. 18% и 4% думают, что в будущем исчезнет разделение по национальному признаку. 14% и 18% никак их не оценивают.

Для того чтобы выяснить, удовлетворено ли население регионом проживания, задан вопрос: «Ваша область – один из благополучных регионов России?» (См. приложение №1 рисунок №14)

Видим, что варианты ответов, предполагающие отрицательную характеристику благополучного положения Оренбургской области («скорее нет» и «нет») выбрали 21% и 15% респондентов. Затруднились ответить 37%. Причем меньше тех, кто считает их именно «благоприятными» (13%) и «скорее благоприятные» – 14%. В Челябинской области картина противоположна: так, большинство опрошенных (44%) отметили, что считают Челябинскую область скорее благоприятным и 17% – благоприятным регионом. Варианты ответов, предполагающие отрицательную характеристику благополучия региона («скорее нет» и «нет»), выбрали только 10% и 4% респондентов. Затруднились ответить 25%.

Курганская область схожа с Оренбургской: так, большинство опрошенных выбрали варианты ответов, предполагающие отрицательную характеристику благополучия региона («скорее нет» и «нет» – 29% и 27% респондентов). Затруднились ответить 17%. И всего 18% и 9% опрошенных считают область проживания благополучной.

Говоря о социальном развитии населенных пунктов с компактным проживанием башкир, хочу отметить низкий уровень развития экономики, несмотря на удовлетворительную инфраструктуру, которая осталась с советского периода, когда на территории районов было несколько мощных сельскохозяйственных предприятий, которые составляли основу экономики. Например, по сведениям областного департамента экономики, проводящего оценку районов по отдельным показателям на душу населения, Сафакульевский район Курганской области (район компактного проживания башкир) по средней заработной плате и социальным выплатам на одного работника занимает 23-е место из 26. По объему промышленного производства – 24-е место, по поступлениям налогов в территориальный бюджет – 25-е место, по средней зарплате и выплатам социального характера – 23 место. Средняя заработная плата работника за январь-май 2001 г. составила 713,8 рубля (средняя по области - около 2000 рублей)¹.

Основной вид хозяйства населения районов с компактным проживанием башкир – это земледелие и скотоводство. Если до середины 90-х гг. XX века сохранялись колхозы, то теперь их остались единицы. Техника колхозов передана населению, но большинство в нерабочем состоянии. Население живет собственным хозяйством и для того чтобы хоть как-то заработать, содержит крупный рогатый скот. Нередки случаи, когда семья для подготовки ученика в школу прибегает к сбору клюквы или грибов. При этом надо отметить, что сельское население в районе продолжает сокращаться все более растущими темпами. Многие жители деревень из-за отсутствия работы выезжают в города - Оренбург, Самару, Челябинск, Курган, Уфу, а также в северные регионы страны.

Полученные в рамках исследований результаты позволяют сделать ряд выводов, касающихся развития башкирского этноса в отмеченных областях:

¹ Завьялова, О. Г. Природопользование и развитие этногеосистемный анализ. – Тюмень, 2004. – С. 78.

- половозрастная, образовательная, социальная структура этнографических групп башкир не отличается в сравнении с населением Башкортостана;

- активная позиция правительства и общественных организаций Республики Башкортостан во взаимоотношениях с соседними регионами позволяет башкирам сохранять культуру и систему национального образования;

- экономика районов с компактным проживанием башкир остается слабо развитой, в перечисленных регионах идет активный процесс старения и люмпенизации населения: пьянство приобретает все более значительные масштабы, заметная часть молодых, здоровых мужчин не занята в общественном производстве, что, несомненно, отрицательно сказывается на сохранение этнической идентичности;

- незначительна роль местной башкирской интеллигенции и представителей культуры в жизни этнографических групп башкир за пределами Республики Башкортостан;

- в ряде районов Оренбургской, Челябинской и Курганской областей инициатива региональных и муниципальных властей направленная на сохранение идентичности, языка и культуры, восстановление характерных для башкирского этноса принципов культурной самодостаточности не находит поддержки со стороны башкирского населения.

Заключение

Анализ ситуации с формированием новых представлений о себе, о своем месте в современном мире показал, что проблема функционирования этничности и сохранения этнокультурных традиций, продолжает оставаться значимой в постсоветской России. Интенсивные социально-политические и экономические трансформации в стране породили новую этнополитическую и социально-психологическую реальность. Произошли изменения этнополитических статусов этнических групп в областях и республиках России, происходят процессы поиска новой этнической идентификации у представителей титульных этносов, рост этнических миграций, процессы формирования общегражданской идентичности, процессы изменения ценностной структуры индивидуальной и групповой этничности. Происходит смена идентичностей (этнической, социальной, культурной). В результате исследования автор пришел к следующим выводам.

1. Этничность, развиваясь в определенном историческом контексте, напрямую зависит от особенностей политической, экономической и культурной жизни общества. Актуализация этнической идентичности происходит в периоды «особых ситуаций» (как было в начале 90-х гг., в период принятия Декларации о суверенитете Республики Башкортостан в 1990 г., при принятии Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан» в 1999 г., во время Всероссийской переписи населения 2002 г., в периоды реформ по построению вертикали власти, президентских выборов, парламентских выборов и т.д.). Этничность является динамичным, подверженным изменениям феноменом, которой характерна особая пластичность ее компонентов. Анализ динамики этнической идентичности башкир позволил определить наиболее подвижные ее элементы. Наиболее подверженной изменениям и лабильной представилась эмоционально-оценочная компонента этничности. В первую очередь речь идет о значимости этнического фактора в самосознании людей. Если в повседневной жизни

можно наблюдать снижение роли этничности, преобладание общечеловеческих ценностей (семьи, профессии), то в системе этнополитических категорий этническая идентичность укрепила свои позиции.

2. Доминирование в идентификационных матрицах категорий частной жизни отражает озабоченность людей проблемами повседневной жизни. Включение в доминантные позиции категории «профессия» объясняется рядом факторов. Многие ученые, опираясь на результаты общероссийских исследований постсоветского периода, отмечали, что наблюдается тенденция у россиян к ориентации на семью и на адаптацию к экономическим реалиям. Этот период обозначен, по В.А Ядову, как «период восстановления идентификационных побуждений, связанный с началом формирования нового политического и социального пространства», где «интересы большинства все больше актуализируются в сфере повседневных материальных забот»¹.

3. Экономика районов с компактным проживанием башкир остается слаборазвитой, в перечисленных регионах идет активный процесс старения и люмпенизации населения: пьянство приобретает все более значительные масштабы, заметная часть молодых, здоровых мужчин не занята в общественном производстве, что, несомненно, отрицательно сказывается на сохранение этнической идентичности.

4. Немаловажным фактором стал и рост миграционных потоков (как внутренних, так и внешних) в обозначенные регионы, следствием которого является увеличение конкуренции на рынке труда.

5. Как показало исследование, башкиры стали ближе к своему этносу, проявляют больше обеспокоенности за судьбу своего народа. Несколько усилились этноаффилиативные тенденции, что свидетельствует о росте привлекательности своего этноса, стремлении подчеркнуть свое членство в определенной этнической группе. Подтвердилась гипотеза о ведущей роли

¹ Ядов, В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // СОЦИС . – 1994. – № 1. – С. 35–52.

духовной культуры народа в формировании и сохранении этнической идентичности. Традиционные народные и семейные обрядовые праздники доминируют и выступают в качестве значимых. Ориентация на семейную идентичность, как отмечено выше, подтвердилась и в анкетировании по этничности.

6. Одной из особенностей духовной культуры башкирского населения Оренбургской, Челябинской и Курганской областей является то, что на ее развитие оказывают влияние активные межэтнические контакты с другими народами, прежде всего с русскими и татарами. В результате чего происходит заимствование некоторых элементов обрядов, традиций и верований, часть которых стали восприниматься как исконно башкирские.

7. Воздействие массовой культуры, приводящее к процессам культурной ассимиляции, характерно практически для всех народов этих регионов, оказывающих влияние на актуальную (бытующую в современной практике) духовную культуру с постепенным исчезновением традиционных элементов из сферы реального бытования.

8. По данным исследования, межэтнические установки башкир носят толерантный характер и являются благоприятными. Выявлена позитивная этническая идентичность («норма»), которая предполагает соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Наряду с этим произошло увеличение и доли гиперидентичных тенденций, в основном этноизоляционных, скорее всего вызванных большой обеспокоенностью за сохранность своего народа.

9. Выявленная позитивная этничность способствует формированию этнической толерантности, что подтверждается и данными изучения межэтнических установок, которые характеризуются в целом как благоприятные.

10. Существенно увеличилось число отдающих предпочтение этнокультурным и психологическим критериям идентификации над этническими.

11. Зафиксировано увеличение социальной дистанции в сфере семейно-брачных отношений. В целом закрытость сферы семейно-брачных отношений представляет закономерности подтверждающие тенденцию к сохранению самобытности народа, выявленную по другим показателям.

12. Выявлено наличие ориентации Я-образа (по Дж. Де Восу): ориентация не только на прошлое, но и на настоящее и будущее, что дает позитивную направленность будущего развития этноса.

13. Этнообъединяющими символами башкирского народа в современный период выступают семья, культура, язык, земля, черты характера и историческое прошлое, что подтверждается как данными опросов и интервью с представителями этнических групп, так и результатами контент-анализа республиканской и областной прессы.

14. Доказано решающее влияние языка на языковые формы духовной жизни этноса вместе с понижением значимости языка в структуре этнической идентичности с компенсирующим усилением интегрирующей функции других компонентов этнического самосознания.

15. Существует зависимость удовлетворения национальных потребностей населения в рамках системы образования (изучение башкирского языка, истории и культуры народа) от экономического состояния региона, деловой активности и экономической независимости представителей самого этноса.

16. Приобретение башкирами под влиянием бессодержательной кино- и видеопродукции, постоянной рекламы спиртных и табачных изделий, норм и ценностей глобализирующегося мира, нигилизирующих национальное самосознание населения особенно это характерно для городов.

17. Активная позиция правительства и общественных организаций Республики Башкортостан во взаимоотношениях с соседними регионами

позволяет башкирам сохранять культуру и систему национального образования.

18. Анализ материалов исследования показал значимость культуры башкир, которая выступает одной из важных составляющих этноконсолидирующих процессов на современном этапе. Большинство респондентов отметили значимость принятия в феврале 1999 г. Закона РБ «О языках народов Республики Башкортостан», ставшего, наряду с другими событиями современного периода, значимым для всего башкирского народа (в ряде значимых событий были названы: принятие Декларации о Государственном суверенитете Башкортостана от 11 октября 1990 г., принятие Федеративного договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами властей Республики в составе РФ, выборы Президента Республики Башкортостан в 1993 г., 1998 г., 2003 г.).

19. При всех неоднозначных подходах и трактовках исторических событий отмечается большой интерес к истории своего народа и знания о них. Большинство респондентов были хорошо осведомлены и владели фактологическим материалом, демонстрировали знания по истории башкирского народа, апеллируя к историческим датам, событиям, персоналиям, что подтверждает выявленную в нашем исследовании по другим примененным методикам значимость этноконсолидирующей компоненты исторического прошлого башкирского народа для его современных представителей.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

1. Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях : этносоциол. опрос общественного мнения [Текст] / Центр этнол. исслед. УНЦ РАН ; рук С. Ф. Касимов ; исполн. А. И. Тузбеков. – Инв. № 3567899. – Уфа, 2007. – 157 с.

Опубликованные источники

Нормативные акты.

1. РСФСР. Законы. О языках народов РСФСР [Текст] : [федер. закон от 25 окт. 1991 г. № 1807-1: в ред. федер. законов от 24.07.1998 г. № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ] // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 50. – Ст. 1740.

2. Российская Федерация. Законы. Об основах законодательства Российской Федерации о культуре [Текст] : [федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ] // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 46. – Ст. 2615.

3. Российская Федерация. Законы. О национально-культурных автономиях [Текст] : [федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ] // Российская газета. – 1996. – 25 июня.

4. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений и дополнений в закон РСФСР «О языках народов РСФСР» [Текст] : [федер. закон от 24 июля 1998 г. № 126-ФЗ] // Российская газета. – 1998. – 4 авг.

5. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана 1926–1928 гг. [Текст]. Т. 8 / секретариат Гос. Собрания – Курултая Республики Башкортостан ; [сост. А. Б. Юнусова ; археогр. Ю. М. Абсалямов]. – Уфа, 2007.

6. Республика Башкортостан. Декларация. О государственном суверенитете Башкирской Советской Социалистической Республики [Текст] :

[принята Верхов. Советом Башкир. ССР от 11.10.90] // Советская Башкирия. – 1990. – 12 окт.

7. Республика Башкортостан. Конституция. Конституция Республики Башкортостан [Текст] : офиц. текст // Республика Башкортостан. – 2002. – 6 дек.

8. Республика Башкортостан. Законы. Об образовании [Текст] : [респ. закон от 29 окт. 1992 г. № ВС-13/32] // Известия Башкортостана. – 1997. – 23 июля.

9. Республика Башкортостан. Законы. О культуре [Текст] : [респ. закон от 13 июля 1993 г. № ВС-18/19] // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. – 1993. – № 12.

10. Республика Башкортостан. Законы. О национально-культурных объединениях граждан в Республике Башкортостан [Текст] : [респ. закон от 10 февр. 1998 г. № 195-з] // Известия Башкортостана. – 1998. – 5 мая.

11. Республика Башкортостан. Законы. О языках народов Республики Башкортостан [Текст] : [респ. закон от 15 февр. 1999 г. № 216-з] // Известия Башкортостана. – 1999. – 6 апр.

12. Республика Башкортостан. Законы. Об уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан [Текст] : [респ. закон от 3 июля 2007 г. № 450-з] // Республика Башкортостан. – 2007. – 10 июля.

13. Республика Башкортостан. Договора. О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан [Текст] : [постановление Правительства Республики Башкортостан от 3 авг. 1994 г.] // Известия Башкортостана – 1996. – 2 авг.

14. Республика Башкортостан. Договора. О дружбе и сотрудничестве между Республикой Башкортостан и Челябинской областью [Электронный ресурс] : [утв. распоряжением Правительства Республики Башкортостан от

19 марта 1997 г.] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

15. Республика Башкортостан. Договора. О дружбе и сотрудничестве между Республикой Башкортостан и Курганской областью [Электронный ресурс] : [утв. распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 13 марта 1998 г.] // // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

16. Республика Башкортостан. Планы. Целевого приема в 2008 году абитуриентов из субъектов Российской Федерации в государственные образовательные учреждения высшего профессионального образования, действующие на территории Республики Башкортостан [Электронный ресурс] : [утв. распоряжением Правительства Республики Башкортостан от 19 мая 2008 г. №567-р] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

17. Республика Башкортостан. Программы. Возрождение и развитие башкирского народа [Электронный ресурс] : [одобрена постановлением Правительства Республики Башкортостан от 6 ноября 1996 г. № 301] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

18. Республика Башкортостан. Программы. Распространение вещания башкирского спутникового телевидения («БСТ»), радио «Юлдаш» в регионах компактного проживания башкирского населения на 2008–2010 годы [Электронный ресурс] : [одобрена постановлением Правительства Республики Башкортостан от 25 янв. 2008 г. № 12] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

19. Республика Башкортостан. Программы. Башкиры Российской Федерации (на 2008–2017 годы) [Электронный ресурс] : [одобрено постановлением Правительства Республики Башкортостан от 28 дек. 2007 г. № 382] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

20. Республика Башкортостан. Программы. Сохранение, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 годы

[Электронный ресурс] : [одобрена постановлением Правительства Республики Башкортостан от 6 нояб. 1996 г. № 301] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

21. Республика Башкортостан. Концепция национального образования и принципов обучения на родных языках [Электронный ресурс] : [решение коллегии м-ва образования Республики Башкортостан от 26 мая 2005 г. № 6] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

22. Республика Башкортостан. Постановления правительства. О проведении дней Республики Башкортостан в Оренбургской области [Электронный ресурс] : [постановление от 10 сент. 1996 г. № 264] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

23. Республика Башкортостан. Постановления правительства. О государственной программе сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2006–2010 [Электронный ресурс] : [в ред. постановлений Правительства РБ от 09 апр. 2007 № 86, от 29 авг. 2007 № 243, от 11 июня 2008 № 198] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

24. Республика Башкортостан. Соглашения. О сотрудничестве между Республикой Башкортостан и Челябинской областью [Электронный ресурс] : [соглашение от 16 окт. 1998 г.] // КонсультантПлюс : справ. правовая система. – 2008. – Серия 200.

Документы общественных организаций

Республики Башкортостан

1. Всемирный курултай башкир. Первый всемирный курултай башкир [Текст] : стенограф. отчет. – Уфа : Китап, 1998. – 374 с.

2. Обращение I-го съезда БНЦ «Урал» к Совету Национальностей Верховного Совета СССР, Отделу национальных отношений ЦК КПСС, Верховному Совету БАССР, башкирскому обкому КПСС [Текст] // Личный архив автора (копия).

3. Резолюция VI-го внеочередного Всебашкирского съезда «По народному образованию» // Вечерняя Уфа. – 1992. – 6 февр.

4. Устав башкирского центра национальной культуры «Ак тирма» [Текст] : принят учред. конф. 31 марта 1989 г. / Башкир. центр нац. культуры «Ак тирма» // Личный архив автора (копия).

5. Устав башкирского национального центра «Урал» [Текст] : принят учред. конф. 18 февр. 1989 г. / Башкир. нац. центр // Личный архив автора (копия).

6. Устав Союза башкирской молодежи – СБМ [Текст] : принят учред. конф. 15 нояб. 1990 г. / союз башкир. молодежи // Воля. – 1991. – 4 февр.

Статистические материалы.

1. Всероссийская перепись, итоги и результаты [Текст] // Ватандаш. – 2005. – № 12. – С. 18.

2. Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс] / Госкомстат Российской Федерации. – Режим доступа : <http://www.perepis2002.ru>.

Список литературы

1. Авдеев, М. В. Поездка на кумыс [Текст] / М. В. Авдеев. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1987. – 384 с.

2. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. К вопросу о предмете социолингвистики. [Текст] / В. А. Аврорин. – М.: Наука, 1975. – 276 с.

3. Азнабаев, Р. Т. Всемирный курултай башкир – составляющая многогранной национальной политики, проводимой в Башкортостане [Электронный ресурс] / Р. Т. Азнабаев // «Башинформ» : инф. агентство. – Режим доступа: <http://www.bashinform.ru/index.php?id=61154>. – 12.02.08.

4. Акимова, М. С. Антропологические исследования в Башкирии [Текст] / М. С. Акимова // Антропология и геногеография. – М., 1974. – С. 77.

5. Акимова, М. С. Значение данных антропологии, дерматоглифики и серологии для изучения смешанных групп (на башкирском материале) [Текст] / М. С. Акимова // Вопросы антропологии. – 1973. – Вып. 44. – С. 55.
6. Акманов, И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII - первой половине XVIII в. [Текст] / И. Г. Акманов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 156 с.
7. Алексеев, В. Я. Осуществление ленинской идеи фактического равенства народов в автономных республиках Приуралья и среднего Поволжья [Текст] : учеб. пособие / В. Я. Алексеев. – Уфа : Изд-во Башк. ун-та, 1981. – 96 с.
8. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества [Текст] / Б. Андерсон. – М. : Канон пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 288 с.
9. Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие [Текст] / С. А. Арутюнов ; отв. ред. Бромлей Ю. В. ; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 1989. – 246 с.
10. Арутюнов, С. А. Этнические общности доклассовой эпохи [Текст] / С. А. Арутюнов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. – М., 1982. – С. 55–82.
11. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования [Текст] / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, В. С. Кондратьев, А. А. Сусоколов. – М. : Наука, 1984. – 255 с.
12. Арутюнян, Ю. В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание [Текст] / Ю. В. Арутюнян // СОЦИС: Социологические исследования. – 1990. – № 7. – С. 43.
13. Асфандияров, А. З. История сел и деревень Башкирской АССР [Текст] : Кн. 1 / А. З. Асфандияров. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1990. – 206 с.
14. Асфандияров, А. З. История сел и деревень Башкирской АССР [Текст] : Кн. 2 / А. З. Асфандияров. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991. – 192 с.
15. Асфандияров, А. З. История сел и деревень Башкирской АССР [Текст] : Кн. 3 / А. З. Асфандияров. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1993. – 208 с.

16. Ахмадеева, А. А. Регион как объект социологического исследования и управления [Текст] : дис. ... д-ра. соц. наук / А. А. Ахмадеева. – Уфа, 1994. – 184 с.
17. Ахмеров, К. З. Из истории башкирской письменности: (история алфавита и орфографии башкирского литературного языка) [Текст] / К. З. Ахмеров. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1972. – 133 с.
18. Ахметова, Г. Ф. Башкирская женщина и современный город: конфликт или гармония? [Текст] / Г. Ф. Ахметова. – Уфа : РИО РУНМЦ ГКН РБ, 2001. – 205 с.
19. Баимов, Р. В. Время конкретных дел [Текст] / Р. В. Баимов // Наше будущее в консолидации. – Уфа, 1990. – С. 58.
20. Басегян, И. А. Социология культуры и социокультурная ситуация в СССР [Текст] : материалы круглого стола / И. А. Басегян // Социологические исследования. – 1991. – № 11. – С. 54.
21. Башкирия в русской литературе [Текст] : В 6 т. / сост. и авт. предисл. М. Г. Рахимкулов. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1989–2004.
22. Башкирия в Союзе ССР [Текст] : стат. сб. – Уфа, 1982. – 331 с.
23. Башкортостан в политическом пространстве России: зарубежная политология о тенденциях современного развития республики [Текст] / сост. И. М. Габдрафиков, И. В. Кучумов ; пер. с англ. и фр. И. В. Кучумова, Л. Ф. Салибгареевой, А. М. Ротштейна ; под общ. ред. И. В. Кучумова. – Уфа : Здравоохранение Башкортостана, 2004. – 127 с.
24. Бердяев, Н. А. О русском национальном сознании [Электронный ресурс]– Режим доступа: <http://осс.piramidin.com/>
25. Биишев, А. Г. История башкирского народа и его борьба за свободу [Текст] : ист. краев. очерк / А. Г. Биишев. – Уфа : Китап, 1993. – 352 с.
26. Бикбулатов, Н. В. Башкиры: этническая история и традиционная культура [Текст] / Н. В. Бикбулатов, Р. М. Юсупов, С. К. Шитова, Ф. Ф. Фатыхова. – Уфа : Башк. энцикл., 2002. – 248 с.

27. Бикбулатов, Н. В. Семейный быт башкир в XIX–XX вв. [Текст] / Н. В. Бикбулатов, Ф. Ф. Фатыхова ; АН СССР, Урал. отд-ние, Башк. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит. – М. : Наука, 1991. – 189 с.
28. Бикбулатов, Н. В. Башкиры [Текст] / Н. В. Бикбулатов // Народы Поволжья и Приуралья : ист.-этногр. очерки / отв. ред. Н. В. Кузеев. – М., 1985. – С. 682–741.
29. Бикбулатов, Н. В. Башкиры [Текст] : этногр. очерк / Н. В. Бикбулатов. – Уфа : УНЦ РАН, 1995. – 215 с.
30. Бороноев, А. О. Этническая психология [Текст] / А. О. Бороноев, Н. П. Павленко – СПб. : Изд-во С.- Петербургского ун-та, 1994. – 165 с.
31. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 2008. – 440 с.
32. Бромлей, Ю. В. Современные проблемы этнографии [Текст] : очерки теории и истории / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1981. – 390 с.
33. Бромлей, Ю. В. Этнические процессы в современном мире [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1987. – 270 с.
34. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография [Текст] / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1973. – 284 с.
35. Валеев, Д. Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли [Текст] / Д. Ж. Валеев. – Уфа : Китап, 2001. – 348 с.
36. Валеев, Д. Ж. Судьба аргаяшских башкир [Текст] : история и современность / Д. Ж. Валеев. – Уфа : Гилем, 2002. – 155 с.
37. Валеева, Д. Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение [Текст] : из истории борьбы башк. народа за самоопределение / Д. Ж. Валеев. – Уфа : Китап, 1994. – 156 с.
38. Валидов, А. З. Воспоминания [Текст] / А. З. Валидов. – Уфа : Китап, 1994. – 400 с.
39. Валидов, А. З. История башкир; История тюрков и татар [Текст] / А. З. Валидов. – Уфа : Китап, 1994. – 349 с.

40. Вильданов, А. Х. Башкирские просветители демократы XIX века [Текст] / А. Х. Вильданов, Г.С. Кунафин. – М. : Наука, 1981. – 256 с.
41. Винокурова, У. А. Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации [Текст] / У. А. Винокурова. – Новосибирск : Наука, 1992. – 144 с.
42. Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов [Текст] / В. Е. Владыкин. – Ижевск : Удмуртия, 1994. – 384 с.
43. Владыкин, В. Е. Этнография удмуртов [Текст] : учеб. пособие по краеведению / В. Е. Владыкин, Л. С. Христолюбова. – Ижевск : Удмуртия, 1991. – 321 с.
44. Власова, И. В. Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX вв. [Текст] / И. В. Власова – М. : Наука, 2004 – 848 с.
45. Выскочил, А. А. Кросс-культурное исследование этнической идентичности и этнической толерантности в поликультурном регионе (на примере Северного Башкортостана) [Текст] / А. А. Выскочил // Прикладная психология. – 2002. – № 2. – С. 33–44.
46. Габдрафиков, И. М. Республика Башкортостан. Модель этнологического мониторинга [Текст] / И. М. Габдрафиков ; ред. В. В. Степанов. – М. : ИЭА РАН, 1998. – 124 с.
47. Галин С. А. Народной мудрости источник. Башкирский фольклор [Текст] : толковый словарь / С. А. Галин. – Уфа : Китап, 1993. – 224 с.
48. Галлямов, Р. Р. Многонациональный город [Текст] : этносоциол. очерки / Р. Р. Галлямов. – Уфа, 1996. – 200 с.
49. Галлямов, Р. Р. Эволюция доминирующей роли факторов этнической самоидентификации жителей многонационального российского города (на примере Республики Башкортостан) [Текст] / Р. Р. Галлямов // Второй международный конгресс этнографов и антропологов : резюме докл. и сообщ. – Уфа, 1997. – С. 324.
50. Гамперц, Дж. Переключение кодов хинди и пенджаби в Дели [Текст] / Дж. Гамперц, В. Ю. Розенцвейг (сост., вступ. ст. и комм.) // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 192.

51. Гарданов, Г. Т. Гармония двуязычия [Текст] / Г. Т. Гарданов // Наше будущее – в консолидации. – Уфа, 1990. – С. 67–74.
52. Гарипов, Т. М. Этнографическая и языковая характеристика современной Башкирии [Текст] / Т. М. Гарипов // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. – Уфа, 1987. – С. 16.
53. Гатауллин, Р. З. Итоги переписи населения 2002 года: башкиры в регионах России [Текст] / Р. З. Гатауллин // Ватандаш. – 2005. – № 6. – С. 29–34.
54. Гафуров, А. М. Формирование этнической, конфессиональной и гражданской идентичности национальностей Башкортостана в 90-е гг. XX в. [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / А. М. Гафуров. – М., 2000. – 175 с.
55. Геллнер, Э. Нации и национализм [Текст] / Э. Геллнер. – М. : Прогресс, 1991. – 319 с.
56. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества [Текст] / И. Г. Гердер. – М. : Наука, 1977. – 239 с.
57. Гидденс, Э. Социология [Текст] : учеб. пособие для вузов / Э. Гидденс. – Челябинск, 1991. – 340 с.
58. Гилязетдинов, Д. М. Национальные и межнациональные проблемы на современном этапе [Текст] / Д. М. Гилязетдинов, Г. Т. Галлиев, А. А. Толстых. – Свердловск, 1991. – 150 с.
59. Гилязитдинов, Д. М. Некоторые аспекты национальных проблем башкирской молодёжи [Текст] / Д. М. Гилязетдинов // Ватандаш. – 1999, – № 7. – С. 80.
60. Гирц, К. Интерпретация культур [Текст] : пер. с англ. / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 557, [3] с.
61. Горенбург, Дм. О механизмах изменения национальной принадлежности у татар и башкир Башкортостана [Текст] / Дм. Горенбург. – Казань, 1999. – 121 с.
62. Обретая себя [Текст] : проблемы идентичности тюрк. населения Урало-Поволжья на страницах зарубеж. исслед : авториз. пер. с англ. и фр. /

сост. И. В. Кучумов ; под ред. И. М. Габдрафикова. – Казань : Мастер Лайн, 2006. – 131 с.

63. Губогло, М. Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк I. Плоды суверенизации [Текст] / М. Н. Губогло. – М. : ИЭА РАН, 1994. – 41 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ; № 77).

64. Губогло, М. Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк II. Ростки демократизации [Текст] / М. Н. Губогло. – М. : ИЭА РАН, 1994. – 22 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ; № 78).

65. Губогло, М. Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк III. Урожай дезинтеграции [Текст] / М. Н. Губогло. – М. : ИЭА РАН, 1994. – 28 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ; № 79).

66. Губогло, М. Н. Башкортостан и Татарстан. Параллели этнополитического развития. Очерк IV. Выходы реинтеграции [Текст] / М. Н. Губогло. – М. : ИЭА РАН, 1994. – 36 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии ; № 80).

67. Губогло, М. Н. Идентификация идентичности [Текст] : этносоциол. очерки / М. Н. Губогло. – М. : Наука, 2003. – 758 с.

68. Губогло, М. Н. Языки этнической мобилизации [Текст] / М. Н. Губогло. – М. : Шк. Языки рус. культуры, 1998. – 811 с.

69. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Гумбольдт – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

70. Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М. : Кристалл, 2003. – 608 с.

71. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М. : Эксмо-пресс, 2007. – 736 с.

72. Гумилев, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М. : Кристалл, 2003. – 576 с.

73. Гусейнов, Г. Ч. Национальный вопрос попытка ответа [Текст] / Г. Ч. Гусейнов, Д. В. Драгунский // Вопросы философии. – 1986. – № 6. – С. 44.
74. Гидденс, Э. Социология [Текст] : учеб. пособие для вузов / Э. Гидденс. – Челябинск, 1991. – 704 с.
75. Давлетбаев, Б. С. Большая Ока: история села [Текст] / Б. С. Давлетбаев. – Уфа : РИО М-ва печати и средств массовой информ., 1992. – 192 с.
76. Слезлер, Дж. Социология [Текст] / Дж. Слезлер // СОЦИС: Социологические исследования. – 1991. – № 3. – С. 111.
77. Джангильдин, Н. А. Природа национальной психологии [Текст] / Н. А. Джангильдин. – Алма-Ата, 1997. – 215 с.
78. Джангильдин, Н. А. Единство интернационального и национального в психологии советского народа [Текст] / Н. А. Джангильдин. – Алма-Ата, 1989. – 314 с.
79. Дробижеева, Л. М. Духовная общность народов СССР [Текст] : ист.-социол. очерк межнац. отношений / Л. М. Дробижеева. – М. : Мысль 1981. – 263 с.
80. Дробижеева, Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития [Текст] / Л. М. Дробижеева // Советская этнография. – 1985. – № 5. – С. 5–23.
81. Дробижеева, Л. М. Этническая идентичность: советское наследие и современные подходы [Текст] / Л. М. Дробижеева // Население и общество. – 2004. – № 143–144 (26 янв.–8 фев.).
82. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. [Текст] / Л. М. Дробижеева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева, Г. У. Солдатова. – М. : Мысль, 1996. – 382 с.
83. Ерохина, Е. А. К изучению межэтнических взаимодействий: исследовательские подходы [Текст] / Е. А. Ерохина // Этносоциальные процессы в Сибири / СО РАН. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, – 2000. – Вып. 3. – С. 28.

84. Завьялова, О. Г. Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ (на примере Южного Зауралья [Текст] / О. Г. Завьялова. – Тюмень : Изд-во Тюмен. НГУ, 2004. – 320 с.
85. Зарипов, А. Я. Грани этнической идентификации [Текст] / А. Я. Зарипов, Ф. С. Файзуллин // СОЦИС: Социологические исследования. – 1997. – № 8. – С. 12–19.
86. Зарипов, А. Я. Этническое сознание и этническое самосознание [Текст] / А. Я. Зарипов, Ф. С. Файзуллин. – Уфа : Гилем, 2001. – 327 с.
87. Здравомыслов, А. Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян [Текст] / А. Г. Здравомыслов // СОЦИС: Социологические исследования. – 1996. – № 12. – С. 23–33.
88. Зинурова, Р. И. Особенности репродуктивного поведения в российских регионах [Текст] / Р. И. Зинурова // СОЦИС: Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 82-87.
89. Иванов, В. Н. Центр и регионы: единство или дезинтеграция. Россия федеративная: проблемы и перспективы [Текст] / В. Н. Иванов. – М. : ИСПИ РАН, 2001. – С. 26-46.
90. Ильин, И. А. За национальную идею [Текст] / И. А. Ильин // Слово. – 1991. – № 4. – С. 55.
91. Ионин, А. Г. Социодинамика культуры [Текст] / А. Г. Ионин // Социокультурная дифференциация. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 23.
92. Ирназаров, Р. И. Проблемы равенства этносов в Республике Башкортостан [Текст] : дис. ... д-ра соц. наук / Р. И. Ирназаров. – Уфа, 1998. – 148 с.
93. Исакова, Н. В. Культура народов Севера [Текст] : филос.-социол. анализ / Н. В. Исакова ; отв. ред. В. И. Бойко. – Новосибирск : Наука, 1988. – 208 с.
94. Исламшина, Т. Г. Этнические ценности полиэтнического общества [Текст] : социол. очерк / Т. Г. Исламшина. – Казань : Тат. кн. изд-во, 1992. – 345 с.

95. Исхакова, З. А. Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане [Текст] / З. А. Исхакова // Современная этноязыковая ситуация в Республике Татарстан. – Казань, 2002. – С. 6–39.
96. Калимуллин, Б. Г. Планировка и застройка башкирских деревень [Текст] / Б. Г. Калимуллин. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1959. – 107 с.
97. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности : сб. обзоров / РАН, ИНИОН. – М., 2000. – С. 37–64.
98. Касимов, С. Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.) [Текст] / С. Ф. Касимов. – Уфа : Китап, 1997. – 231 с.
99. Кельнер, Б. Мы изучаем жизнь башкир [Текст] / Б. Кельнер // Ватандаш. – 2002. – № 9. – С. 6–7.
100. Киекбаев, Дж. Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка [Текст] / Дж. Г. Киекбаев. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1966. – 275 с.
101. Киекбаев, М. Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность [Текст] / М. Д. Киекбаев. – Уфа, 1998. – 205 с.
102. Киреев, А. Н. Башкирский народный героический эпос [Текст] / Киреев А. Н. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1970. – 304 с.
103. Климова, С. Г. Изменение ценностных оснований идентификации (80–90-е гг.) [Текст] / С. Г. Климова // СОЦИС: Социологические исследования. – 1995. – № 1. – С. 59–72.
104. Козлов, В. И. Некоторые проблемы теории нации [Текст] / В. И. Козлов // Вопросы истории. – 1967. – № 1. – С. 91
105. Козлов, В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса [Текст] / В. И. Козлов // Советская этнография. – 1974. – № 2. – С. 24–38.

106. Колпаков, Е. М. Этнос и этничность [Текст] / Е. М. Колпаков // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 14–15.
107. Кон, И. С. Социология личности [Текст] / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1967. – 383 с.
108. Крюков, М. В. Китайский этнос на пороге средних веков [Текст] / М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софронов. – М. : Наука, 1979. – 327 с.
109. Коротеева, В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках [Текст] / В. В. Коротеева. – М. : Рос. гуманитар. ун-т, 1999. – 112 с.
110. Котожеков, Г. Г. Этническая стратификация и национальная культура [Текст] / Г. Г. Котожеков. – Абакан : Абакан. гос. пед. ин-т, 1991. – 194 с.
111. Кузеев, Р. Г. Зауральские (западносибирские) башкиры [Текст] : (этногр. очерк быта и культуры конца XIX – нач. XX вв.) / Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова // Археология и этнография Башкирии / **ОТВ-ТЬ**. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С. 171–267.
112. Кузеев, Р. Г. Демократия. Гражданственность. Этничность [Текст] / Р. Г. Кузеев ; отв. ред. М. Н. Губогло ; Рос. акад. наук, Центр по изучению межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Центр этнол. исслед. Уфим. науч. центра РАН. – М. : ЦИМО, 1999. – 371 с.
113. Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа [Текст] / Р. Г. Кузеев. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1978. – 263 с.
114. Кузеев, Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала [Текст] : этногенет. взгляд на историю / Р. Г. Кузеев. – М. : Наука, 1992. – 347 с.
115. Кузеев, Р. Г. Происхождение башкирского народа [Текст] : этн. состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. – М. : Наука, 1974. – 571 с.
116. Кульшарипов, М. М. Валидов Ахмет Заки и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.) [Текст] / М. М. Кульшарипов. – Уфа : Башкнигоиздат, 1992. – 157 с.

117. Кульшарипов, М. М. Трагическая демография Башкирского народа [Текст] / М. М. Кульшарипов. – Уфа : Китап, 2002. – 28 с.
118. Кунафин, Г. С. Просветитель и писатель Мухаметсалим Уметбаев [Текст] / Г. С. Кунафин. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1990. – 256 с.
119. Курганские башкиры [Текст] / Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, М.В. Мурзабулатов, З.И. Минибаева. – Уфа : Гилем, 2002. – 216 с.
120. Кушнер, П. И. Национальное самосознание как этнический определитель [Текст] / П. И. Кушнер // Краткие сообщения / Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая. – М., 1949. – Т. 8. – С. 335.
121. Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций [Текст] / Н. М. Лебедева, Т. Г. Стефаненко, О. В. Лунева. – М. : Изд-во ИЭА РАН, 1993. – 195 с.
122. Лурье, С. В. Историческая этнология [Текст] / С. В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
123. Лурье, С. В. Метаморфозы традиционного сознания [Текст] : (опыт разработки теорет. основ этнопсихологии и их применения к анализу ист. и этногр. материала) / С. В. Лурье. – СПб. : Тип. им. Котлякова, 1994. – 288 с.
124. Мавродин, В. В. Формирование русской нации [Текст] : стенограмма публ. лекции, прочит. 7 июня 1947 года в Ленинграде / В. В. Мавродин ; под ред. Н. Н. Степанова ; Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний, Ленингр. отд-ние. – Л. : [б. и.], 1947. – 36 с.
125. Мажитов, Н. А. Всемирный Курултай башкир между I и II съездами [Текст] / Н. А. Мажитов. – Уфа : Гилем, 2002. – 359 с.
126. Мажитов, Н. А. Южный Урал в VII XIV вв. [Текст] / Н. А. Мажитов. – М. : Наука, 1997. – 240 с.
127. Максютлова, Н. Х. Восточный диалект башкирского языка [Текст] / Н. Х. Максютлова. – М. : Наука, 1976. – 126 с.
128. Максютлова, Н. Х. Ключи от духовных кладезей [Текст] : на башк. яз. / Н. Х. Максютлова // Башкортостан. – 1991. – 14 нояб.

129. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука [Текст] : логико-методол. анализ / Э. С. Маркарян. – М. : Мысль, 1983. – 284 с.
130. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию [Текст] : учеб. пособие для вузов / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 2004. – 208 с.
131. Мельков, С. И. Трансформация военной политики России под влиянием исламского фактора [Текст] / С. И. Мельков // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / под ред. А. Малашенко и М. Брилл Олкотт ; Моск. Центр Карнеги. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 2001. – С. 45–71.
132. Стефаненко, Т. Г. Методы этнопсихологического исследования [Текст] : спецпрактикум по соц. психологии / Т. Г. Стефаненко, Е. И. Шлягина, С. Н. Ениклопов ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак. психологии. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 79 с.
133. Мнацаканян, М. О. Интеграллизм и национальная общность как социальная реальность [Текст] / М. О. Мнацаканян // СОЦИС: Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 74–76.
134. Миржанова, С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка [Текст] : (формирование и современное состояние) / С. Ф. Миржанова. – Уфа : Китап, 2006. – 295 с.
135. Муллагулов, М. Г. Этническое самосознание и этнокультурные ориентации башкир-горожан [Текст] / М. Г. Муллагулов // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 36–38.
136. Мурзабулатов, М. В. Брак и семья в Башкортостане [Текст] / М. В. Мурзабулатов. – Уфа : Гилем, 1999. – 218 с.
137. Мурзабулатов, М. В. Города и районы Республики Башкортостан [Текст] : (опыт характеристики выборки для изучения брачно-семейных отношений) / М. В. Мурзабулатов. – Уфа, 1995. – 164 с.
138. Мухтаров, Т. Г. Современный город и башкирская молодежь [Текст] / Т. Г. Мухтаров. – Уфа : Гилем, 2004. – 159 с.
139. Нажми, Н. Почему боязно сейчас [Текст] / Н. Нажми // Башкортостан. – 1992. – 8 мая.

140. Насибуллин, Р. Т. Население Башкортостана: социально-демографический анализ [Текст] / Р. Т. Насибуллин. – М. : Изд-во Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1997. – 160 с.

141. Немысова, Е. А. Этнокультурное содержание образования обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа [Текст] / Е. А. Немысова // Северный регион: наука, образование, культура. –2000. – № 1.

142. Нойман, И. Б. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей [Текст] / Ивэр Б. Нойманн ; пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова ; предисл. А. И. Миллера. – М. : Новое изд-во, 2004. – 336 с.

143. Остроухов, О. В. Социально-политическая ситуация в Башкортостане [Текст] / О. В. Остроухов, А. В. Кузнецова // Россия: центр и регионы. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2003. – Вып. 11. – С. 99–135.

144. Паин, Э. А. Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России [Текст] / Э. А. Паин. – М. : Новое изд-во, 2004. – 248 с.

145. Поздеев, И. Л. Проблемы этнической социализации (на примере удмуртского этноса) [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / И. Л. Поздеев. – Ижевск, 2005. – 196 с.

146. Рахимов, М. Г. О четвертой годовщине Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан [Текст] / М. Г. Рахимов // Известия Башкортостана. – 1994. – 13 окт.

147. Рахимов, М. Г. Договор с Россией – знаменательная веха в истории Республики Башкортостан [Текст] / М. Г. Рахимов // Советская Башкирия. –1994. – 14 окт.

148. Рубан, Л. С. Межнациональные отношения и межконфессиональные противоречия (региональный аспект) [Текст] / Л. С. Рубан // СОЦИС: Социологические исследования. – 1995. – № 4. – С. 97–103.

149. Руденко, С. И. Башкиры [Текст] : ист.-этногр. очерки / С. И. Руденко. – Уфа : Китап, 2006. – 376 с.

150. Руденко, С. И. **Башкиры** [Текст] **Историко-этнографические очерки** / С. И. Руденко. – Уфа : Китап, 2006. – 376 с.
151. Русские [Текст] : этносоциол. очерки / отв. ред. Ю. В. Арутюнян. – М. : Наука, 1992. – 464 с.
152. Рыбаков, С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта [Текст] / С. Г. Рыбаков // Ватандаш. – 2000. – № 5. – С. 88–94.
153. Рыжова, С. В. Некоторые аспекты национального самосознания русских в республиках Российской Федерации [Текст] : (по материалам эмпирич. исслед.) / С. В. Рыжова // Суверенитет и этническое самосознание : идеология практик. – М., 1995. – С. 267–282.
154. Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии [Текст] / П. И. Рычков. – Уфа : Китап, 1999. – 307 с.
155. Сагитов, М. М. Древние башкирские кубаиры [Текст] / М. М. Сагитов. – Уфа : Башкнигоиздат, 1987. – 224 с.
156. Сафин, В.Ф. Психология самоопределения личности [Текст] : учеб. пособие к спецкурсу / В. Ф. Сафин. – Свердловск, 1986. – 142 с.
157. Сафин, Ф. Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана [Текст] / Ф. Г. Сафин. – М. : ИЭА ЦИМО, 1997. – 280 с.
158. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир ; пер. с англ. Е. Н. Перцова ; общ. ред. Е. А. Кибрик. – М. : Прогресс, 1995. – 243 с.
159. Сикевич, З. В. О соотношении этнического и социального [Текст] / З. В. Сикевич // Социология и социальная антропология. – 1999. – № 2. – С. 47–60.
160. Соболева, С. В. Этническое самосознание как важнейший компонент формирования нации: социологический подход [Текст] : материалы конф. / С. В. Соболева, О. В. Ганжур // Этносоциальные процессы в Сибири / Ин-т философии и права СО РАН. – Новосибирск, 1998. – С. 69-83.
161. Советский энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 847 с.

162. Современная западная социология [Текст] : словарь / сост. Ю. Н. Давыдов [и др.]. – М. : Политиздат, 1990. – 432 с.
163. Соколовский, С. В. Самоопределение и проблема меньшинства [Текст] / С. В. Соколовский // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. – М., 1995. – С. 115–132.
164. Солдатова, Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания [Текст] / Г. У. Солдатова // Познание и общение. – М. : Наука, 1988. – С. 111–125.
165. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности [Текст] / Г. У. Солдатова. – М. : Смысл, 1998. – 386 с.
166. Сорокин, П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / П. А. Сорокин // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 460–462.
167. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
168. Социология культуры и социокультурная ситуация в СССР [Текст] : (материалы «круглого стола») // Социологические исследования – 1991. – № 11.
169. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология [Текст] : учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 320 с.
170. Татарко, А. Н. Категориальная структура этнического сознания и межэтническое взаимодействие башкир, русских и татар в Республике Башкортостан [Текст] / А. Н. Татарко // Идентичность и толерантность : сб. ст. / под общ. ред. Н. М. Лебедевой. – М. : Изд-во Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – С. 169–190.
171. Тишков, В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России [Текст] / В. А. Тишков // Федерализм. – 1997. – № 3. – С. 71–108.
172. Тишков, В. А. Идентичность и культурные границы [Текст] / В. А. Тишков // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Моск. Центр Карнеги. – М., 1997. – С. 15–44.

173. Тишков, В. А. О феномене этничности [Текст] / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 1987. – № 3. – С. 19.
174. Тишков, В. А. Очерки теории и политики этничности в России [Текст] / В. А. Тишков. – М. : Рус. мир, 1997. – 532 с.
175. Тишков, В. А. Этнология и политика [Текст] / В. А. Тишков. – М. : Наука, 2001. – 240 с.
176. Токарев, С. А. Проблема типов этнических общностей [Текст] : (к методол. проблемам этнографии) / С. А. Токарев // Вопросы философии. – 1964. – № 11. – С. 43–53.
177. Уметбаев, М. Ядкар [Текст] : [на башк. яз.] / М. Уметбаев. – Уфа : Баш. кн. изд-во, 1984. – 100 с.
178. Уметбаев, М. Башкиры [Текст] / М. Уметбаев // Истоки. – 1991. – № 14.
179. Ураксин, З. Г. Некоторые проблемы социологического изучения языков [Текст] / З. Г. Ураксин // Развитие общественных функций башкирского литературного языка. – Уфа, 1987. – С. 103–110.
180. Успенский, Г. И. От Оренбурга до Уфы [Текст] / Г. И. Успенский. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1982. – 288 с.
181. Уфимцев, В. Д. О деятельности Правительства Курганской области по поддержке толерантных, взаимоуважительных отношений и сотрудничества в межконфессиональном сообществе Зауралья [Текст] / В. Д. Уфимцев // Свобода совести в России: исторический и современный аспект. – М., 2004. – С. 189–192.
182. Файзуллина, Ф. С. Социологические проблемы города [Текст] / Ф. С. Файзуллина. – Саратов : Изд-во СГУ, 1981. – 208 с.
183. Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе [Текст] / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНТУ, 2000. – 466 с.

184. Хайруллина, Н. Г. Динамика социокультурной ситуации на юге Тюменской области [Текст] / Н. Г. Хайруллина, А. Р. Салихова. – Тюмень : Тюмен. ГНГУ, 2004. – 128 с.
185. Харисов, А. И. Литературное наследие башкирского народа [Текст] / А. И. Харисов. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1973. – 416 с.
186. Хисамитдинова, Ф. Г. Башкирская ойкономия XVI–XIX вв. [Текст] / Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа : Башк. кн.изд-во, 1991. – 304 с.
187. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года [Текст] / Э. Хобсбаум. – СПб. : Алетейа, 1998. – 305 с.
188. Хотинец, В. Ю. О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание [Текст] / В. Ю. Хотинец // СОЦИС: Социологически исследования. – 1999. – № 9. – С. 67–75.
189. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание [Текст] / В. Ю. Хотинец. – СПб. : Алетейа, 2000. – 235 с.
190. Хусаинова, Г. Т. Национальные движения в Башкирии [Текст] / Г. Т. Хусаинова // Национальные движения в Башкирии в конце 80-х – начале 90-х годов. – Уфа, 1991. – 277 с.
191. Чагин, Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. [Текст] / Г. Н. Чагин. – Екатеринбург : Сократ, 2002. – 296 с.
192. Чебоксаров, Н. Н. Народы, расы, культуры [Текст] / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
193. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция [Текст] / К. В. Чистов. – СПб. : ОГИ, 2005. – 272 с.
194. Шакиров, З. И. До Уфы рукой подать, если дружба крепка [Текст] / З. И. Шакиров // Трудовая слава. – 2005. – 4 апр.
195. Шакуров, Р. З. Звезда поэзии. (Мифтахетдин Акмулла. Жизнь. Творчество. Мировоззрение) [Текст] / Р. З. Шакуров. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1981. – 144 с.
196. Шакуров, Р. З. XX век и башкиры [Текст] / Р. З. Шакуров. – Уфа, 2005. – 120 с.

197. Шакурова, Г. Р. Этническая идентичность современных башкир [Текст] / Г. Р. Шакурова. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. – 140 с.
198. Шафиков, Г. Г. И совесть и жертвы эпохи [Текст] / Г. Г. Шафиков. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991. – 224 с.
199. Шешукова, Г. В. Этническая идентичность ее значимость в оценках и суждениях населения Оренбургской области [Текст] / Г. В. Шешукова // Ватандаш. – 2008. – №3. – С. 91.
200. Широкогоров, С. М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений [Текст] / С. М. Широкогоров. – Шанхай, 1923. – 134 с.
201. Шитова, С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир [Текст] / С. Н. Шитова. – М. : Наука, 1984. – 194 с.
202. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества [Текст] / П. Штомпка. – М. : Логос, 2008. – 664 с.
203. Этнические и этносоциальные категории [Текст] : свод этнограф. понятий и терминов. Вып. 6. / отв. ред. В. И. Козлов. – М. : ИЭА РАН, 1995. – 216 с.
204. Этносоциальные процессы в Сибири [Текст] : темат. сб. Вып. 2 / под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск : Изд-во ин-та философии и права СО РАН, 1998. – 257 с.
205. Юлдашбаев, А. М. Личность достойная памятников [Текст] / А. М. Юлдашбаев // Агизел. – 1990. – № 3. – С. 111-120
206. Юлдашбаев, А. М. Историк, вошедший в историю [Текст] : (полит. и науч. деятельность проф. Стамбул. ун-та Ахметзаки Валиди Туган) / А. М. Юлдашбаев. – Уфа, 1992. – 324 с.
207. Юлдашбаев, Б. Х. История формирования башкирской нации [Текст] / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1972. – 250 с.
208. Юлдашбаев, Б. Х. Образование БАССР [Текст] : сб. док. материалов / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1959. – 611 с.

209. Юлдашбаев, Б. Х. Башкиры и Башкортостан. XX век [Текст] : этностатистика / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1995. – 104 с.
210. Юлдашбаев, Б. Х. Национальный вопрос в Башкирии накануне и в первый период Октябрьской революции [Текст] / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1984. – 190 с.
211. Юлдашбаев, Б. Х. Новейшая история Башкортостана [Текст] / Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1995. – 139 с.
212. Юлдашбаев, Ю. Х. Проблемы двуязычия в городе [Текст] / Ю. Х. Юлдашбаев // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 87.
213. Юлдашбаев, Ю. Х. Этноязыковые процессы в Башкортостане [Текст] / Ю. Х. Юлдашбаев // Башкиры, татары, русские. – Уфа, 1997. – С. 73–84.
214. Юлмухаметов, М. А. Возрождение и развитие национального образования за пределами Башкортостана [Текст] / М. А. Юлмухаметов, З. Г. Яппарова // Ватандаш. – 2005. – № 1. – С. 38-41
215. Юнусова, А. Б. Ислам в Башкортостане [Текст] / А. Б. Юнусова. – М. : Логос, 1999. – 352 с.
216. Ядов, В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе [Текст] / В. А. Ядов // СОЦИС: Социологические исследования. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
217. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования [Текст] : описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – М. : ИС РАН, 2001. – 640 с.
218. Янгузин, Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России [Текст] / Р. З. Янгузин. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1989. – 191 с.
219. Янгузин, Р. З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. [Текст] / Р. З. Янгузин. – Уфа : Китап, 1998. – 240 с.
220. Abrams, D. Social identification, self-categorization and social influence [Text] / D. Abrams, M. A. Hogg // European review of Social Psychology. – 1990. – № 1. – P. 195–228.

221. Alexander, J. Evaluating Democratic Progress Inside Russia: The Komi Republic and the Republic of Bashkortostan [Text] / J. Alexander, J. Gravingholt // Democratization. Winter. –2002. – Vol. 9, №4. – P. 19–27.

222. Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism [Text] / B. Anderson. – L. ; N. Y., 1983. – 332 p.

223. Barth, F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity [Text] / F. Barth, H. Vermeulen, C. Govers // Anthropology of Ethnicity: Beyond Ethnic Groups and Boundaries. – Amsterdam : Spinhuis, 1994. – P. 179.

224. Bernal, M. E. Ethnic identity: Formation. Transmission among Hispanics. Other minorities [Text] / M. E. Bernal, G. P. Knight. – Albany, 1993. – 283 p.

225. Bogardus, E. S. Stereotypes Versus Sociotypes [Text] / E. S. Bogardus // Sociological and Social Research. – 1950. – № 3. – P. 286–291.

226. Burke, P. Popular Culture in Early Modern Europe [Text] / P. Burke. – N.Y. : Sclar Press, 1994. – 424 p.

227. Davies, J. Ch. Maslow and Theory of Political Development. Getting to Fundamentals [Text] / J. Davies // Political Psychology. – 1991. – Vol. 12, № 3. – P. 416–417.

228. Erikson, E. Psychosocial Identity. A Way of Looking at Things [Text] / E. Erikson. – N. Y., 1995. – 322 p.

229. Giddens, A. Capitalism and modern social theory [Text] / A. Giddens. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – 422 p.

230. Gordon, M. Assimilation in American Life [Text] : the Role of Race, Religion and National Origins / M. Gordon. – Oxford : Oxford University Press 1964. – 276 p.

231. Grävingholt, J. Regionale Autonomie und postsowjetischer Autoritarismus: die Republik Baschortostan [Text]. T. I : Politischer Umbruch und Neuordnung der Institutionen / J. Grävingholt. – Köln, 1999.

232. Grävingholt, J. Regionale Autonomie und postsowjetischer Autoritarismus: die Republik Baschortostan [Text]. Teil II : Herrschaftspraxis und föderale Beziehungen / J. Grävingholt. – Köln, 1999.

233. Hale, H. Machine Politics and Institutionalized Electorates [Text] : a Comparative Analysis of Six Duma Elections in Bashkortostan / H. Hale // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 1999. – Vol. 15, № 4. – P. 70–110.

234. Hale, H. Bashkortostan: the Logic of Ethnic Machine Politics and the Consolidation of Democracy [Text] / H. Hale // Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993. – Washington : Brookings Institution Press, 1998. – P. 599–636.

235. Horowitz D. L. Ethnic Identity [Text] / Donald L. Horowitz. – N. Y : New York University Press, 1992. – 229 p.

236. Neumann, I. B. Uses of the other. «The East» in European Identity Formation [Text] / Iver B. Neumann. – Minnesota : University of Minnesota Press. 1998. – 281 p.

237. Kuhn, M. An Empirical Investigation of Self-attitudes [Text] / M. Kuhn, T. Mc Partland // American Sociological Review. – 1954. – Vol. 19, № 1. – P. 67.

238. Torrivellec, X. le. Entre steppes et steles [Text] : Territoires et identites au Bachkortostan / X. le Torrivellec // Cahiers du Monde russe. – 2000. – № 41/2-3. – P. 369–400.

239. Ocampo, K. A. Gender, race, and ethnicity: the sequencing of social constancies [Text] / K. A. Ocampo, M. E. Bernal, G. P. Knight // Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. – Albany, 1993. – P. 11–30.

240. Olzak, S. Analysis of Events in the Study of Collective Action [Text] / S. Olzak // Annual Review of Sociology. – 1989. – № 15. – P. 119–141.

241. Okamura, J. Situational Ethnicity [Text] / J. Okamura // Ethnic and Racial Studies. – 1981. – Vol. 4 – P. 452–465.

242. Phinney, J. S. A three-stage model of ethnic identity development in adolescence [Text] / J. S. Phinney // Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. – Albany, 1993. – P. 61–79.

243. Schuetz A. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action [Text] / A. Schuetz // Philosophy and Phenomenological Research – 1953. – Vol. 14, № 1. – P. 1–38.

244. Sollors, W. Foreword: Theories of American Ethnicity [Text] / W. Sollors // Theories of Ethnicity : a Classical reader. – N. Y., 1996. – P. 95–106.

245. Tajfel, H. The Social Identity Theory of Inter group Behavior [Text] / H. Tajfel, J. C. Turner // Psychology of Intergroup Relations. – Chicago, 1986, – P. 7–24.

246. Turner, J. C. Towards a cognitive redefinition of the social group [Text] / J. C. Turner // Social Identity and Intergroup Relation. – Cambridge. – Paris, 1982. – P. 15–40.

247. Berghe, P. L. van den. The Ethnic Phenomenon [Text] / P. L. van den Berghe. – N. Y. : Elsevier, 1981. – 239 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1 (Составлено на основе опроса: Социально-политическая ситуация, этнокультурные традиции и функционирование этничности в Республике Башкортостан, Оренбургской, Челябинской и Курганской областях [Текст] / Этносоциологический опрос общественного мнения. Центр этнологических исследований УНЦ РАН; рук.: С. Ф. Касимов; исполн.: А. И. Тузбеков – Уфа, 2007 г. – 157 с. – Инв. № 3567899.)

Рисунок №1

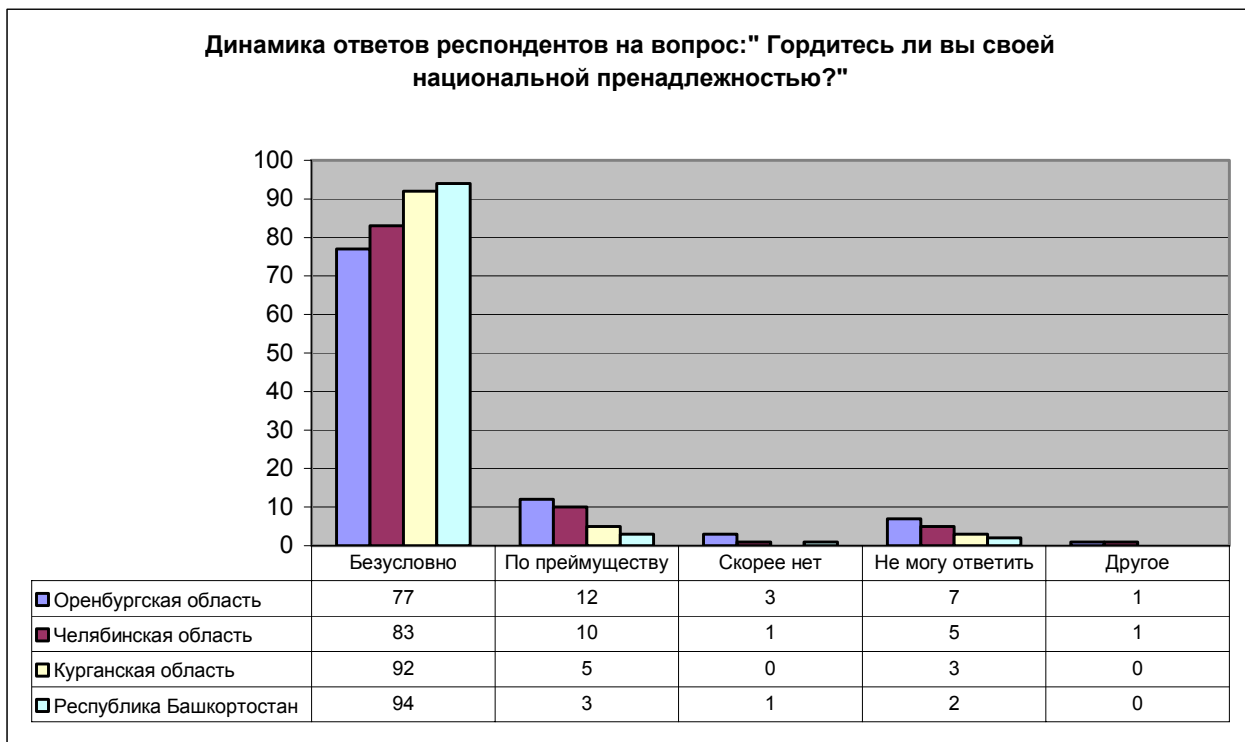

Рисунок №2

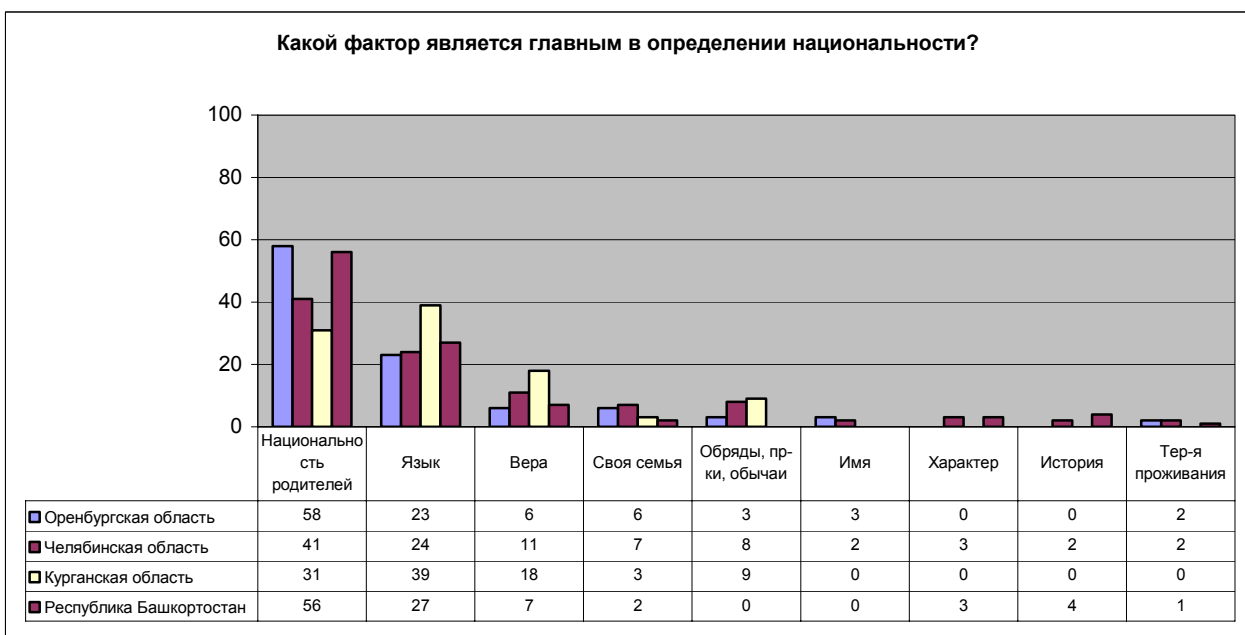

Рисунок №3

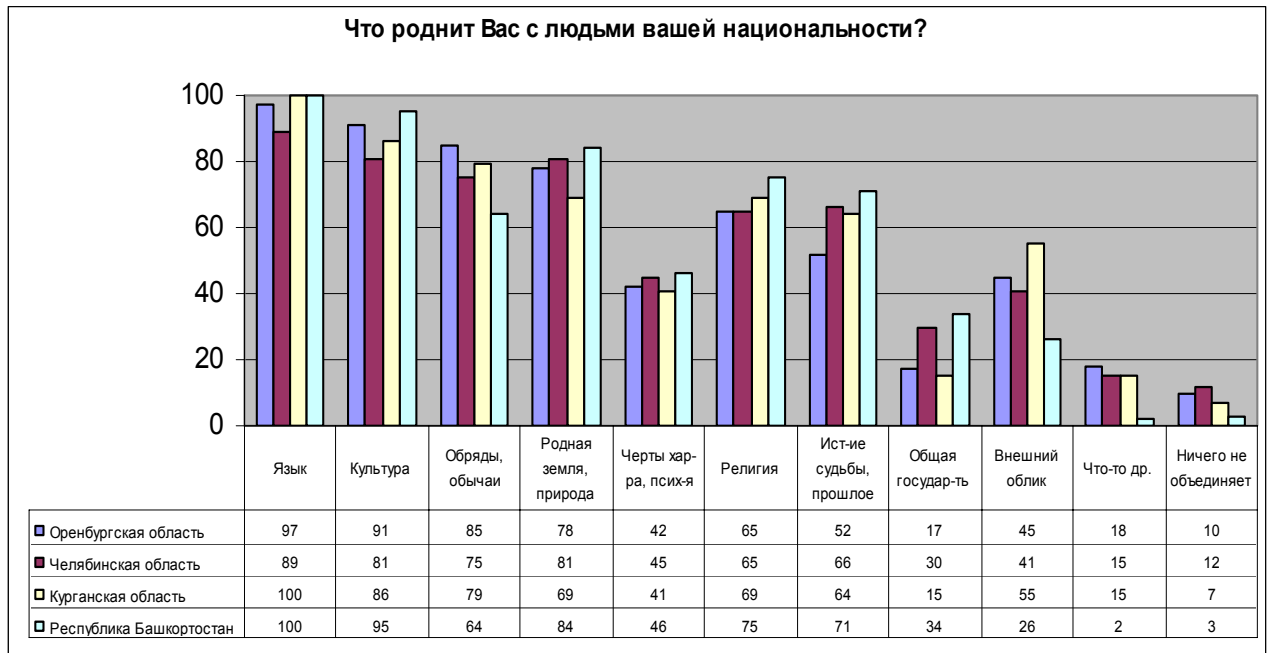

Рисунок №4

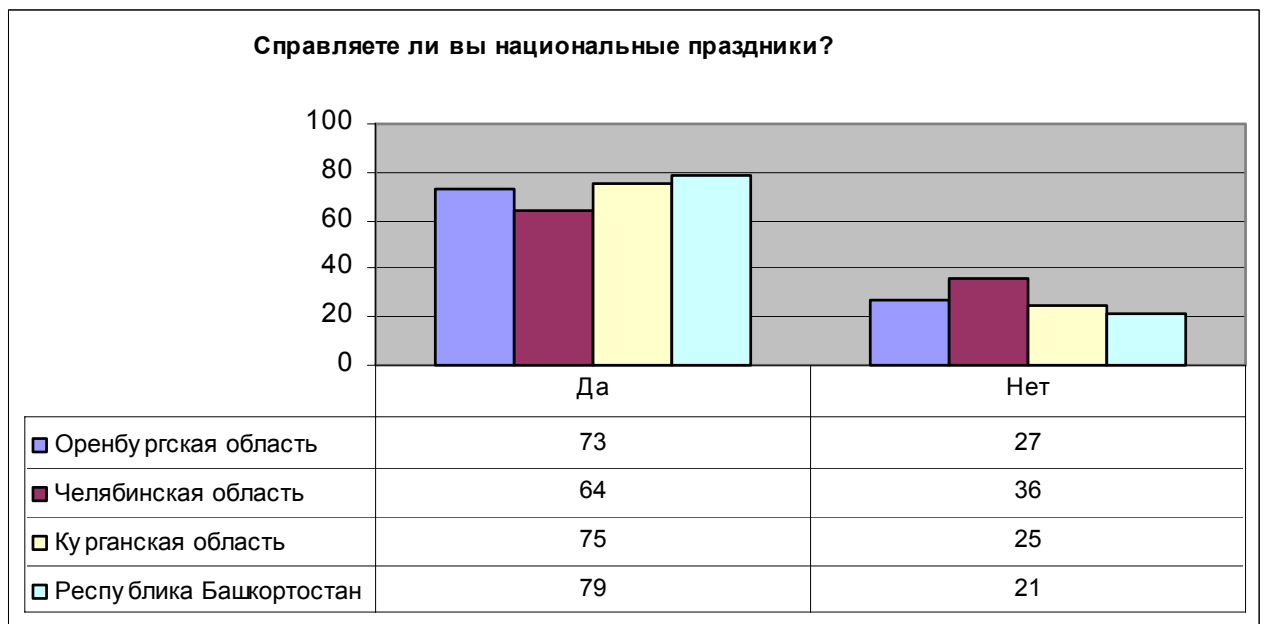

Рисунок № 5

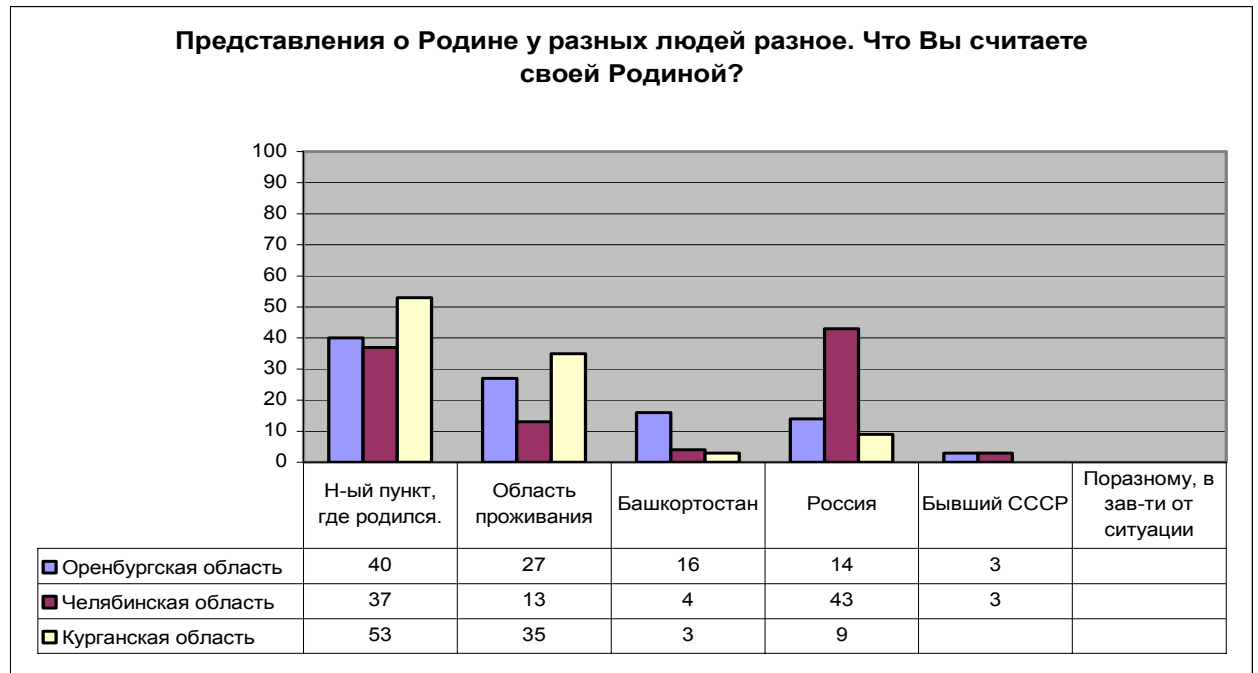

Рисунок № 6

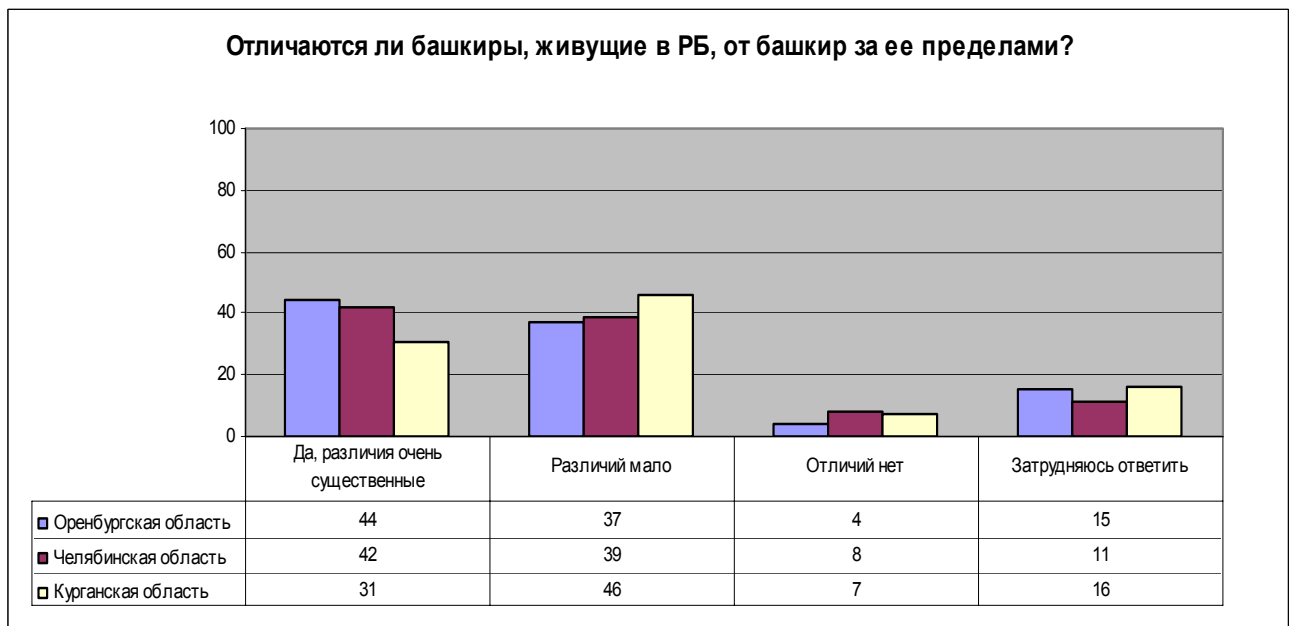

Рисунок № 7

Рисунок № 8

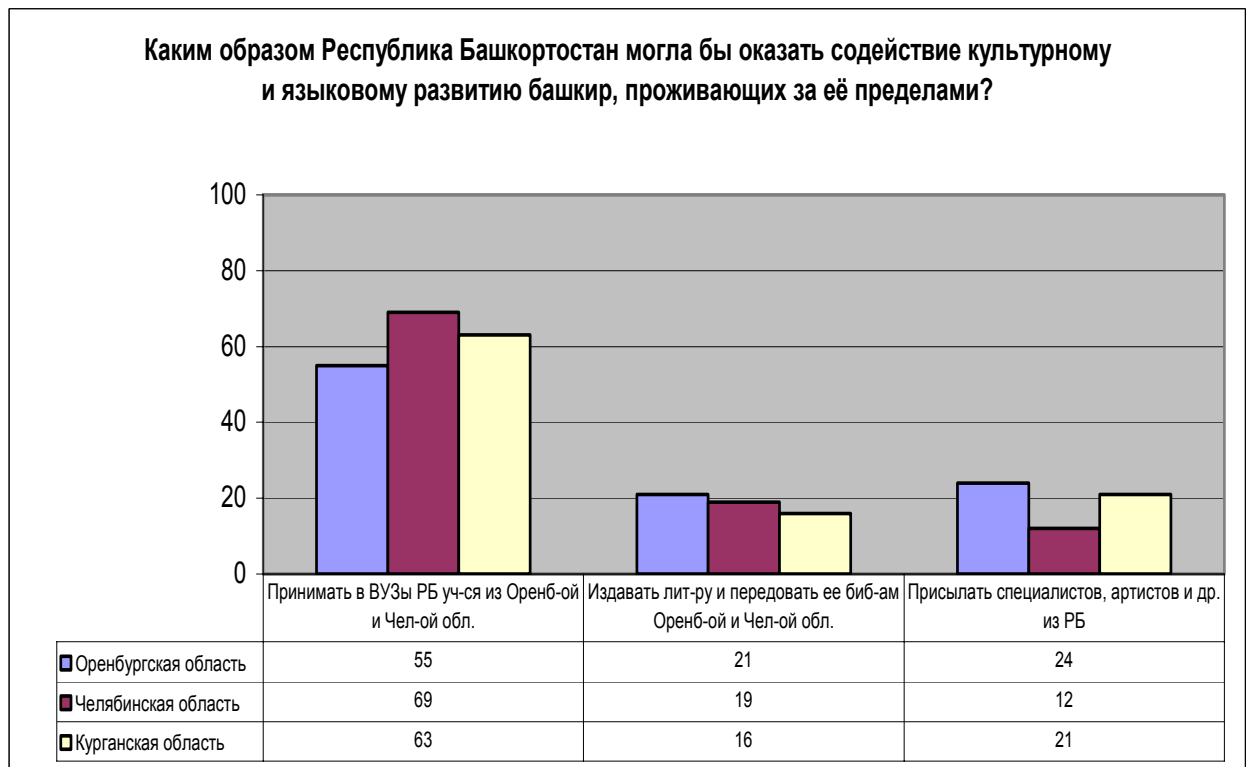

Рисунок № 9

Рисунок № 10

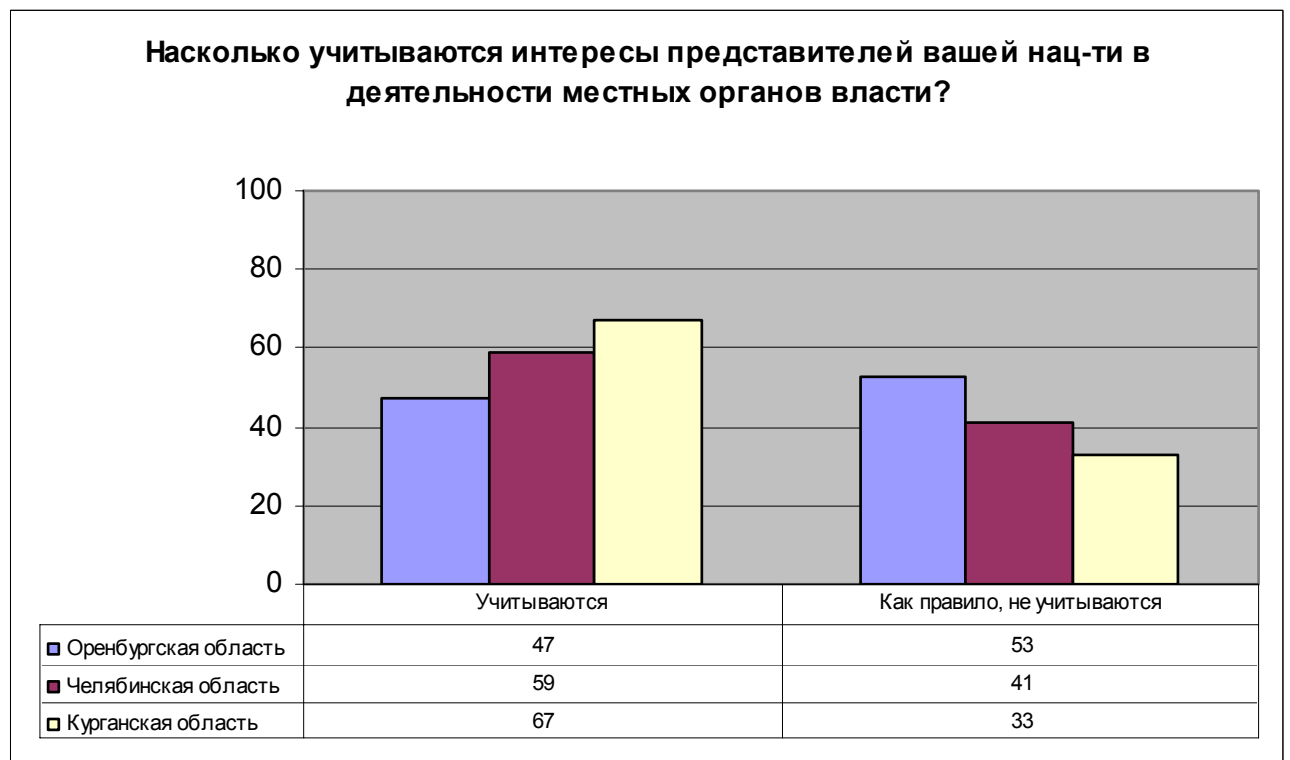

Рисунок № 11

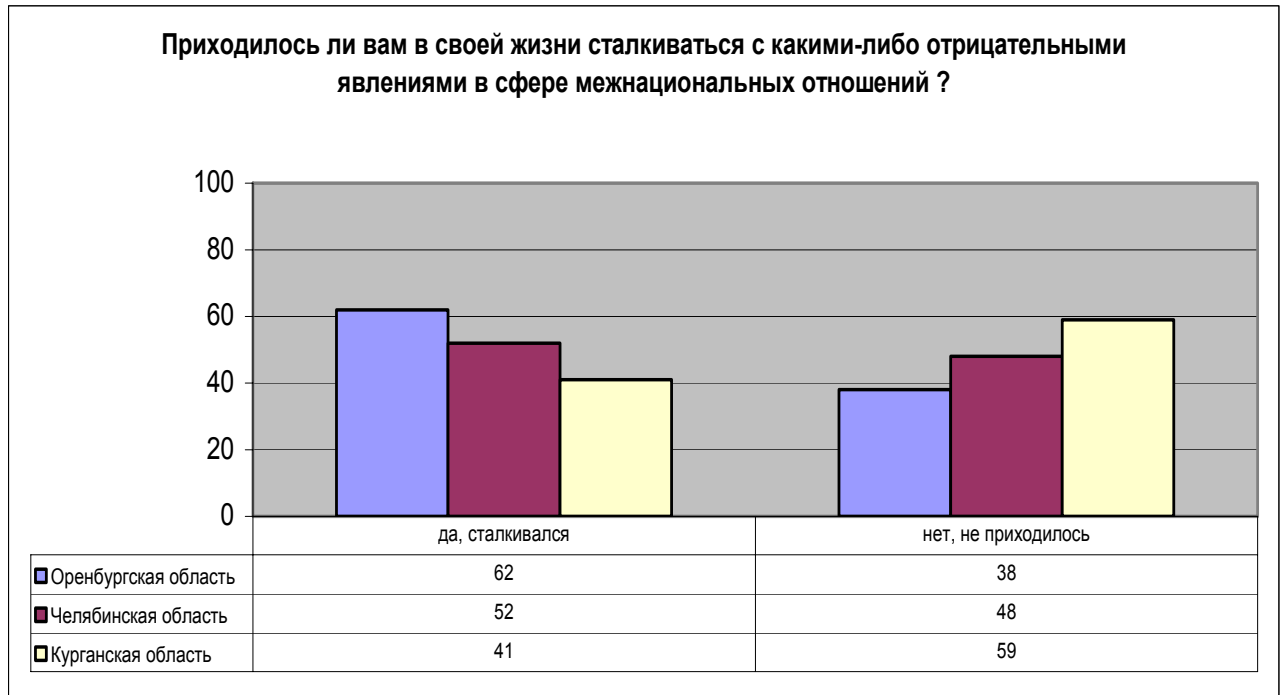

Рисунок № 12

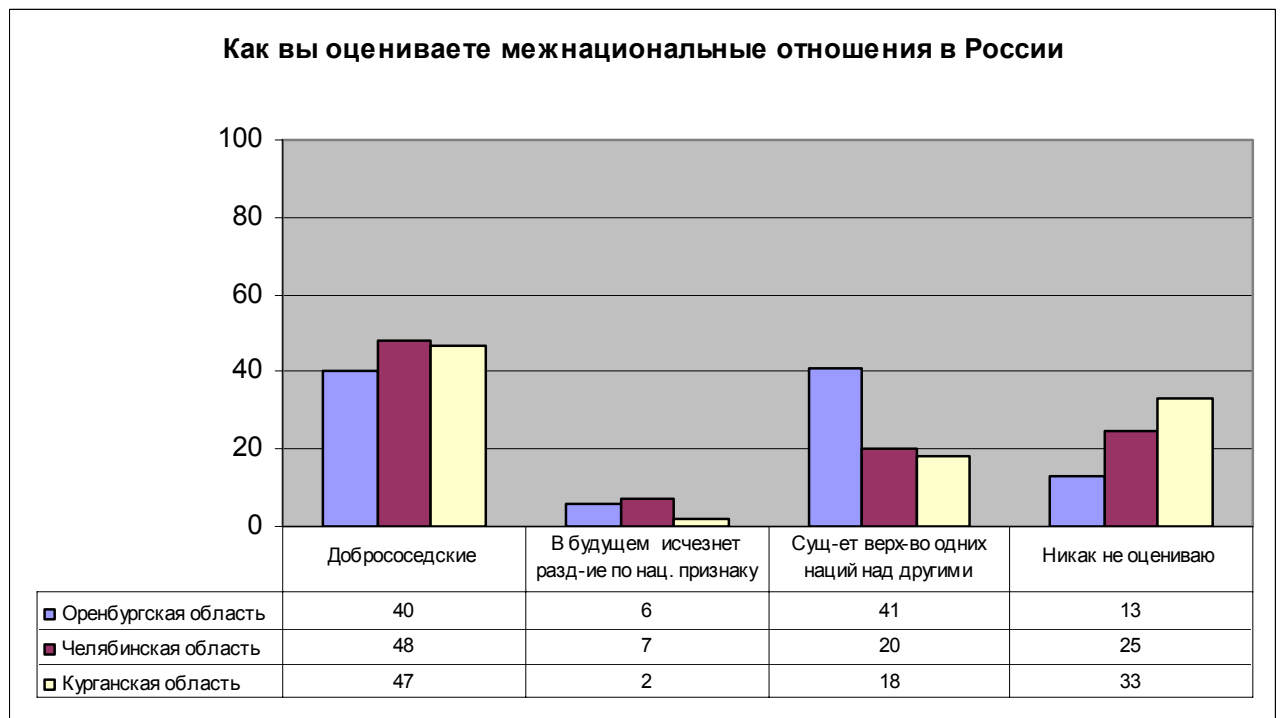
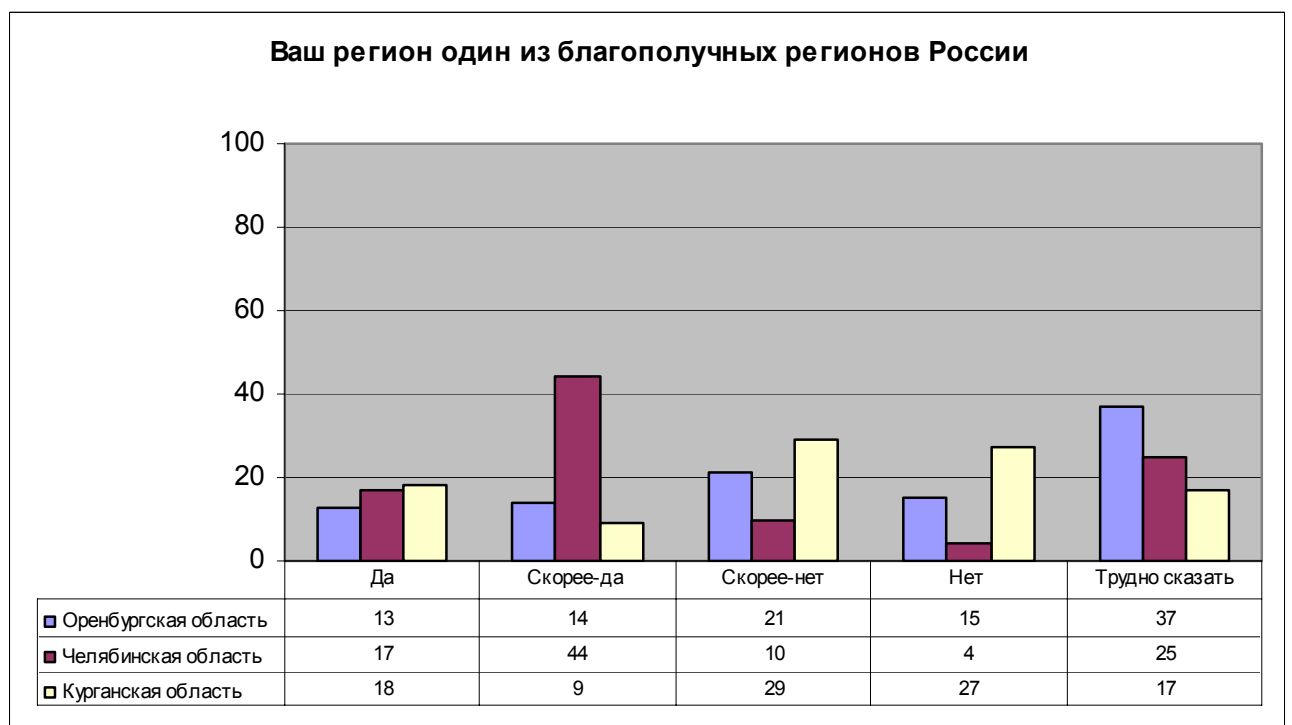

Рисунок №13

Рисунок №14

Приложение №2

Пример анкеты: «Этнокультурные традиции и функционирование этничности башкир Курганской области»

	1. Ваш пол	1
1	Мужской	2
2	Женский	3
	2. Ваш возраст ?	4
1	15-25	5
2	25-35	6
3	35-45	7
4	45-60	8
5	60 и более	9
	3. Где Вы живете в настоящее время? (Напишите, пожалуйста)	10
1	Страна	11
2	Область/республика	12
3	Город/село	13
4	Район	14
	4. Скажите, пожалуйста, какое у Вас образование?	15
1	Начальное	16
2	Неполное среднее	17
3	Среднее	18
4	Среднее специальное	19
5	Незаконченное высшее	20
6	Высшее	21
7	Ученая степень	22
8	Другое	23
9	Затрудняюсь сказать	24
	5. Посмотрите, пожалуйста, на список. К какой группе Вы себя относите?	25
1	Руководители предприятия, организации	26
2	Работники государственного аппарата	27
3	Специалисты, инженерно-технические работники	28
4	Служащие	29
5	Неквалифицированные рабочие	30
6	Квалифицированные рабочие	31
7	Крестьяне	32
8	Предприниматели	33

9	Военные	34
10	Учащиеся	35
11	Домохозяйки	36
12	Пенсионеры	37
13	Безработные	38
14	Другая группа (какая, укажите)	39
	6. К какой национальности Вы себя относите? (Напишите)	40
1	башкир (ка)	41
2	татарин (ка)	42
3	русский	43
4	другой _____	44
	7. Есть ли другая национальность, к которой Вы себя относите? Есть ли есть, то какая?	45
	_____	46
	8. Скажите, что роднит Вас с людьми Вашей национальности? (Выберите 6 признаков)	47
1	Язык	48
2	Культура	49
3	Обряды, обычаи	50
4	Родная земля, природа	51
5	Черты характера, психология	52
6	Религия	53
7	Исторические судьбы, прошлое	54
8	Общая государственность	55
9	Внешний облик	56
10	Что-то другое (что именно?)	57
11	Ничего не объединяет	58
	9. Здесь приводятся разные суждения о национальной принадлежности. Какое из них больше соответствует Вашему мнению? (Выберите одно из двух)	59
	А	60
	1. Я редко задумываюсь о том, кто я по национальности.	61
	2. Я никогда не забываю о том, кто я по национальности	62
	3. Затрудняюсь ответить	63
	Б	64
	1. Современному человеку необязательно чувствовать себя частью какого-то народа	65
	2. Современному человеку необходимо ощущать себя часть своего народа	66
	3. Затрудняюсь ответить	67
	10. Что (кто) больше всего влияет на Ваши национальные чувства, представления, знания? (Укажите не более трех)	68

1	Телевидение, радио, газеты, журналы Башкортостана	69
2	Башкирские газеты, журналы	70
3	Башкирская художественная литература	71
4	Башкирские школы, занятия, курсы	72
5	Религиозные институты (мечеть, церковь)	73
6	Национальные деятели	74
7	Родители, семья	75
8	Представители башкирской общины	76
9	Другое (что именно, укажите)	77
	11. Гордитесь ли Вы своей национальной принадлежностью?	78
1	Безусловно	79
2	По преимуществу	80
3	Скорее нет	81
4	Отнюдь нет	82
5	Не могут ответить	83
6	Другое	84
	12. Кем вы себя ощущаете?	85
1	Ощущаю себя 100% башкиром	86
2	Чувствую себя больше русским, чем башкиром	87
3	Чувствую себя русским и башкиром в равной степени	88
4	Чувствую себя больше татаринком, чем башкиром	89
5	Чувствую себя татаринком и башкиром в равной степени	90
6	Чувствую себя просто гражданином России	91
7	Другое	92
	13. Что сближает всех башкир?	93
1	Национальный язык	94
2	Национальная одежда, пища	95
3	Национальные обычаи, обряды, привычки	96
4	Общность исторической судьбы	97
5	Национальная литература, культура	98
6	Гордость за прошлое своего народа	99
7	Это трудно выразить	100
8	Абсолютно ничто не сближает	101
	14. Насколько важно, по Вашему мнению, учить детей, что бы они...	102
1.	Уважали национальную культуру, обычаи и традиции своих предков	103
	Важно	104
	Неважно	105
	Затрудняюсь ответить	106

2.	Знали язык своих предков		107
		Важно	108
		Неважно	109
		Затрудняюсь ответить	110
3.	Заботились об интересах коллектива, а не только о себе		111
		Важно	112
		Неважно	113
		Затрудняюсь ответить	114
4.	Умели зарабатывать деньги		115
		Важно	116
		Неважно	117
		Затрудняюсь ответить	118
5.	Придерживались религии своих предков		119
		Важно	120
		Неважно	121
		Затрудняюсь ответить	122
	15. Вы верующий человек?		123
1	Да, верующий, стараюсь соблюдать обычаи и обряды		124
2	Да, но не соблюдаю обычаев и обрядов		125
3	Сомневающийся		126
4	Неверующий, но уважаю чувства тех, кто верует		127
5	Неверующий, считаю, что с религией надо бороться		128
6	Затрудняюсь ответить		129
	16. Если Вы верующий, то к какой религии Вы принадлежите?		130
1	Ислам		131
2	Православие		132
3	Верю в бога, но не разбираюсь в религиях		133
4	Верю в своего бога		134
5	Верю в высший разум		135
6	Другое (что?)		136
	17. В чем выражается Ваша вера? (возможно несколько вариантов ответа)		137
1	Читаю религиозную литературу		138
2	Соблюдаю пост		139
3	Отмечаю религиозные праздники		140
4	Молюсь		141
5	Посещаю занятия по основам ислама (православия, другой религии)		142
6	Стараюсь жить по основам добра и справедливости		143
7	Что еще? (запишите)		144
	18. В какой степени Вы владеете башкирским языком?		145
1	Совершенно свободно		146

2	Читаю и пишу свободно	147
3	Хорошо, но не свободно	148
4	Свободно читаю, но не пишу	149
5	Плохо	150
6	Понимаю, но не говорю	151
7	Совсем не говорю	152
8	Затрудняюсь ответить	153
	19. Причины выбора родного языка?	154
1	Это язык моей национальности	155
2	Это язык, который я лучше знаю	156
3	Это язык, на котором говорят вокруг	157
4	Это язык, на котором я научился говорить	158
5	Другой ответ	159
	20. Умеют ли Ваши дети говорить на башкирском языке?	160
1	Свободно говорят на родном языке,	161
2	Плохо владеют языком,	162
3	Понимают, но разговорной речью совсем не владеют	163
4	Не владеют языком	164
5	Не понимает и не говорит	165
	21. Разговорный язык дома и на работе?	166
1	только башкирский	167
	Дома	168
	На работе	169
2	в основном башкирский	170
	Дома	171
	На работе	172
3	в основном русский	173
	Дома	174
	На работе	175
4	только русский	176
	Дома	177
	На работе	178
5	в основном татарский	179
	Дома	180
	На работе	181
6	только татарский	182
	Дома	183
	На работе	184
7	другой язык _____	185

	22. Степень владения чтением и письмом на башкирском языке ?		186
1	чтение	Свободно	187
		С трудом	188
		Не умеет	189
2	письмо	Свободно	190
		С трудом	191
	23. На каком языке Вы преимущественно обучались в школе?		193
1	На башкирском		194
2	На русском		195
3	На башкирском и русском		196
4	На другом языке		197
	24. Предпочтение в		198
1	разговоре		199
		на башкирском	200
		на русском	201
		нет различий	202
2	чтение		203
		на башкирском	204
		на русском	205
		нет различий	206
3	письме		207
		на башкирском	208
		на русском	209
		нет различий	210
4	просмотре телевизора и прослушивании радио		211
		на башкирском	212
		на русском	213
		нет различий	214
	25. Какими языками Вам бы хотелось, что бы прежде всего владели Ваши дети?		215
1	Башкирским		216
2	Русским		217
3	Татарским		218
4	Другим		219
	26. Справляете ли Вы национальные праздники?		220
1	Да (укажите, какие) _____		221
2	Нет		222
	27. Считаете ли Вы необходимым проведение для башкир следующих обрядов?		

	(отметьте, если «да»)	223
1	«исем кушу» (религиозное имя наречение)	224
2	«суннат» (обрезание)	225
3	«никах» (религиозное бракосочетание)	226
4	«жиназа уку» (погребальная молитва)	227
	28. Представления о Родине у разных людей различные. Что Вы считаете своей Родиной?	228
1	Населенный пункт, где родился, вырос (выросла), живу	229
2	Курганская область	230
3	Челябинская область	231
4	Башкортостан	232
5	Россия	233
6	Бывший СССР	234
7	По - разному, в зависимости от ситуации	235
8	Другое (что именно?)	236
9	Затрудняюсь ответить	237
	29. А теперь позвольте задать Вам несколько вопросов о Вашем характере. Можно ли сказать, что Вы человек...	238
1	Считающий, что межнациональные браки ведут к исчезновению нации?	239
	Да	240
	Нет	241
	Затрудняюсь	242
2	Который никогда серьезно не относился к межнациональным проблемам?	243
	Да	244
	Нет	245
	Затрудняюсь	246
3	Который раздражается при близком общении с людьми других национальностей?	247
	Да	248
	Нет	249
	Затрудняюсь	250
4	Считающий, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа	251
	Да	252
	Нет	253
	Затрудняюсь	254

30. Как Вы думаете, отличаются ли башкиры, живущие в Республике Башкортостан, от башкир за ее пределами?		255
1	Да, различия очень существенные	256
2	Различий мало	257
3	Отличий нет	258
4	Затрудняюсь ответить	259
31. На ваш взгляд, какие условия сейчас более всего необходимы для сохранения и развития башкирского народа? Ответы проранжируйте (поставьте цифры по значимости условия: 1-самое важное, 2-второе по значимости, 3-следующее и т.д.)		260
1	_. Возрождение и развитие национальной культуры	261
2	_. Поддержка религии	262
3	_. Поддержка языка	263
4	_. Развитие рыночной экономики	264
5	_. Наведение порядка в стране	265
6	_. Обеспечение интересов башкирского народа в руководящих органах моего региона	266
7	_. Укрепление самостоятельности, суверенитета Республики Башкортостан	267
8	_. Сохранение и укрепление единства башкирского народа	268
9	_. Укрепление связей и оказание помощи башкирской диаспоре	269
10	_. Расширение деятельности общественных объединений башкир	270
11	_. Расширение информационных ресурсов (Интернет, СМИ, учебники)	271
12	_. Затрудняюсь ответить	272
32. Как Вы считаете, кто, в первую очередь, должен отвечать за развитие башкирской культуры за пределами Республики Башкортостан? (выберите не более трех)		273
1	Органы государственной власти Российской Федерации	274
2	Органы государственной власти Республики Башкортостан	275
3	Региональные органы государственной власти	276
4	Башкирские общественные организации	277
5	Башкирская интеллигенция	278
6	Сам народ	279
7	Другой ответ (напишите)	280
8	Затрудняюсь ответить	281
33. Каким образом Республика Башкортостан могла бы оказать содействие культурному и языковому развитию башкир, проживающих за ее пределами? (напишите, пожалуйста)		282
1	Принимать в ВУЗы РБ учащихся из Курганской области	283
2	Издавать литературу и передавать ее библиотекам Курганской области	284
3	Присылать специалистов, артистов и др. из РБ	285
4	Другое _____	286
34. Какие меры на Ваш взгляд, могли бы наиболее эффективно способствовать усилению контактов между башкирами?		287

		289
	35. Как часто вы слушаете радиопередачи на башкирском языке?	290
		291
	36. В какой помощи со стороны государственных органов нуждается башкирское население вашего города, села, деревни?	292
		293
1	В обеспечении трансляции передач башкирского ТВ или организации специальных передач	294
2	В организации специальных радиопередач	295
3	В создании национальных творческих коллективов	296
4	В выпуске газеты на родном языке	297
5	В выпуске журнала на родном языке	298
	37. Насколько учитываются интересы представителей вашей национальности в деятельности местных органов власти?	299
1	Учитываются	300
2	Как правило, не учитываются	301
	38. Готовы ли Вы принять человека другой национальности в качестве	302
1	Гражданина Вашей области	303
2	Ближайшего партнера в совместном деле	304
3	Непосредственного начальника	305
4	Соседа	306
5	Друга	307
6	Супруга(и)	308
7	Супруга(и) Ваших детей	309
	39. Как бы Вы отнеслись, если кто-либо из Ваших ближайших родственников (сын, дочь, брат, сестра) вступил в брак с человеком другой национальности ?	310
1	Считаю брак нежелательным	311
2	Нац-ть в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдает обычаи моего народа	312
3	Предпочел бы человека своей национальности, но возражать бы против брака не стал	313
4	Национальность в браке не имеет значения	314
5	Затрудняюсь ответить	315
	40. На ваш взгляд как развиваются этнические процессы?	316
1	национальные различия будут стираться и в будущем образуется единая цивилизация	317
2	думаю, что в будущем останется лишь несколько крупных народов	318
3	предполагаю, что количество народов в ходе исторического развития не	319
4	изменяется и в будущем в этом плане не произойдет каких либо изменений	320
5	считаю, что в ходе развития одни народы сходят с исторической сцены и появляются новые	321
6	не могу сформулировать свое мнение по этому поводу	322

	41. Согласны ли Вы с тем, чтобы взрослые граждане могли менять свою национальность?	323
1	Согласен(а)	324
2	Не согласен(а)	325
3	Безразличен (а) к этому вопросу	326
	42. Есть ли у вас чувство сожаления по поводу утраты предками государственности?	327
1	Испытываю сожаления	328
2	Не испытываю сожаления	329
3	Не задумывался об этом	330
	43 Характеристика башкир, татар и русских по их оценкам и самооценкам?	331
1	доброта	332
	башкиры	333
	татары	334
	русские	335
2	гостеприимство	336
	башкиры	337
	татары	338
	русские	339
3	чистоплотность	340
	башкиры	341
	татары	342
	русские	343
4	трудолюбие	344
	башкиры	345
	татары	346
	русские	347
5	деловитость	348
	башкиры	349
	татары	350
	русские	351
6	стойкость	352
	башкиры	353
	татары	354
	русские	355
7	бескорыстие	356
	башкиры	357
	татары	358
	русские	359
8	одаренность	360

		башкиры	361
		татары	362
		русские	363
9	покорность		364
		башкиры	365
		татары	366
		русские	367
10	рабская психология		368
		башкиры	369
		татары	370
		русские	371
11	отсутствие взаимовыручки		372
		башкиры	373
		татары	374
		русские	375
12	равнодушие к судьбе своего народа		376
		башкиры	377
		татары	378
		русские	379
	45. Приходилось ли Вам в своей жизни сталкиваться с какими-либо отрицательными явлениями в сфере межнациональных отношений?		380
1	Да, сталкивался		381
2	Нет, не приходилось		382
	46. Какой фактор для вас является главным в определении национальности?		383
1	Национальность родителей		384
2	Язык		385
3	Вера		386
4	Своя семья		387
5	Обряды, праздники, обычаи		388
6	Имя		389
7	Характер		390
8	История		391
9	Территория проживания		392
10	Внешность		393
	47. Какие языки хотели бы выучить?		394
1	Английский		395
2	Башкирский		396
3	Русский		397
4	Татарский		398

5	Арабский	399
6	Немецкий	400
7	Турецкий	401
8	Французский	402
9	Мордовский	403
10	Никакие	404
	48. Назовите ваш жизненный уровень?	405
1	Богато	406
2	Выше среднего	407
3	Средне	408
4	Ниже среднего	409
5	Бедно	410
6	Число ответивших	411
	49. Как Вы оцениваете межнациональные отношения в:	412
	В России	413
1	Добрососедские	414
2	В будущем исчезнет разделение по национальному признаку	415
3	Существует верховенство одних наций над другими	416
4	Никак не оцениваю	417
	В Курганской области	418
1	Добрососедские	419
2	В будущем исчезнет разделение по национальному признаку	420
3	Существует верховенство одних наций над другими	421
4	Никак не оцениваю	422
	50. Как Вы оцениваете национальную политику правительства?	423
	В России	424
1	Одобрю политику правительства	425
2	Не одобряю политику правительства	426
3	Правительство не проводит нац. политику.	427
4	Никак не оцениваю	428
	В Курганской области	429
1	Одобрю политику правительства	430
2	Не одобряю политику правительства	431
3	Правительство не проводит нац. политику.	432
4	Никак не оцениваю	433
	51. Как Вы относитесь к мигрантам прибывающим в вашу область?	434
1	Положительно, так как они вносят вклад в развитие экономики края	435

2	Отрицательно, так как они лишают нас рабочих мест.	436
3	Безразлично	437
4	Негативно	438
52. Мигрантам каких национальностей Вы относитесь лучше? (пронумеруйте в зависимости от отношения)		439
1	Русские	440
2	Татары	441
3	Башкиры	442
4	Таджики	443
5	Узбеки	444
6	Армяне	445
7	Грузины	446
8	Чеченцы	447
9	Не одних	448
10	Безразлично	449
11	Ко всем отношусь хорошо	450
53. Есть ли для вас различия между мигрантами из республик СНГ и субъектов РФ?		451
1	Хорошо отношусь к мигрантам из республик СНГ	452
2	Хорошо отношусь к мигрантам из субъектов РФ	453
3	Плохо отношусь к мигрантам из республик СНГ	454
4	Плохо отношусь к мигрантам из субъектов РФ	455
5	Мое отношение к мигрантам зависит от их национальности	456
6	Ко всем отношусь одинаково хорошо	457
7	Ко всем отношусь одинаково плохо	458
54. Готовы ли Вы оказать помощь мигрантам ?		459
1	Да, посильную	460
2	Не думаю, что им нужна помощь	461
3	Категорически нет	462
4	Не знаю	463
55. Курганская область - один из благополучных регионов России?		464
1	Да	465
2	Скорее да	466
3	Скорее нет	467
4	Нет	468
5	Трудно сказать	469
Еще раз благодарим за помощь!		

Приложение №3

Фото №1. Праздник «Каргатуй». (д. Арсланово, Щучанский район Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №2. Приготовление праздничной каши. (д. Арсланово, Щучанский район Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №3. Замужние башкирки. (д. Арсланово, Щучанский район
Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №4. Детская игра «Ак-тирак Кук-тиряк». (д. Арсланово, Щучанский
район Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №5. Свадебный обряд «Плачь невесты». (д. Арсланово, Щучанский район Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №6. Борьба на поясах (женщины). (д. Арсланово, Щучанский район Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №7. **Борьба на поясах (бабушки).** (д. Арсланово, Щучанский район
Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №8. **Семья Сайфуллиных** (д. Шарипово, Альменевский район,
Курганская область. 2006 г. Фото автора)

Фото №9. На празднике «Каргатуй». (д. Арсланово, Щучанский район
Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №10. Дети на празднике «Каргатуй». (д. Арсланово, Щучанский район Курганская область. 2006 г. Фото автора.)

Фото №11. Сабантуй (д. Абултаево. Сафакулевский район. Курганской области 2006 г. Фото автора)

Фото №12. **Борьба на поясах (мужчины).** (д. Абултаево. Сафакулевский район. Курганской области 2006 г. Фото автора)

Фото №13. **Летняя кухня** (д. Пролетарка, Красногвардейский район, Оренбургская область 2004 г. Фото автора.)

Фото №14. **Семья Сайтовых** (д. Байрамгулово Аргаяшский район.
Челябинская область 2005 г. Фото автора)

Фото №15. (слева на право) **Ф.Х. Шафикова, Р.Ю. Мухаметжанов, М.И. Салимгареева, М.Г. Муллагулов.** (д. Бажикаево, Аргаяшский район
Челябинская область, 2005 г. Фото автора)

Фото №16. Осенние работы в огороде. (д. Дербишево Аргаяшский район.
Челябинская область 2005 г. Фото автора)